

Учредитель: Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение высшего образования
«Пермский государственный национальный исследовательский университет»

Редакционный совет

Александрова О. В., д. филол. н., проф. (Россия, МГУ)
Березович Е. Л., д. филол. н., проф. (Россия, УрФУ им. первого Президента России Б. Н. Ельцина)
Богданова-Бегларян Н. В., д. филол. н., проф. (Россия, СПбГУ)
Буле О., д-р, доц. (Нидерланды, ун-т Лейдена)
Вендина Т. И., д. филол. н., проф. (Россия, Москва, Институт славяноведения РАН)
Войтак М., д-р, проф. (Польша, Люблинский ун-т)
Джумайло О. А., д. филол. н., проф. (Россия, Ростов-на-Дону, Южный Федеральный университет)
Ерофеева Т. И., д. филол. н., проф. (Россия, ПГНИУ)
Котельников В. А., д. филол. н., проф. (Россия, СПб., Институт русской литературы РАН)
Краузе М., д-р, проф. (Германия, ун-т Гамбурга, Институт славистики)
Мызников С. А., д. филол. н., проф. (Россия, СПб., Институт лингвистических исследований РАН)
Овчинникова И. Г., д. филол. н., проф. (Израиль, ун-т Хайфы; Россия, Первый МГМУ им. И. М. Сеченова)
Полякова Е. Н., д. филол. н., проф. (Россия, ПГНИУ)
Поссампи Д., д-р, проф. (Италия, Падуанский университет)
Рут М. Э., д. филол. н., проф. (Россия, УрФУ им. первого Президента России Б. Н. Ельцина)
Савкина И., д-р, проф. (Финляндия, ун-т Тампере)
Саксена Р., д-р, проф. (Индия, ун-т Дели)
Ушакова О. М., д. филол. н., доц. (Россия, ТюменГУ)
Фэрр-Дюпэр А., д-р, доц. (Франция, ун-т Пуатье)
Чернявская В. Е., д. филол. н., проф. (Россия, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого)

Редакционная коллегия

Новокрещенных И. А. (гл. ред.), к. филол. н., доц. (Россия, ПГНИУ)
Русинова И. И. (зам. гл. ред.), к. филол. н., доц. (Россия, ПГНИУ)
Шутёмова Н. В. (зам. гл. ред.), д. филол. н., доц. (Россия, ПГНИУ)
Абашев В. В., д. филол. н., проф. (Россия, ПГНИУ)
Абашева М. П., д. филол. н., проф. (Россия, ПГГПУ)
Алексеева Л. М., д. филол. н., проф. (Россия, ПГНИУ)
Арустамова А. А., д. филол. н., доц. (Россия, ПГНИУ)
Баженова Е. А., д. филол. н., доц. (Россия, ПГНИУ)
Боронникова Н. В., к. филол. н., доц. (Россия, ПГНИУ)
Бочкарёва Н. С., д. филол. н., проф. (Россия, ПГНИУ)
Братухин А. Ю., д. филол. н., доц. (Россия, ПГНИУ)
Бурдина С. В., д. филол. н., доц. (Россия, ПГНИУ)
Данилевская Н. В., д. филол. н., доц. (Россия, ПГНИУ)
Дускаева Л. Р., д. филол. н., проф. (Россия, СПбГУ)
Ерофеева Е. В., д. филол. н., проф. (Россия, ПГНИУ)
Кондаков Б. В., д. филол. н., доц. (Россия, ПГНИУ)
Кочкарева И. В., к. филол. н., доц. (Россия, ПГНИУ)
Кушнина Л. В., д. филол. н., проф. (Россия, ПНИПУ)
Мишланов В. А., д. филол. н., проф. (Россия, ПГНИУ)
Нестерова Н. М., д. филол. н., проф. (Россия, ПНИПУ)
Подюков И. А., д. филол. н., проф. (Россия, ПГГПУ)
Проскурнин Б. М., д. филол. н., проф. (Россия, ПГНИУ)
Серова Т. С., д. филол. н., проф. (Россия, ПНИПУ)

Адрес учредителя и издателя: 614990, Пермский край, г. Пермь, ул. Букирева, д. 15.

Адрес редакции: 614990, Пермский край, г. Пермь, ул. Букирева, д. 15 (Факультет современных иностранных языков и литератур, Филологический факультет). E-mail: langlit2009@mail.ru.

Сайт журнала: <http://press.psu.ru/index.php/philology>. Администратор сайта А. В. Пустовалов, контент-редактор англоязычной версии сайта Е. В. Исаева.

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Свидетельство о регистрации: ПИ № ФС 77-66482 от 14.07.2016 г.

Издание включено в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук (10.01.01 – Русская литература, 10.01.03 – Литература народов стран зарубежья (с указанием конкретной литературы), 10.01.08 – Теория литературы. Текстология, 10.01.09 – Фольклористика, 10.01.10 – Журналистика, 10.02.01 – Русский язык, 10.02.02 – Языки народов Российской Федерации (с указанием конкретного языка или языковой семьи), 10.02.03 – Славянские языки, 10.02.04 – Германские языки, 10.02.14 – Классическая филология, византийская и новогреческая филология, 10.02.19 – Теория языка, 10.02.20 – Сравнительно-историческое типологическое и сопоставительное языкознание, 10.02.21 – Прикладная и математическая лингвистика).

Founder: Perm State University

Editorial Council

Olga Aleksandrova (Russia, Moscow State University)
Elena Berezovich (Russia, Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin)
Natalya Bogdanova-Beglarian (Russia, Saint Petersburg State University)
Otto Boele (Netherlands, Leiden University)
Tatyana Vendina (Russian Academy of Sciences, Moscow, Institute of Slavic Studies)
Maria Voytak (Poland, Lublin University)
Olga Dzhumaylo (Russia, Rostov-on-Don, Southern Federal University)
Tamara Erofeeva (Russia, Perm State University)
Vladimir Kotelnikov (Russian Academy of Sciences, Saint Petersburg, Institute of Russian Literature)
Marion Krause (Germany, University of Hamburg, Institute for Slavic Studies)
Sergey Myznikov (Russian Academy of Sciences, Saint Petersburg, Institute of Linguistic Studies)
Irina Ovchinnikova (Israel, University of Haifa; Russia, I. M. Sechenov First Moscow State Medical University)
Elena Polyakova (Russia, Perm State University)
Donatella Possamai (Italy, University of Padua)
Mary Rut (Russia, Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin)
Ranjana Saxena (India, University of Delhi)
Irina Savkina (Finland, University of Tampere)
Olga Ushakova (Russia, Tyumen State University)
Anne Faivre Dupaigne (France, University of Poitiers)
Valeriya Chernyavskaya (Russia, Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University)

Perm Editorial Board

<i>Irina Novokreshchennykh</i> – <i>Editor-in-Chief</i> (Perm State University)	<i>Natalya Danilevskaya</i> (Perm State University)
<i>Irina Rusinova</i> – <i>Associate Editor</i> (Perm State University)	<i>Liliya Duskaeva</i> (Saint Petersburg State University)
<i>Natalya Shutemova</i> – <i>Associate Editor</i> (Perm State University)	<i>Elena Erofeeva</i> (Perm State University)
<i>Vladimir Abashev</i> (Perm State University)	<i>Boris Kondakov</i> (Perm State University)
<i>Marina Abasheva</i> (Perm State Humanitarian- Pedagogical University)	<i>Irina Kochkareva</i> (Perm State University)
<i>Larissa Alekseeva</i> (Perm State University)	<i>Ludmila Kushnina</i> (Perm National Research Polytechnic University)
<i>Anna Arustamova</i> (Perm State University)	<i>Valeriy Mishlanov</i> (Perm State University)
<i>Elena Bazhenova</i> (Perm State University)	<i>Natalya Nesterova</i> (Perm National Research Polytechnic University)
<i>Natalya Boronnikova</i> (Perm State University)	<i>Ivan Podyukov</i> (Perm State Humanitarian- Pedagogical University)
<i>Nina Bochkareva</i> (Perm State University)	<i>Boris Proskurnin</i> (Perm State University)
<i>Alexandr Bratukhin</i> (Perm State University)	<i>Tamara Serova</i> (Perm National Research Polytechnic University)
<i>Svetlana Burdina</i> (Perm State University)	

Address of the founder and publisher: 15, Bukireva st., Perm, 614990, Perm Krai

Address of the editorial office: 15, Bukireva st., Perm, 614990, Perm Krai

(Faculty of Modern Languages and Literatures, Faculty of Philology). E-mail: langlit2009@mail.ru

Web-site of the journal: <http://press.psu.ru/index.php/philology>

Site administrator A. V. Pustovalov, content editor of the English version of the site E. V. Isaeva

СОДЕРЖАНИЕ

ЯЗЫК, КУЛЬТУРА, ОБЩЕСТВО	5
Бурдина О. Б., Олехнович О. Г. ОСОБЕННОСТИ НОМИНАЦИИ ЛЕКАРСТВЕННЫХ ФОРМ В РОССИИ: РАЗВИТИЕ ТЕРМИНА	5
Василенко Д. В. СТАДИИ ФОРМИРОВАНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ЗНАНИЯ И ИХ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ В ТЕКСТЕ (на материале текстов нанотехнологий)	15
Герман Е. И. ДИДАКТИЧЕСКАЯ ТОНАЛЬНОСТЬ И ЕЕ РЕАЛИЗАЦИЯ В ТЕКСТАХ ПРОПОВЕДЕЙ А. МЕНЯ	24
Гладкова К. Ю. ВОПРОСЫ “WHY” КАК ФАКТОР ОБРАЗОВАНИЯ СВЯЗНОСТИ В РОМАНЕ Г.СВИФТА “WATERLAND”	37
Ерофеева Е. В., Юшкова С. Е. ЗНАНИЕ И УПОТРЕБЛЕНИЕ ЛОКАЛИЗМОВ В ПЕРМСКОМ КРАЕ: 80–90 гг. XX в. vs 2020 г.	48
Маштакова Е. И. ЛЕКСИЧЕСКИЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В СОЦИОЛЕКТЕ СУБКУЛЬТУРЫ ДРИФТЕРОВ	57
Чжан Шучунь. ОСОБЕННОСТИ ПОВЕДЕНИЯ МНОГОЗНАЧНОГО СУЩЕСТВИТЕЛЬНОГО «РЕАЛЬНОСТЬ» В РУССКИХ ГАЗЕТНЫХ ТЕКСТАХ	64
ЛИТЕРАТУРА В КОНТЕКСТЕ КУЛЬТУРЫ	73
Васильева Е. В. СПОСОБЫ И ПРИЕМЫ МИФОЛОГИЗАЦИИ В РОМАНЕ С. РУШДИ «ЗЕМЛЯ ПОД ЕЕ НОГАМИ»	73
Житенев А. А. О НЕСКОЛЬКИХ «ЭРМИТАЖНЫХ» ЭКФРАЗИСАХ ВИКТОРА КРИВУЛИНА	83
Иванова Е. А. ТРАНСФОРМАЦИЯ ТРАДИЦИОННЫХ ПЕРСОНАЖЕЙ ФЭНТЕЗИ В ТРИЛОГИИ ДЖО АБЕРКРОМБИ «ПЕРВЫЙ ЗАКОН»	90
Кучумова Г. В. СОВРЕМЕННЫЙ ПОЭТИЧЕСКИЙ ДИСКУРС: ЯЗЫКОВАЯ ПРИРОДА ГЕРМЕТИЗМА	99
Селютина Е. А. «НАРРАТИВ ОБ АВТОРЕ» В КОНТЕКСТЕ ПРОБЛЕМЫ САМОИДЕНТИФИКАЦИИ ПИСАТЕЛЯ В СОВРЕМЕННОМ ЛИТЕРАТУРНОМ ПРОЦЕССЕ	109
Синицына М. В. ЭССЕИСТИКА В. С. ПОДШИВАЛОВА В ЖУРНАЛЕ «ПРИЯТНОЕ И ПОЛЕЗНОЕ ПРЕПРОВОЖДЕНИЕ ВРЕМЕНИ»	119

CONTENTS

<i>LANGUAGE, CULTURE, SOCIETY</i>	5
Burdina O. B., Olekhovich O. G. DENOMINATION OF DOSAGE FORMS IN RUSSIA: DEVELOPMENT OF THE TERMS	5
Vasilenko D. V. PROFESSIONAL KNOWLEDGE FORMATION STAGES AND THEIR REPRESENTATION IN TEXT (as Illustrated by Nanotechnology Research Texts)	15
German E. I. MEANS OF IMPLEMENTING DIDACTIC TONE IN RELIGIOUS TEXT (on the Material of Orthodox Sermons)	24
Gladkova K. Yu. ‘WHY’ QUESTIONS AS A COHESIVE FACTOR IN ‘WATERLAND’ BY G. SWIFT	37
Erofeeva E. V., Yushkova S. E. KNOWLEDGE AND USAGE OF LOCAL LEXIS IN PERM KRAI: 1980s – 1990s vs 2020	48
Mashtakova E. I. LEXICAL INTERACTIONS IN THE SOCIOLECT OF THE DRIFTING SUBCULTURE	57
Zhang Shuchun. CHARACTERISTICS OF THE POLYSEMIC NOUN «REAL’NOST’» IN RUSSIAN NEWSPAPER TEXTS	64
<i>LITERATURE IN THE CULTURAL CONTEXT</i>	73
Vasiljeva E. V. METHODS AND TECHNIQUES OF MYTHOLOGIZATION IN S. RUSHDIE’S NOVEL ‘THE GROUND BENEATH HER FEET’	73
Zhitenev A. A. ON SEVERAL ‘HERMITAGE’ EKPHRASES BY VIKTOR KRIVULIN	83
Ivanova E. A. TRANSFORMATION OF TRADITIONAL FANTASY CHARACTERS IN JOE ABERCROMBIE’S ‘THE FIRST LAW’ TRILOGY	90
Kuchumova G. V. MODERN POETIC DISCOURSE: THE LINGUISTIC NATURE OF HERMETICISM	99
Selyutina E. A. ‘NARRATIVE ABOUT THE AUTHOR’ AND THE PROBLEM OF WRITERS’ SELF-IDENTIFICATION IN MODERN LITERARY PROCESS	109
Sinitsyna M. V. V. S. PODSHIVALOV’S ESSAYS IN THE MAGAZINE ‘PLEASANT AND USEFUL PASTIME’	119

ЯЗЫК, КУЛЬТУРА, ОБЩЕСТВО

УДК 81'37
doi 10.17072/2073-6681-2021-1-5-14

ОСОБЕННОСТИ НОМИНАЦИИ ЛЕКАРСТВЕННЫХ ФОРМ В РОССИИ: РАЗВИТИЕ ТЕРМИНА

Ольга Борисовна Бурдина

к. филол. н., доцент кафедры латинского языка и фармацевтической терминологии
Пермская государственная фармацевтическая академия Минздрава России
614990, Россия, г. Пермь, ул. Полевая, 2. burdina-pfa@yandex.ru

SPIN-код: 4186-4143

ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-2737-8313>

Ольга Георгиевна Олехнович

к. филол. н., доцент кафедры иностранных языков
Уральский государственный медицинский университет Минздрава России
620028, Россия, г. Екатеринбург, ул. Репина, 3. olgaolech@yandex.ru

SPIN-код: 4651-2599

ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-9744-1774>

Статья поступила в редакцию 25.01.2021

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Бурдина О. Б., Олехнович О. Г. Особенности номинации лекарственных форм в России: динамика развития термина // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2021. Т. 13, вып. 1. С. 5–14. doi 10.17072/2073-6681-2021-1-5-14

Please cite this article in English as:

Burdina O. B., Olekhnovich O. G. Osobennosti nominatsii lekarstvennykh form v Rossii: razvitiye termina [Denomination of Dosage Forms in Russia: Development of the Terms]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2021, vol. 13, issue 1, pp. 5–14. doi 10.17072/2073-6681-2021-1-5-14 (In Russ.)

Настоящее исследование посвящено проблеме функционирования термина в профессиональном дискурсе. Термин как концепт знания участвует в процессах получения, а также обработки, хранения и трансляции информации об окружающем мире.

Цель работы – исследовать лингвистические характеристики терминологии на разных этапах развития терминосистемы фармации. Анализируются два пласта терминов: период становления терминосистемы (XVII в.) и современный период (с начала XXI в.), каждый из которых представлен своим типом терминологизации.

Материалом исследования послужили латинские / латинизированные и русские термины со значением «лекарственная форма», представленные в фармацевтических документах (рукописные рецепты из Архива Древних актов XVII в. и Государственные фармакопеи Российской Федерации).

В первой части исследования описывается тематическая группа «названия лекарственных форм» периода XVII в. Анализируются латинские и соответствующие им русские термины и образованные на их основе номенклатурные наименования. Изучается причина вариантности этой терминологической группы. Во второй части исследования рассматриваются лингвистические и экстралингвистические причины трансформации этой группы терминологических единиц, изучается продуктивность новых моделей номинации лекарственных форм.

В статье используются сопоставительный, структурный, этимологический методы анализа, а также экспертный метод (при отборе терминов из коллекции фармацевтических текстов) и метод терминологического моделирования.

В результате работы авторы пришли к следующим выводам: являясь инструментом языка профессиональной коммуникации, термин не только выражает специальное понятие, но и развивается в процессе функционирования. Благодаря своей динамической природе термин может развиваться в дискурсе и формировать новые связи внутри терминосистемы специального предметного поля (фармации). С другой стороны, развитие терминосистемы способствует процессу упорядочивания терминологии.

Ключевые слова: термин; дискурс; профессиональная коммуникация; терминосистема; фармацевтическая терминология; фармакопея; названия лекарственных форм.

Современное терминоведение рассматривает термин не столько как фиксатор определенного научного понятия, сколько как инструмент познания, структурный элемент профессионального знания и профессиональной культуры специалиста [Alekseeva 2011; Faber 2012]. Исследователи отмечают, что за термином стоит не единичное понятие, а целая информационно-когнитивная структура, реализуемая в профессионально ориентированной коммуникации [Федюченко 2020: 36].

Природа термина диалектична, он сочетает в себе «стабильную знаковую систему и ее постоянное переосмысление» [Алексеева, Мишланова 2015: 126]. В профессиональной коммуникации термин концептуализирует и классифицирует специальное знание, участвует в процессах получения, обработки, хранения и трансляции знаний. Термин в профессиональной коммуникации не может выступать изолированно, он всегда – фрагмент терминосистемы, вписан в систему понятий, что позволяет ему быть несколько шире конкретного понятия (ограниченного дефиницией), которое он номинирует в определенный момент действительности. Благодаря этому свойству у термина, кроме «точки фиксации», появляется «точка роста», что позволяет использовать его для концептуализации и классификации новых явлений.

Развитие термина в профессиональной коммуникации неизбежно ведет к появлению вариантов, поскольку и сам термин – всегда вторичная номинация по отношению к понятию, которое он номинирует [Табанакова 2013: 20], и «каждый тип дискурсивной практики предполагает специфику терминологического варьирования, поскольку трансдискурсивная модель описывает все многообразие терминологических репрезентаций дискурса» [Алексеева, Мишланова 2020: 77].

Терминология специального научного поля может формироваться под воздействием разных (лингвистических и экстралингвистических) факторов, что отражается в выборе терминов, которые могут выступать как абсолютные синонимы с терминосистеме определенной области знаний. Так, в сфере здоровьесбережения (медицинский и фармацевтический дискурсы) источником терминообразования исторически служил греко-

латинский словообразовательный фонд, и по сей день профессиональная терминология сферы здравоохранения в качестве вариантных форм использует латинские неадаптированные (с сохранением грамматики языка-донора), адаптированные (к грамматике языка-реципиента) и переводные термины, например: gastritis / гастрит / воспаление слизистой оболочки желудка – все эти термины являются вариантами репрезентации определенного медицинского понятия (которое может быть выражено через дефиницию, например, в медицинском словаре) и ни один не может позиционироваться как универсальный инвариант.

Дублетность некоторых латинских и русских терминов в языке фармации является не просто данью традиции, она законодательно закреплена: в государственном фармацевтическом стандарте – Государственной фармакопее (далее – ГФ) – прописано обязательное использование латинских или латинизированных терминов для номинации лекарственных средств¹.

Началом формирования русской фармацевтической терминологии считается период XVII в. Именно в это время появляется огромное количество фармацевтических терминов, происходит формирование отдельных тематических групп. Особого внимания заслуживает группа названий лекарственных форм, в которую входили как сами термины, так и образованные на их основе номенклатурные наименования.

На протяжении истории цивилизации лекарственные формы подвергались значительному химико-технологическому развитию, однако большинство названий лекарственных форм сохранилось до настоящего времени.

Основным источником исследования названий лекарственных форм периода XVII в. считаются рукописные рецепты из Архива древних актов [РГДДА, Ф. 143, Оп. 2], а также рецепты, опубликованные в III томе Актов исторических, собранных и изданных Археографической комиссией [Акты исторические... 1841].

Нами было выявлено более 40 лекарственных форм, были определены образованные на их основе номенклатурные наименования. Среди названий мы встречаем не только известные издавна (пластырь, мазь, порошок, масло), но и со-

вершенно новые, которые начинают активно осваиваться в русском языке в период XVII в. (сироп, сок, экстракт, пилюля, эликсир, роб и др.). В результате анализа тематической группы были выделены 3 основных разновидности лекарственных форм: твердые, жидкие и мягкие.

К твердым относились порошок 'порошок', конфекта (смесь лекарственных веществ с сахаром), сахар 'тростниковый сахар' и его разновидности леденец – 'топленный сахар' и головной сахар 'желтый сахар', соль, троцисса 'пастилка', консерва (свежий и сгущенный растительный сок с сахаром), специэсь 'лекарственный сбор', пилюля, филониумь.

Более широко были представлены жидкие лекарственные формы – водка, декокт 'отвар', эликсир, эссенция, экстракт, масло, микстура, лоох (сгущенный сок плодов, трав), рооб 'густой сок' (сложная смесь из упаренных вытяжек с медом), сироп, тинктура 'настойка', спирт, сок, оксимель 'уксусомед', ротула 'лепешка', уксус, эссенция, юлеп (раствор лекарственных веществ в ароматных водах с добавлением сахара).

Среди мягких лекарственных форм часто встречаются воск, пластырь, мазь, лекарственные каши, похожие на пасты, – универсальные противоядия митридат и терьяк, электварий (смесь растительных порошков с медом или сиропом).

Стоит отметить, что лишь несколько названий издавна используются в русском языке – мазь [Фасмер 1996: 1, 558]; масло [Фасмер 1996: 2, 278]; порошок [Фасмер 1996: 3, 332–333]. Появление большинства названий относится к периоду XVII в., например: пилюля [Черных 1999: 2,32]; спирт [Фасмер 3,735]; сироп [Фасмер 1996: 2, 627]; началом XVIII в. датируются в словарях, например, следующие: экстракт в 1704 г. [Фасмер 1996: 4, 51]; эссенция в 1703 г. [Фасмер 1996: 4, 521]; конфекта впервые у Петра I [Фасмер 1996: 2, 315].

Основная часть неологизмов имеют латинское происхождение – конфекта < лат. *confectio*, спирт < лат. *spiritus*, троцисса < лат. *trocissus*, консерва < лат. *conserva*, специэсь < лат. *species*, пилюля < лат. *pilula*, митридат < лат. *Mithridatum*, филониумь < лат. *philonium*, декокт < лат. *decoctum*, эликсир < лат. *elixir*, эссенция < лат. *essentia*, электварий < лат. *electuarium*, экстракт < лат. *extractum*, микстура < лат. *mixtura*, лоох < лат. *looch*, рооб < лат. *roob*, сироп < лат. *sirupus*, тинктура < лат. *tinctura*, сок < лат. *succus*, оксимель < лат. *oxymel*, ротула < лат. *rotula*, эссенция < лат. *essentia*, юлеп < лат. *julepium*.

Одни наименования (филониум, митридат и терьяк Андромаха) названы именами составителей – соответственно Филона (I в. н. э.; понтийского царя (130–63 гг. до н. э.), Митридата VI

Евпатора и врача императора Нерона Андромаха; другие названия связаны с особенностями внешней формы (пилюля, ротула), третьи – с особенностями приготовления (микстура, спирт, декокт).

Освоение большинства названий лекарственных форм проходило очень сложно – в рукописях зафиксировано большое количество вариантов на всех уровнях языка.

Фонетические варианты отмечаются среди гласных и согласных как в сильных, так и в слабых позициях – лат. *spiritus* > *спиртусь* // *спири-тусь*, лат. *species* > *специэсь* // *списיעсь* // *спе-цыусь*, лат. *electuarium* > *электваріумь* // *элект-уаріумь* // *лектваріемь*, лат. *essentia* > *эсенция* // *ассенция*, лат. *theriaca Andromachi* > *терьякь андромахи* // *feriakь андромахь* // *фіяркь антромахи*, лат. *Mithridatum* > *митридать* // *митридацумь* // *митридаціумь*, лат. *extractum* > *экстрактъ* // *экстрактъ* // *икстрактъ* // *экстракт-омь*, *oleum Rosmarini* > *масло розмаринное* // *розмолиное* // *размаринное*, лат. *sirupus* > *сиропъ* // *сыропъ*. Вариантность отмечается и среди наименований местного материала – *водка* // *вотка*; *масло серобаринное* // *сверобаринное* // *свороборинное*.

Грамматические варианты просматриваются в основном на уровне окончаний как самих лекарственных форм – лат. *spiritus* > *спирт* // *спиртусь*, лат. *pulvis* > *пулвис* // *пулва*, так и их номенклатурных образований. В частности, грамматические варианты увеличиваются в основном за счет окончаний, обусловленных влиянием латинского языка – *Aqua Rutae* > *водка руты* – *рути* – *руте* – влияние латинского род. падежа ед. ч.; *unguentum digestivum* > *мазь дигестива* // *дигестивумь* – влияние латинского им. падежа.

Словообразовательная вариантность наблюдается как среди самих названий лекарственных форм – лат. *emplastrum* > *пластырь* // *пластъ*, лат. *pulvis* > *порохъ* // *порошокъ*, так и среди номенклатурных образований – лат. *oleum Anisi* > *масло анисное* // *масло анисовое*; лат. *oleum Caryophyllogum* > *масло гвоздичное* // *масло гвоздиковое*.

Лексические варианты связаны в основном с выбором русского или латинского названия – лат. *spiritus* > *спиртъ* // *духъ*, лат. *pulvis* > *порохъ* // *пулвис* // *пулва*, лат. *conserva* > *сахаръ* // *консерва*; лат. *succus* > *сок* // *суккус*; *unguentum* > *мазь* // *унгентумь*.

Отметим, что многие названия имеют многокомпонентные варьирования.

Отсутствие нормы, с одной стороны, значительно осложняло освоение неологизмов, с другой стороны – открывало возможности выбора наиболее подходящего варианта.

Для номенклатурных образований варьирование наблюдается также на синтаксическом уровне – *Aqua Cinnamoti* > водка коричная из вина // коришная с вином, *Aqua Fragariae* > водка земляничная // из ягод земляницы, *Unguentum Cancrosum* > мазь раковая // раковая мазь.

Структура номенклатурных наименований формировалась в процессе перевода латинских терминов.

Самый простой способ, который применяли переводчики – транслитерация или транскрипция. Он использовался не только при затруднениях, возникающих при переводе неологизмов, но и при возможной совместимости русского и латинского варианта – *тинктура* < лат. *tinctura*, *микстура* < лат. *mixtura*. Это касалось не только наименований лекарственных форм, но и всех слов, входящих в состав номенклатурного наименования – *Oxim[ellis] Scillitici* > *аξιμε[л]ла сциллитико[м]* [РГАДА, Ф. 143, оп. 2, ед. хр. 744, л. 4–6]; *Decosti Erithymi* > *деко[к]ту питими* [РГАДА, Ф. 143, оп. 2, ед. хр. 829, л. 16–17]; *emp[lastris]: decicuta cum Atoniasum* > *Пластыря децикута ку[м]а-монияку[м]* [РГАДА, Ф. 143, оп. 2, ед. хр. 829, л. 22а–23]; *Julep[is]: rosar[um]:* > *юлену розару[м]* [РГАДА, Ф. 143, оп. 2, ед. хр. 965, л. 27–28]; *Syrup: Ribium* > – *сыропу рибииу[м]* [РГАДА, Ф. 143, оп. 2, ед. хр. 965, л. 12]; *Extr[acti]Ellebofri nigri* > *экстракт[м] элбури нигри* [РГАДА, Ф. 143, оп. 2, ед. хр. 965, л. 16–20].

Другой способ перевода, который получил развитие в указанный период – прием лексико-грамматической транспозиции, связанный с заменой частей речи, порядка слов, а также членением или объединением номенклатурных наименований.

Замена частей речи в основном связана с заменой латинского существительного в форме родительного падежа единственного и множественного числа прилагательным, от основы которого оно образуется, – *Aq[uae] hyssopi* > водки *исоновой* [РГАДА, Ф. 143, оп. 2, ед. хр. 1059, л. 7]; *Aq[uae] meliss[ae]* > водки *мелисовы* [РГАДА, Ф. 143, оп. 2, ед. хр. 877, л. 11–12]; *Conserv[ae] absinth[is]* > *Сахару полы[н]ного* [РГАДА, Ф. 143, оп. 2, ед. хр. 736, л. 1–3]; *Aq[uae] Menthae* > *во[м]ки мятно[й]* [РГАДА, Ф. 143, оп. 2, ед. хр. 737, л. 1].

Иногда при переводе использовались включения лексем, которые отсутствовали в латинском варианте. Причины, вызывающие необходимость лексических добавлений в тексте перевода, могли быть различными. Одной из них является то, что переведенная конструкция более удобна и гармонична для русского номенклатурного наименования. Если добавление предлога придает грамматическую завершенность в процессе перевода, то добавление переводчиком отдельных слов, чаще

всего для большей ясности, изменяет содержательное значение, несколько сужая его границы. Это происходит, например, при добавлении предлога – *Sirupus Sirasorum* > *сыропу и[з] више[н]* [РГАДА, Ф. 143, оп. 2, ед. хр. 796, л. 3–4]; *Spiritus rad[icis] Valerianae* *o[u]xy* > *искорени бо[л]де[р]яну* [РГАДА, Ф. 143, оп. 2, ед. хр. 743, л. 2]; *Aq[uae] Raphani* > *во[м]ки ичр[ъ]ну* [РГАДА, Ф. 143, оп. 2, ед. хр. 737, л. 1]; предлога и названия лекарственного сырья – *Essentia Rutae* > *Эсенция ис травы рюты* [РГАДА, Ф. 143, оп. 2, ед. хр. 829, л. 52]; *aq[uae] artemis[is]* > *Во[д]ки истравы че[р]нобы[л]но[й]* [РГАДА, Ф. 143, оп. 2, ед. хр. 736, л. 1–3]; *Syrupi Berberori[m]* > *сыропу и[з] яго[д] ба[р]барисовы[х]* [РГАДА, Ф. 143, оп. 2, ед. хр. 737, л. 7–8]; предлога и лекарственной формы – *Syrup[us] rubi jdae* > *сыропу ис соку малинового* [РГАДА, Ф. 143, оп. 2, ед. хр. 877, л. 3–4]; *Sacchari Anysati* > *Сахару с аисовы[м] масло[м]* [РГАДА, Ф. 143, оп. 2, ед. хр. 744, л. 7–9].

Прямо противоположное добавлению явление связано с выражением значения, которое может быть извлечено из номенклатурного наименования. Обычно при переводе опущению чаще всего подвергаются слова, являющиеся семантически избыточными с точки зрения переводчика. Такая избыточность оправдана при опущении предлогов – *Emp[lastris] de meliloto* – *пластыря мелилотного* [РГАДА, Ф. 143, оп. 2, ед. хр. 805, л. 1]; *Syrupi de Hyssopo* > *Сыропу исонова* [РГАДА, Ф. 143, оп. 2, ед. хр. 747, л. 4–5]. Но когда дело касается опущения ключевых слов, происходит существенное изменение содержания. Опускается название части растения *Rob Bacc[arum] Juniperi* > *ропу юнитури* [РГАДА, Ф. 143, оп. 2, ед. хр. 829, л. 66а–67]; *Cons[ervae] flor[um] lavender[ulae]* > *Сахару лаве[н]дулового* [РГАДА, Ф. 143, оп. 2, ед. хр. 736, л. 1–3]; *Olei nucis moschatae* > *Масла муика[т]нового* [РГАДА, Ф. 143, оп. 2, ед. хр. 737, л. 11–12]; лекарственной формы – *Pulv[eris] radic[is] ireos* > *[порошка] корени фиалкового* [РГАДА, Ф. 143, оп. 2, ед. хр. 875, л. 5–6]; название уточняющего определения – *Ligni Sassafras pulverati* > *Дерева сасофрасу [порошкового]* [РГАДА, Ф. 143, оп. 2, ед. хр. 706, л. 34–36]; *Pulv[eris] rad[icis] paeon[is] maris* > *Коре[н]я Пионии [мужского]* [РГАДА, Ф. 143, оп. 2, ед. хр. 965, л. 8–9]; *Pulv[eris] rad[icis] Ireos Florent[inae]* > *Коре[н]я вьялкового [флорентийского]* [РГАДА, Ф. 143, оп. 2, ед. хр. 965, л. 8–9]; *Syrupi rubi idaei* > *сыропу и[з]малин[ы]* *[обыкновенной]* [РГАДА, Ф. 143, оп. 2, ед. хр. 1059, л. 1–2]. Часто переводчики отбрасывают сразу несколько компонентов, например, название лекарственной формы и видовое обозначение фитонима или определение, указывающее на разновид-

ность лекарственной формы – *Pulv[eris] rad[icis] paeon[iae] maris* – [порошка] Корень Пионии [мужской] [РГАДА, Ф. 143, оп. 2, ед. хр. 965, л. 8–9]; *Pulveris absinthii et menthae* > полыню сухо мяты сухо [РГАДА, Ф. 143, оп. 2, ед. хр. 737, л. 126–127]; название части растения и уточняющее определение – *Seminis Anisi conquassati* > анису [РГАДА, Ф. 143, оп. 2, ед. хр. 829, л. 1236–125]; *Fol[iorum] trifol[ii] acetos[i] virid[is]* > травы ал[л]шу[й]я [РГАДА, Ф. 143, оп. 2, ед. хр. 826, л. 4–5]; *Syrupi e radicibus Enulae Campanae* > сиропу девесуного [РГАДА, Ф. 143, оп. 2, ед. хр. 744, л. 4–5].

Несмотря на относительную устойчивость латинского языка для некоторых названий существовали синонимы, которые затрудняли перевод – *Ireos* и *violarum* на русский язык всегда переводились одним словом ‘фьялковый’ (*Pulv[eris] Radic[is] Ireos* > Корени фьялкового [РГАДА, Ф. 143, оп. 2, ед. хр. 744, л. 5]; *Syrup[um] violar[um]* > Сиропу фьялкового [РГАДА, Ф. 143, оп. 2, ед. хр. 804, л. 1]. Существительные *anthos* и *Rosmarini* на русском языке обозначали ‘розмаринный’ (*Cons[ervae] flor[um] anthos* > сахару розмаринного [РГАДА, Ф. 143, оп. 2, ед. хр. 826, л. 3–4] и *fl[orum] Rosmarini* > цвету розмаринного [РГАДА, Ф. 143, оп. 2, ед. хр. 743, л. 22–23].

Фармацевтическая отрасль бурно развивается в XXI в., что объясняется изменением политической и экономической ситуации во всем мире. Развитие коммуникации, стирание границ, связанное с широким использованием информационных технологий, привело к изменению нормативной базы и попытке выработать общие стандарты для терминологий разных стран (подробнее об этом [Jones 2016; Костромина 2016; Краснюк, Демина 2016: 46; Лазарева, Ростова 2017]).

На рубеже XX–XXI вв. для формирования общих фармацевтических стандартов была разработана наднациональная Европейская фармакопея, которая не только унифицировала фармацевтические стандарты в Европе, но и оказала значительное влияние на национальные фармакопеи других стран: многие нормативные названия лекарственных средств подверглись значительным изменениям [Лазарева, Бурдина 2019].

Отечественная фармация в XXI в. пережила «проверку на прочность»: в течение сравнительно небольшого временного промежутка (с 2007 по 2018 г.) вышло сразу несколько государственных фармацевтических стандартов: Государственные фармакопеи XII (часть 1), XIII и XIV изданий, при этом (до выхода ГФ-XIV) ГФ-XI также не утратила свой правовой статус. Такая ситуация способствовала не только появлению большого количества узаконенных терминологических вариантов, но и большой терминологической путанице, поскольку разные фармакопеи предписывали использование разных словообразовательных моделей терминов.

Отметим, что в ГФ-XIII впервые прописана регламентация использования названий лекарственных форм (ОФС.1.4.1.0001.15 Лекарственные формы, [ГФ-XIII]), уточнена дефиниция понятия («Лекарственная форма – состояние лекарственного препарата, соответствующее способам его введения и применения и обеспечивающее достижение необходимого лечебного эффекта»), а также представлены классификация и перечень лекарственных форм: «Все лекарственные формы могут быть иерархически классифицированы: по агрегатному состоянию, типу дисперсной системы, пути введения и типу высвобождения» (табл. 1).

Таблица 1 / Table 1

Классификация лекарственных форм Classification of Dosage Forms

Уровень	Классификационный признак			
1	Лекарственные формы по агрегатному состоянию			
	твердые	жидкие	мягкие	газообразные
2	Лекарственные формы по типу дисперсной системы			
	гомогенные	гетерогенные	комбинированные	
3	Лекарственные формы по пути введения			
	для приема внутрь	для наружного применения	для местного применения	для парентерального применения
4	Лекарственные формы по типу высвобождения			
	с обычным высвобождением		с модифицированным высвобождением	

Итак, согласно ГФ-XIII, к твердым лекарственным формам относятся: таблетки, капсулы, порошки, гранулы, драже, пастилки, лиофилизаты, имплантаты, карандаши, тампоны, сборы, пленки и др. Жидкие лекарственные формы –

это растворы, капли, сиропы, суспензии, эмульсии, жидкие экстракты, настойки, эликсиры, концентраты, шампуни, настои, отвары и др. К мягким лекарственным формам относятся мази, кремы, гели, линименты, пасты, суппозитории,

пластыри, жевательные резинки и др. Газообразные лекарственные формы – газы медицинские, аэрозоли, спреи, ингаляционные лекарственные формы и др. По типу дисперсной системы лекарственные формы могут быть гомогенными, гетерогенными и комбинированными. По пути введения различают лекарственные формы для приема внутрь, наружного применения, местного применения и парентеральные лекарственные формы. По типу высвобождения: лекарственные формы могут иметь обычное и модифицированное высвобождение. Модифицированное (нестандартное) высвобождение может быть замедленным, непрерывным, прерывистым (пульсирующим), отсроченным и ускоренным. Все эти характеристики и определения могут комбинироваться для уточнения конкретной лекарственной формы и, конечно, быть представлены на русском и латинском языках в виде многокомпонентного термина по заданной модели: *Ketoprofeni lyophilisatum pro solutione pro infusionibus – Кетопрофена лиофилизат для [приготовления] раствора для инфузий*.

В ГФ-XIV продолжена работа по учету и стандартизации лекарственных форм, в фармакопейную практику введены новые фармакопейные статьи и, соответственно, новые номинации: «Газы медицинские», «Губки лекарственные», «Импланты», «Капли», «Карандаши лекарственные», «Концентраты», «Леденцы», «Лиофилизаты», «Пастилки», «Пены», «Пленки», «Плитки», «Резинки жевательные лекарственные», «Системы терапевтические», «Соки», «Тампоны лекарственные», «Шампуни лекарственные», «Эликси-

ры». В них «впервые регламентированы требования к отдельным лекарственным формам, часть из которых характерна для лекарственных препаратов только российских производителей (например, карандаши лекарственные), а часть внедрена в зарубежные и отечественные фармацевтические производства сравнительно недавно и не относится к числу традиционных. Это системы терапевтические, резинки жевательные лекарственные, тампоны лекарственные, шампуни лекарственные и некоторые другие» (подробнее об этом: [ГФ-XIV]).

Значительным терминологическим изменением является транспозиция многокомпонентного термина с несогласованным определением. Если ранее атрибутивный компонент стоял после определяемого слова (*Cortex Quercus* – кора дуба, *infusum herbae Millefolii* – настой травы донника), то начиная с ГФ-XIII представлена новая терминологическая модель: на первое место вынесено наименование растения в родительном падеже, за ним – название сырья и / или лекарственной формы в именительном (*Quercus cortex*, *Millefolii herbae infusum*).

Самой важной новацией ГФ-XIV издания является изменение структуры русских и латинских наименований лекарственных препаратов, при которых терминологическая модель представлена разными грамматическими характеристиками: в латинском термине применяется управление (с моделированием термина с несогласованным определением), а русский вариант – с использованием лекарственной формы в качестве уточняющей конструкции (табл. 2).

Таблица 2 / Table 2

Структура русских и латинских наименований лекарственных препаратов
Structure of Russian and Latin Names of Medicinal Products

Русское название	Латинское название
Ацетилсалициловая кислота, таблетки	Acidi acetylsalicylici tabulettae
Галантамина гидробромид, раствор для инъекций	Galanthamini hydrobromidi solutio pro injectionibus
Амоксициллин, порошок для приготовления суспензии для приема внутрь	Amoxicillini pulvis pro suspensione perorali
Йод, раствор спиртовый для наружного применения	Iodi solutio spirituosa ad usum externum
Калия хлорид, концентрат для приготовления раствора для инфузий	Kalii chloridi concentratum pro solutione infusionali

Развитие терминосистемы предметного поля способствует не только появлению новых терминов, но и упорядочиванию, стандартизации терминологии. Так, с появлением наднациональной Европейской фармакопеи происходит «выравнивание» терминологии национальных фармакопей, что отразилось, например, на отечественной фармацевтической терминологии в об-

ласти использования номинаций лекарственных форм. Для номинации масел, получаемых из растительного сырья, в фармации используется модель несогласованного определения, при этом традиционно атрибутивный компонент представлен существительным в единственном числе (*Oleum Lavandulae*, *Oleum Menthae*), исключение составляли масла, получаемые из плодов-

костянок, у этих масел атрибутив стоял во множественном числе (*Oleum Olivarum*, *Oleum Persicorum*, *Oleum Amygdalarum*). В ГФ-XIV происходит преобразование термина не только в части транспозиции атрибутива (выносится на первое место в термине), но и в части грамматики: множественное число атрибутива меняется на единственное, и в структуре многокомпонентного

термина появляется определение, единое для всех эфирных масел – «масло жирное» (табл. 3). С другой стороны, в названиях лекарственных средств животного происхождения атрибутивный компонент использовался во множественном числе, исключение составлял термин *рыбий жир*. В ГФ-XIV латинский термин унифицирован.

Таблица 3 / Table 3

Названия масел растительного и животного происхождения
Names of Vegetable and Animal Oils

Латинизированный термин в ГФ-XI	Перевод	Латинизированный термин в ГФ-XIV	Перевод
Oleum jecoris (Aselli)	Рыбий жир	Jecoris piscium oleum pingue	Печени рыб масло жирное
Oleum Amygdalarum	Миндальное масло	Amygdali communis seminum oleum pingue	Миндаля обыкновенного семян масло жирное
Oleum Persicorum	Персиковое масло	Persicae seminum oleum pingue	Персика семян масло жирное

Формирование тематической группы «лекарственные формы» происходило в основном за счет заимствований, прежде всего из латинского языка, реже использовались новообразования на основе родного языка.

Нами были обнаружены проблемы перевода неологизмов с латинского языка на русский в период XVII в. Они были обусловлены рядом факторов. Во-первых, многие названия лекарственных форм были неизвестны переводчикам. Во-вторых, ни латинская, ни русская научная ботаническая номенклатура еще не сформировались. В-третьих, отсутствие нормативности русского языка XVII в. практически на всех уровнях чаще всего не позволяло переводчику достигнуть максимальной степени эквивалентности перевода. В-четвертых, недостаточно высокой была квалификация переводчиков. Наконец, выбор какой-либо лексической единицы, модели перевода определялся скорее стихийно, без научного обобщения. Несмотря на это, период XVII в. считается началом формирования русского глоссария лекарственных форм на основе эталонного латинского языка.

Несмотря на трудности, на основании перевода с латинского языка были сформированы базовые модели номенклатурных наименований на основе дословного перевода латинских наименований и построенные путем трансформации при переводе.

Выявленные названия лекарственных форм не были единичными, каждой лекарственной форме соответствовало несколько наименований, поскольку в русском языке XVII в. наблюдалось отсутствие единообразной нормы. Слабая нормированность русского языка отражалась на всех его уровнях.

Как видим, функционирование термина в формирующейся терминосистеме имеет свои особенности.

В процессе функционирования в дискурсе термин проявляет себя как динамическое явление, способное адаптироваться к новой языковой ситуации; термин не только выражает понятие, но и вписывает это понятие в системные отношения (терминосистему) специальности. Благодаря своей динамической природе термин может развиваться в дискурсе и формировать новые связи внутри терминосистемы специального предметного поля (в нашем случае, поля фармации). С другой стороны, развитие терминосистемы способствует процессу упорядочивания терминологии.

Примечание

¹ В заголовках фармакопейных статей на фармацевтические субстанции принята следующая последовательность названий: международное непатентованное наименование (МНН) или модифицированное международное непатентованное наименование (ММНН), установленное ВОЗ, на русском языке, тривиальное название, название на латинском языке (курсив авторов), а на лекарственное растительное сырье, фармацевтические субстанции растительного происхождения, лекарственные растительные препараты, биологические лекарственные препараты – группировочное название на русском и латинском языках. Наименования гомеопатических фармацевтических субстанций приведены на русском и латинском языках, при этом название на русском языке представляет собой транслитерацию названия на латинском языке, а не перевод.

Список источников

Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею. СПб.: Тип. II-го Отделения Собственной Е. И. В. Канцелярии / Томъ третій 1841. 538 с.

ГФ-ХIII IV – Государственная фармакопея Российской Федерации XIII издания. URL: <http://pharmacopoeia.ru/gosudarstvennaya-farmakopeya-xiii-online-gf-13-online/> (дата обращения: 11.01.2021).

ГФ-ХIV – Государственная фармакопея Российской Федерации XIV издания. URL: <https://minzdrav.gov.ru/poleznye-resursy/xiv-izdanie-gosudarstvennoy-farmakopei-rossiyskoj-federatsii> (дата обращения: 11.01.2021).

РГАДА – Российский государственный архив древних актов. Фонд (Ф.) 143. Аптекарский приказ, Опись (Оп.) 2. (1629–1716).

Список литературы

Алексеева Л. М., Мишланова С. Л. Формирование переводческой компетенции в обучении профессиональной коммуникации // Индустрия перевода: материалы VII Междунар. науч. конф. (Пермь, 1–3 июня 2015 г.). Пермь: Изд-во Перм. нац. исслед. политехн. ун-та, 2015. С. 126–130.

Алексеева Л. М., Мишланова С. Л. К истокам социотерминоведения: социокультурные контексты функционирования термина // Сфера культуры. 2020. № 1. С. 77–86.

Бурдина О. Б., Лазарева М. Н. Проблемы обучения фармацевтической терминологии и рецептуре в условиях изменения профессиональных и образовательных стандартов // Преподавание классических языков в эпоху глобальной информатизации: сб. ст. Казань, 2019. С. 279–287.

Виноградов В. В. История русского литературного языка: избранные труды. М.: Наука, 1978. 320 с.

Историко-этимологический словарь современного русского языка: в 2 т. / сост. П. Я. Черных. 3-е изд., стер. М.: Русский язык, 1999. Т. 1.: 624 с.; Т. 2: 560 с.

Костромина Т. А. Лингвистический аспект в формировании торговых названий лекарственных средств // Методика преподавания иностранных языков: традиции и инновации: сб. науч. работ по материалам междунар. науч.-метод. конференции-вебинара: в 2 ч. Курск, 2016. С. 256–262.

Краснюк И. И., Демина Н. Б. Государственная фармакопея в системе высшего профессионального образования // Вестник Научного центра экспертизы средств медицинского применения.

2016. № 3. С. 46–47. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/gosudarstvennaya-farmakopeya-v-sisteme-vysshego-professionalnogo-obrazovaniya> (дата обращения: 11.01.2020).

Лазарева М. Н., Ростова Н. Б. Регламентация рецептурных прописей на латинском языке: проблемы и пути решения // Вестник Росздравнадзора. 2017. № 2. С. 55–61.

Табанакова В. Д. Авторский термин: знаю, интерпретирую, перевожу. Тюмень: Изд-во Тюмен. гос. ун-та, 2013. 207 с.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т.: пер. с нем. 3-е изд., стер. М.: Азбука-Терра, 1996. Т. 1: 576 с.; Т. 2: 672 с.; Т. 3: 832 с.; Т. 4: 864 с.

Федюченко Л. Г. Терминологическая база данных как трансферная модель технического знания: дис. ... д-ра филол. наук. Тюмень, 2020. 407 с.

Шпрых З. С. Гармонизация стандартных терминов, используемых в отечественной и зарубежной фармакопейной практике // Вестник Научного центра экспертизы средств медицинского применения. 2020. Т. 10. № 3. С. 184–191.

Alekseeva L. Knowledge representation and translation process // Special language and innovation in multilingual world: book of abstracts. The 18th European Symposium on Language for Special Proposes: Proceedings / ed. Larissa Alekseeva. Perm, Russia, 2011. P. 382–393.

Budin G. Designing and implementing strategies of global, multilingual “Disaster Communication” // Special language and innovation in multilingual world: book of abstracts. The 18th European Symposium on Language for Special Proposes: Proceedings / ed. Larissa Alekseeva. Perm, Russia, 2011. P. 11–26.

Faber P. A Cognitive Linguistics View of Terminology and Specialized Language. Berlin-Boston, 2012. 307 p.

Frankfurte F. A Drug by Any Other Name: The Power of Naming and the Medical and Regulatory Impact of “Misnaming” Prescription Drugs. URL: <http://www.docstoc.com/docs/57689444/Sun> (дата обращения 14.12.2020).

Jones A. W. Perspectives in Drug Discovery 19. Epilogue – development and naming of drugs. January 2016. URL: https://www.researchgate.net/publication/308201630_Perspectives_in_Drug_Discovery_19_Epilogue_-_development_and_naming_of_drugs (дата обращения 14.12.2020).

Rados C. Naming Drugs: A New Class of Drug Names. URL: <http://www.rtiresearch.com/publications/whitePapers/RelationalAsemanticProof.pdf> (дата обращения 14.12.2020).

References

- Alekseeva L. M., Mishlanova S. L. Formirovanie perevodcheskoy kompetentsii v obuchenii professional'noy kommunikatsii [Formation of translation competence in teaching professional communication]. *Industriya perevoda: materialy VII Mezhdunar. nauch. konf. (Perm', 1–3 iyunya 2015 g.)* [Translation industry: Materials of the 7th Inter. sci. conf. (Perm, June 1–3, 2015)]. Perm, Perm National Research Polytechnic University Press, 2015, pp. 126–130. (In Russ.)
- Alekseeva L. M., Mishlanova S. L. K istokam sotsioterminovedeniya: sotsio-kulturnye konteksty funktsionirovaniya termina [On the origins of socioterminology: socio-cultural contexts of a term's functioning]. *Sfera kulturyi* [Sphere of Culture], 2020, issue 1, pp. 77–86. (In Russ.)
- Burdina O. B., Lazareva M. N. Problemy obucheniya farmatsevticheskoy terminologii i retsepture v usloviyakh izmeneniya professional'nykh i obrazovatel'nykh standartov [Issues of teaching pharmaceutical terminology and formulation in the context of changing professional and educational standards]. *Prepodavanie klassicheskikh yazykov v epokhu global'noy informatizatsii. Sbornik statey* [Teaching classical languages in the era of global informatization. Collection of articles]. Kazan, 2019, pp. 279–287. (In Russ.)
- Vinogradov V. V. *Istoriya russkogo literaturnogo yazyka: Izbr. tr.* [History of the Russian literary language: Selected works]. Moscow, Nauka Publ., 1978. 320 p. (In Russ.)
- Istoriko-etimologicheskii slovar' sovremennogo russkogo yazyka: v 2 t.* [The historical and etymological dictionary of the modern Russian language: In 2 vols.]. Ed. by P. Ya. Chernykh. 3rd stereotyped ed. Moscow, Russian Language Publ., 1999, vol. 1. 624 p., vol. 2. 560 p. (In Russ.)
- Kostromina T. A. Lingvisticheskiy aspekt v formirovanii torgovykh nazvaniy lekarstvennykh sredstv [Linguistic aspect in the formation of trade names of drugs].
- Metodika prepodavaniya inostrannykh yazykov: traditsii i innovatsii. Sbornik nauchnykh trudov po materialam mezhdunarodnoy nauchno-metodicheskoy konferentsii-vebinara: v 2 ch.* [Methods of teaching foreign languages: traditions and innovations. Proceedings of the international scientific and methodological conference-webinar: In 2 pts.]. Kursk, 2016, pp. 256–262. (In Russ.)
- Krasnyuk I. I., Demina N. B. Gosudarstvennaya farmakopeya v sisteme vysshego professional'nogo obrazovaniya [The state pharmacopoeia in the system of higher education]. *Vedomosti Nauchnogo centra ekspertizy sredstv meditsinskogo primeneniya* [The Bulletin of the Scientific Centre for Expert Evaluation of Medicinal Products], 2016, issue 3, pp. 46–47. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/gosudarstvennaya-farmakopeya-v-sisteme-vysshego-professionalnogo-obrazovaniya> (accessed 11.01.2021). (In Russ.)
- Lazareva M. N., Rostova N. B. Reglamentatsiya retsepturnykh propisey na latinskom yazyke: problemy i puti resheniya [Regulatory controls of medical prescriptions in Latin: problems and ways of solving them]. *Vestnik Roszdravnadzora* [Roszdravnadzor Bulletin], 2017, issue 2, pp. 55–61. (In Russ.)
- Tabanakova V. D. *Avtorskiy termin: znayu, interpretiruyu, perevozh: mono-grafiya* [The author's term: I know, I interpret, I translate: monograph]. Tyumen, Tyumen State University Press, 2013. 207 p. (In Russ.)
- Fasmer M. *Etimologicheskii slovar' russkogo yazyka: v 4 t.* [The etymological dictionary of the Russian language: In 4 vols.]. Transl. from German. 3rd stereotyped ed. Moscow, Azbuka-Terra Publ., 1996, vol. 1. 576 p.; vol. 2. 672 p.; vol. 3. 832 p.; vol. 4. 864 p. (In Russ.)
- Fedyuchenko L. G. *Terminologicheskaya baza dannykh kak transfernaya model tehniceskogo znaniya*. Diss. ... d-ra filol. nauk [Terminological database as a transfer model of technical knowledge. Dr. philol. sci. diss.]. Tyumen, 2020. 407 p. (In Russ.)
- Shprakh Z. S. Garmonizatsiya standartnykh terminov, ispolzuemykh v otechestvennoy i zarubezhnoy farmakopeynoy praktike [Harmonisation of Russian and foreign pharmacopoeial standard terms]. *Vedomosti Nauchnogo tsentra ekspertizy sredstv meditsinskogo primeneniya* [Bulletin of the Scientific Center for Expert Evaluation of Medicinal Products], 2020, vol. 10, issue 3, pp. 184–191. (In Russ.)
- Alekseeva L. Knowledge representation and translation process. *Special language and innovation in multilingual world: book of abstracts. The 18th European Symposium on Language for Special Proposes: proceedings*. Ed. by Larissa Alekseeva. Perm, 2011, pp. 382–393. (In Eng.)
- Budin G. *Designing and implementing strategies of global, multilingual 'Disaster Communication'*. *Special language and innovation in multilingual world: book of abstracts. The 18th European Symposium on Language for Special Proposes: proceedings*. Ed. by Larissa Alekseeva. Perm, 2011, pp. 11–26. (In Eng.)
- Faber P. *A Cognitive Linguistics View of Terminology and Specialized Language*. Berlin-Boston, 2012. 307 p. (In Eng.)
- Frankfurte F. *A Drug by Any Other Name: The power of naming and the medical and regulatory impact of 'misnaming' prescription drugs*. Available

at: <http://www.docstoc.com/docs/57689444/Sun> (accessed 14.12.2020). (In Eng.)

Jones A. W. *Perspectives in Drug Discovery 19. Epilogue – development and naming of drugs*. 2016, January. Available at: https://www.researchgate.net/publication/308201630_Perspectives_in_Drug_Discovery

very_19_Epilogue_-_development_and_naming_of_drugs (accessed 14.12.2020). (In Eng.)

Rados C. *Naming Drugs: A new class of drug names*. Available at: <http://www.rtiresearch.com/publications/whitePapers/RelationalAsemanticProof.pdf>. (accessed 14.12.2020). (In Eng.)

DENOMINATION OF DOSAGE FORMS IN RUSSIA: DEVELOPMENT OF THE TERMS

Olga B. Burdina

**Associate Professor in the Department of Latin Language and Pharmaceutical Terminology
Perm State Pharmaceutical Academy of the Ministry of Health of the Russian Federation**

2, Polevaya st., Perm, 614990, Russian Federation. burdina-pfa@yandex.ru

SPIN-code: 4186-4143

ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-2737-8313>

Olga G. Olekhovich

Associate Professor in the Department of Foreign Languages

Ural State Medical University of the Ministry of Health of the Russian Federation

3, Repina st., Yekaterinburg, 620028, Russian Federation. olgaolech@yandex.ru

SPIN-code: 4651-2599

ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-9744-1774>

Submitted 25.01.2021

The research deals with the issue of terms and their functioning in professional discourse. According to the cognitive and discourse approach, a term is regarded as a representative of knowledge which participates in the processes of receiving, processing, storing and transmitting information about the world and human activity.

The purpose of the research is to investigate the linguistic characteristics of terms belonging to the pharmaceutical terminology system at different stages of its development. The article contains analysis of two sets of terms introduced during two historical periods: at the stage of formation of the terminology system (17th century) and at the modern stage (since the beginning of the 21st century). Each of the stages is represented by its own type of terminologization.

The research material is composed of Latin/Latinized and Russian terms with the meaning ‘dosage form’ found in pharmaceutical documents (handwritten recipes of the 17th century from the Russian State Archive of Ancient Acts; State Pharmacopoeias of the Russian Federation).

The first part of the study describes the thematic group ‘names of dosage forms’ of the 17th century. Latin and corresponding Russian terms and nomenclature names formed on their basis are analyzed in this part. The reason for the presence of variations within the terminology group is studied. In the second part of the paper, the linguistic and extralinguistic reasons for the transformation of this group of terminological units are studied, the productivity of new models for the denomination of dosage forms is analyzed.

Methodologically, the study is based on the comparative, structural, etymological methods of analysis, the expert method (used when selecting terms from the collection of pharmaceutical texts) and terminological modeling.

The authors came to the following conclusions: being an instrument of language of professional communication, a term expresses a special concept and develops in the process of functioning; due to its dynamic nature, a term develops in discourse and forms new connections within the terminology system of the professional discourse (pharmacy, in the case of our study); on the other hand, the development of the terminology system contributes to the process of ordering terminology.

Key words: term; discourse; professional communication; terminology; pharmaceutical terminology; pharmacopoeia; names of dosage forms.

УДК 81'42

doi 10.17072/2073-6681-2021-1-15-23

СТАДИИ ФОРМИРОВАНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ЗНАНИЯ И ИХ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ В ТЕКСТЕ (на материале текстов нанотехнологий)

Дарья Владимировна Василенкостарший преподаватель кафедры английского языка и межкультурной коммуникации
Пермский государственный национальный исследовательский университет

614990, Россия, г. Пермь, ул. Букирева, 15. dashavas2904@rambler.ru

SPIN-код: 4227-6960

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-9555-3614>

Статья поступила в редакцию 02.11.2020

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:*Василенко Д. В.* Стадии формирования профессионального знания и их репрезентация в тексте (на материале текстов нанотехнологий) // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2021. Т. 13, вып. 1. С. 15–23. doi 10.17072/2073-6681-2021-1-15-23**Please cite this article in English as:**Vasilenko D. V. Stadii formirovaniya professional'nogo znaniya i ikh reprezentatsiya v tekste (na materiale tekstov nanotekhnologiiy) [Professional Knowledge Formation Stages and Their Representation in Text (as Illustrated by Nanotechnology Research Texts)]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2021, vol. 13, issue 1, pp. 15–23. doi 10.17072/2073-6681-2021-1-15-23 (In Russ.)

Статья посвящена одному из сложных вопросов когнитивной лингвистики – изучению проблемы формирования профессионального знания, которая рассматривается автором как сложный процесс, имеющий несколько стадий, каждая из которых получает вербализацию в тексте. Итогом этого процесса является формирование научного понятия, тесно связанного с понятием концепта. Интерес к данному вопросу обусловлен его сопряженностью с классической проблемой связи языка и мышления, когда язык рассматривается в качестве средства, предоставляющего доступ к глубинным структурам сознания. При этом элементы текста и элементы мышления оказываются связанными между собой. Сферой функционирования профессионального знания является профессиональный дискурс, объединяющий различные стадии вербализации этого знания. Опираясь на общую формулу деривации, описывающую процесс вербализации знания как движение от синтаксически сложной единицы, раскрывающей содержание специального понятия, к синтаксически простой, называющей это понятие, автор выделяет четыре типа репрезентации профессионального знания: содержательный, формально-содержательный, формальный и метафорический. В основе данной типологии лежит характер вербализации входящих в научный концепт смыслов. Особый интерес представляет изучение формирования знания в новейших отраслях науки. Материалом для анализа послужили тексты из сферы нанотехнологий. Задачи эмпирического анализа предполагали выявление стадий формирования профессионального знания, способов их вербализации, а также их систематизацию.

Ключевые слова: профессиональное знание; дискурс; тип репрезентации; научное понятие; концептуализация.

Изучение проблемы формирования и репрезентации профессионального знания началось в когнитивной лингвистике сравнительно недавно и связывается с именами таких исследователей, как Л. М. Алексеева и С. Л. Мишланова (2002),

Л. М. Алексеева и Д. В. Василенко (2015), Д. В. Василенко (2016, 2019), С. Л. Мишланова (2002), В. Ф. Новодранова (2007), М. В. Суворова (2019), В. Д. Табанакова (1998), В. Д. Табанакова и М. А. Козьявина (2007), Bruno Nahod (2016), Miki

Ivai, Koichi Takeushi and Kyо Kageura (2016) и др. Как следует из данных исследований, репрезентация профессионального знания является сложной проблемой и связывается с классическим для когнитивной лингвистики вопросом языковой репрезентации концептов, который восходит к проблеме соотношения языка и мышления, когда язык рассматривается как средство, предоставляющее доступ к находящимся в сознании человека процессам и структурам. Этому вопросу посвящены, в частности, работы Е. С. Кубряковой (1997, 2004), Дж. Лакоффа и М. Джонсона (George Lakoff & Mark Johnson) (1980), Ч. Филлмора (Charles J. Fillmore) (1985) и др. В этом смысле рассмотрение языковых явлений происходит в тесной связи с другими когнитивными процессами: восприятием, обработкой и хранением информации о мире, вербализацией и передачей знаний, происходящей в текстах. Несмотря на многообразие исследований, вопрос формирования и репрезентации профессионального знания изучен не в полной мере. С учетом этого данное исследование направлено на изучение стадий формирования профессионального знания и их вербальной репрезентации в текстах нанотехнологий. Мы попытаемся подойти к решению данной проблемы с точки зрения языковых моделей, при помощи которых происходит процесс передачи знаний.

В современной лингвистике сферой функционирования профессионального знания признается дискурс, представляющий собой «вербально опосредованную деятельность, в которой формируется профессиональная языковая личность» [Алексеева, Мишланова 2002: 106]. Исследуя природу дискурса, Л. М. Алексеева и С. Л. Мишланова указывают на интегративный характер данного явления, означающий развитие языкового знака в деятельности личности, которое понимается как процесс терминологизации, поскольку любая специальная деятельность имеет тенденцию развиваться в сторону теоретического осмысления и формирования отрасли знания [там же: 88]. Внутренним механизмом дискурса признается ассоциативный механизм, который опосредует семиотическую функцию, формирование последней происходит во внешней деятельности с последующей интериоризацией. Таким образом, деятельностьная природа человека обуславливает формирование семиотической функции, многообразие форм и стадий, в которых она проявляется.

Дискурс имеет уровневую структуру, включающую уровень социальной дифференциации, уровень функциональной дифференциации, лингвистический и когнитивный уровни и служащую опорой модели терминологизации в нем [Алек-

сеева 2002: 97]. Уровень социальной дифференциации соотносится с социальными институтами, внутренним аналогом этого уровня дискурса является когнитивная модель, включающая совокупность всех концептов, которые репрезентируют различные типы знания, полученные в данной профессиональной области. Уровню функциональной дифференциации соответствуют различные стадии социализации личности в определенной сфере деятельности, т. е. последовательное усвоение все более сложных видов деятельности (от эмпирических до теоретических) в какой-либо специальной сфере. Данный уровень также имеет когнитивный аналог, которым признается концептуальная схема профессиональной языковой личности (ПЯЛ), отражающая уровень профессиональной компетенции и представляющая собой фрагмент когнитивной модели дискурса. Субъекты деятельности при этом рассматриваются как «специалисты», т. е. носители определенного объема профессионального знания. Это способствует преодолению дихотомии научного и ненаучного знания, а следовательно, и дихотомии языка для специальных целей и общеупотребительного языка как способов вербализации двух типов знания и формированию единой совокупности различных уровней профессионального знания. Лингвистический уровень представляет собой совокупность вербальных репрезентаций, тематически соотносящихся с данной сферой деятельности, его когнитивным аналогом является языковая картина мира.

Являясь вербально опосредованной деятельностью, дискурс представляет собой средство коммуникации знаний, которую Л. М. Алексеева и С. Л. Мишланова понимают «как комплексную деятельность, основанную на понимании, рефлексии и порождении научного знания» [Алексеева, Мишланова 2019: 42]. Такое понимание коммуникации знаний подчеркивает взаимосвязь между межличностной коммуникацией и развитием профессионального знания. Важнейшим средством межличностной коммуникации выступает язык, служащий средством «упаковки» знания [Кубрякова 2004: 43]. Это означает, что репрезентация профессионального знания представляет собой сложный процесс, включающий этапы формирования, языкового оформления и передачи знания. Следует отметить, что первый этап недоступен непосредственному наблюдению, его можно «восстановить», изучая языковые явления, поскольку именно они предоставляют возможность обнаружения следов деятельности сознания [Хомский 1972].

Этапы языкового оформления и передачи профессионального знания связаны с процессом формирования понятия, стадии которого по-

дробно описаны Л. С. Выготским [Выготский 1999]. Рассматривая стадии формирования понятий у детей и подростков, автор указывает, что они не представляют собой механический процесс, где следующая фаза наступает только после завершения предыдущей. Различные генетические формы сосуществуют в поведении человека, при этом взрослый человек не всегда мыслит в понятиях, а использует также комплексное мышление, иногда опускаясь до еще более примитивных форм [там же: 112]. Из этого следует, что стадии формирования понятий носят универсальный характер.

Первая ступень в образовании понятия характеризуется образованием неоформленного и неупорядоченного множества, выделением кучи каких-либо предметов, связанных между собой на основе единого впечатления. Вторая ступень называется «мышлением в комплексах» и характеризуется построением обобщений на основании объективных связей, существующих между предметами, которые открываются в непосредственном опыте. Переходным этапом между второй и третьей ступенью служит так называемое «псевдопонятие», которое, совпадая по внешнему виду с понятием, по сути является комплексом, построенным на ассоциативных связях. На третьей ступени происходит формирование понятий при помощи операций расчленения, анализа и абстракции [там же]. Специальное понятие лежит в основе научного концепта [Табанаква 1998].

Этапы образования научных понятий, выделяемые Л. С. Выготским, связаны со стадиями формирования концепта, рассматриваемыми Е. С. Кубряковой:

1. Концепты выбираются из концептуальной системы, чтобы в дальнейшем интегрироваться в единый гештальт.

2. Подлежащее означиванию объединение интегрируется.

3. Происходит номинация, которая завершается «ословливанием» концептуальной структуры и появлением нового сформированного концепта, обладающего своим собственным именем и вполне определенной структурой знания, которая зафиксирована за этим новым означиванием.

4. Новое обозначение включается в ментальный лексикон носителя языка параллельно с возможностью его использования в живой речи [Кубрякова 2004: 318].

Психологической основой первой стадии концептуализации является объединение на основании субъективного впечатления, в основе второй стадии лежит установление объективных связей между концептами, что служит опорой для образования псевдопонятия, которое преобразуется в понятие на третьей стадии.

Следует отметить, что дифференциация этапов образования понятий носит теоретический характер, в реальной же деятельности указанные этапы могут совпадать по времени, либо, наоборот, отстоять друг от друга во времени, либо быть пропущены.

Процесс концептуализации знания получает вербализацию в процессе развертывания текста, а его механизмы можно выделить на основе лингвистических техник анализа [Демьянков 2015; 2016]. Традиция изучения этих механизмов восходит к Н. Хомскому, который изучал грамматические трансформации, представляющие собой мыслительные операции, посредством которых глубинные структуры соотносятся с поверхностными [Хомский 1972: 29].

Опираясь на идеи Н. Хомского, Л. Н. Мурзин подходит к процессу порождения текста с точки зрения дериватологии, понимаемой как «особого рода развитие, переход одних единиц в другие» [Мурзин 1984: 18]. Дериватология изучает текст в динамическом аспекте, позволяя обнаружить в зафиксированном тексте «следы» его порождения. В основе процесса образования текста лежат свои законы, охватывающие как глубинный, так и поверхностный уровни текста, при этом результаты логико-языковых и психических процессов, протекающих на глубинном уровне, отражаются на поверхностном уровне. Ключевые механизмы текстообразования представляют собой развертывание и свертывание текста, осуществляемые на основе глубинного закона инкорпорирования, суть которого заключается во включении каждого последующего предложения в предыдущее. Следствием действия этого закона является актуальное членение предложения, когда выделяются тема (то, что сказано) и рема (носитель новой информации) [Мурзин, Штерн 1991: 30–31]. Механизм развертывания текста, заключающийся в присоединении новых компонентов информации, направлен на рему, в то время как механизм свертывания, т.е. замена вербализованного выражения на более краткое, связан с темой.

На поверхностном уровне проявление механизмов развертывания и свертывания текста происходит благодаря комплексному действию контаминации и компрессии. Контаминация ориентирована на процесс развертывания текста, на первичную номинацию, представляющую собой обозначение объекта действительности с помощью любой знаковой формы от слова до текста любого объема [там же: 43]. Однако между текстом и номинацией существуют значительные функциональные различия. «Задача текста связана с познанием мира, и в этом отношении текст имеет гносеологическую природу. Задача номи-

нации связана с семиотическим разграничением объектов, т. е. природа номинации коммуникативна» [Мурзин, Штерн 1991: 44]. Из этого следует, что специальное знание может быть репрезентировано в любой форме – от термина до развернутого словосочетания и даже текста. Анализ этих форм позволяет вскрыть когнитивные механизмы репрезентации знания.

Компрессия является процессом, противоположным контаминации, и понимается как способ устранения избыточности текста, результатом чего является образование более экономного текста. При свертывании номинация подвергается как структурным, так и семантическим изменениям, поскольку при компрессии происходит потеря как структурных, так и смысловых компонентов, и восприятие номинации осуществляется уже не во всех подробностях [там же: 47]. Такой подход обеспечивает понимание термина как заместителя другого текста, который дает первичное описание некоторого объекта. Воспроизведение в тексте вместе с термином его дефиниции, часто происходящее имплицитно, обеспечивает устойчивость термина. Однако при вовлечении в образование все новых текстов воспроизведение терминологической дефиниции происходит в них лишь в основных, но не во всех деталях, представляя собой источник развития терминологии [там же: 53–54]. Таким образом, в тексте отражаются этапы концептуализации знания от развернутой номинации, представляющей собой неупорядоченное множество признаков предмета или явления, до термина, вербализующего научное понятие.

Сходные идеи развиваются в словообразовательной модели Л. В. Сахарного, в рамках которой порождаемое слово рассматривается как тип коммуникативной номинации, понимаемой как универсальная динамическая единица речевой деятельности, представляющая собой «часть знаний носителя языка о предмете коммуникации, его структуре, свойствах, связях с другими объектами и т. д.» [Сахарный 1985: 8]. Оформление коммуникативной номинации может происходить как в виде развернутой номинации, так и в виде универба, который образуется на основе тема-рематического преобразования данной номинации. Согласно Л. В. Сахарному, в качестве коммуникативной номинации (КН) могут выступать морфемы, слова, словосочетания, предложения, фразы, а также целые тексты, таким образом, введение данного понятия позволяет описывать явления разных уровней языка в рамках единой теории.

Подобное мнение разделяет Л. М. Алексеева, рассматривая процесс образования терминов в динамическом аспекте, где терминообразование

понимается как «сгущение» смысла, выраженно в синтаксически сложной порождающей базе термина, содержащей дефиницию. При этом из синтаксически сложной единицы возникает формально простая [Алексеева 1998].

Считаем, что описанный тип процесса словообразования может быть применим и для описания механизмов репрезентации знания в научном тексте, а термин «коммуникативная номинация» может быть применим для описания различных структур, вербализующих научное знание.

В своем исследовании Л. М. Алексеева строит модель процесса терминообразования, исходя из общей формулы деривации, имеющей вид $A + \alpha \rightarrow B(A\alpha)$, где α – формальный показатель деривации, а A, B – вербальные компоненты процесса [Мурзин 1974: 44]. В данной формуле порождающая база термина (ПБТ), содержащая его дефиницию, соответствует символу A , а результирующее предложение, содержащее вновь образованный термин, соответствует символу B , при этом ПБТ является исходным материалом, а результирующее предложение – новым [Алексеева 1998: 59].

Поскольку в дериватологии текст рассматривается в динамическом аспекте, а его элементы представляют собой следы мыслительной деятельности, полагаем, что данная формула может быть применена к анализу механизмов репрезентации специального знания. При этом в когнитивном аспекте порождающая база термина (символ A) соответствует содержанию концепта, которое может включать в себя несколько компонентов смыслов (обозначим их символом S), а результирующее предложение (символ B) соответствует его имени. Символом α обозначим когнитивный процесс, происходящий на том или ином этапе научного познания. Таким образом, формула репрезентации знания имеет следующий вид: $A (S_1 \dots S_n) + \alpha \rightarrow B (A\alpha)$. Поскольку сам процесс скрыт от непосредственного наблюдения, его модель носит абстрактный характер, в конкретных текстах он многообразен, являясь проявлением многих лингвистических и экстралингвистических факторов.

Особый интерес представляет изучение дискурса новейших отраслей знания, имеющих междисциплинарный и интегративный характер. Одной из них являются нанотехнологии. Тексты, посвященные проблемам данной отрасли, послужили материалом проводимого исследования.

Основу типологии способов репрезентации профессионального знания, анализируемых в настоящем исследовании, составляет характер вербализации входящих в концепт смыслов, который мы понимаем следующим образом. Производность концепта от процессов построения

информации об объектах и их свойствах предполагает возможность анализа компонентов формально-содержательной структуры способа репрезентации. Отметим, что существуют такие способы репрезентации знания, когда все входящие в концепт смыслы выражены непосредственно, при этом языковое выражение получает и имя концепта. Назовем такой тип репрезентации формально-содержательным, в этом случае он носит полный характер. Репрезентация носит неполный характер, когда она содержит либо формальные, либо содержательные компоненты, непосредственно выражающие концепт. Такие типы назовем формальным и содержательным соответственно. Кроме того, существуют способы репрезентации знания, в которых ни формальный, ни содержательный компоненты не выражены, назовем их метафорическими. Данные типы репрезентации вербализуют различные стадии формирования специального знания.

Тип содержательной репрезентации представлен текстом, содержащим компоненты смысла, но не называющим непосредственно понятие, для обозначения которого используются слова с обобщающим значением (*concept, device, material* и т. д.). Этот тип репрезентации соотносится с первой стадией образования понятий, для которой характерно создание неупорядоченного множества. Обратимся к примеру:

These materials were used to fabricate thin-film (S₁) electrical (S₂) (A) devices (B) of networked SWNTs (S₃) characterized by either metallic or semiconducting behavior (S₄) (A) [Arnold et al. 2006].

Содержание концепта (A) представлено четырьмя компонентами смысла (S₁–S₄): состав (S₁) – *thin-film* (тонкопленочные), особенности функционирования (S₂) – *electrical* (электрические), вид устройств (S₃) – *of networked SWNTs* (из сети одностенных нанотрубок) и их режим работы (S₄) – *either metallic or semiconducting behavior* (металлический либо полупроводниковый). Имя концепта (B) представлено обобщающим словом *devices* (устройства), что указывает на отсутствие у концепта собственного имени.

Поскольку обобщающие слова относятся к широкому ряду предметов, экспликация содержательных элементов концепта приобретает в данном типе репрезентации особое значение, так как позволяет установить различие между объектами, например:

In this paper, we present a device (B) that we want to use to detect the switching of few magnetic moments (S₁) (A) [Tseng et al. 2006].

Наименование концепта (B) представлено обобщающим словом *device* (устройство), в содержании концепта (A) выделяется один компонент смысла (S₁) *to detect the switching of few*

magnetic moments (для определения переключения нескольких магнитных моментов). В статье описывается новое устройство, с помощью которого планируется определять переключение магнитных моментов, поэтому цель использования прибора является ключевым свойством, отличающим его от других приборов, в частности от описанного в предыдущем примере.

При метафорическом типе репрезентированный в тексте термин, являющийся именем концепта (B), представляет собой результат семантической интерпретации научного понятия посредством бытового представления, т. е. содержание концепта (A) и входящие в него смыслы (S) могут быть восстановлены только при обращении к глубинному уровню. Этот тип соответствует второму этапу формирования понятий, в основе которого лежат различные объективные связи между предментами. Рассмотрим пример:

The linearity of the I–V curves down to 20 K suggests the formation of ohmic junctions at the growth interface of at least the most metallic nanotubes in the forest (B) [Talapatra et al. 2006].

Как термин имя концепта (B) *nanotube forest* является наименованием большого скопления нанотрубок, расположенных вертикально. В естественном языке понятие «лес» связано с высокими деревьями, растущими вертикально. Объединяющими семантическими признаками этих двух феноменов являются ствол (S₁) и вертикальное расположение (S₂), следовательно, на глубинном уровне получаем предложение, являющееся содержанием концепта (A): «Нанотрубки располагаются на поверхности субстрата, как деревья в лесу». В результате компрессии возникает термин *nanotube forest* (лес нанотрубок).

Previously, McGinnis and co-workers had shown that reducing the diameter of the nanoceria particles to about 5 nm resulted in more oxygen vacancies, which made them even better scavengers (B) [Silva 2006].

Имя концепта (B) *scavengers* (падальщики) обозначает способность наноксида церия поглощать свободные радикалы (кислород), излишки которых наносят вред организму. В естественном языке понятие «падальщик» обозначает животных и проститов, которые питаются разлагающимся органическим материалом (детритом), мертвечиной, падалью [<https://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/668292>]. Объединяющим семантическим признаком этих двух феноменов является способность поглощать вещества, наносящие вред окружающей среде (S₁), следовательно, на глубинном уровне получаем предложение, представляющее собой содержание концепта (A): «Частицы наноксида церия способны поглощать свободные радикалы, как животные-падальщики»

поглощают трупы животных». Результатом компрессии является термин *scavengers*.

Тип формально-содержательной репрезентации включает те случаи, когда в тексте не только представлено имя концепта, но и на основе будущего концепта репрезентируется его содержание. Он соотносится с третьей стадией формирования понятия, связанной с операциями расчленения и анализа. Обратимся к примерам:

The TMV (B) is a positive-sense (S₁) single-stranded (S₂) RNA (S₃) plant (S₄) virus (S₅) composed of 2,130 identical coat proteins (S₆) (A) [Tseng et al. 2006].

В данном примере, являющемся дефиницией с точки зрения формы, представлено имя концепта (B), выраженное термином *TMV (tobacco mosaic virus)*, а также раскрывается его содержание (A), состоящее из шести компонентов смысла, характеризующих этот вирус (S₁–S₆): заряд – имеющий положительную полярность *a positive-sense* (S₁); состав – состоящий из одной нити *single-stranded* (S₂) и состоящий из 2130 белков оболочки *composed of 2,130 identical coat proteins* (S₆); тип – РНК *RNA* (S₃), растительный *plant* (S₄), вирус *virus* (S₅).

These CNT junctions are in the quantum-confined regime and can thus act as gate-controlled QDs (B), that is, devices (S₁) reminiscent of the well-studied (S₂) superconducting (S₃) single-electron (S₄) transistors (S₅), but with strong quantum confinement (S₆) (A) [Cleuziou et al. 2006].

Данный пример представляет собой экспликацию и содержит имя концепта *gate-controlled QDs* (B) и его семантическое наполнение (A), включающее в себя также шесть компонентов смысла (S₁–S₆): тип – устройство *devices* (S₁), транзисторы *transistors* (S₅); степень новизны – напоминающее хорошо изученные *reminiscent of the well-studied* (S₂); физические свойства – сверхпроводящие *superconducting* (S₃), одноэлектронные *single-electron* (S₄), с сильным квантовым удержанием *strong quantum confinement* (S₆).

Тип формальной репрезентации представлен текстом, в котором само понятие не раскрывается, а выступает как некая закрепленная за данной языковой формой константа. Этот тип вербализует уже сформировавшееся понятие, что соответствует третьей стадии его формирования. Приведем пример:

Electrohydrodynamic atomization (B) has been used to make controlled deposition of nanoparticles [Hyoungchul Kim et al. 2006].

В данном тексте представлено только имя концепта (B) *electrohydrodynamic atomization*, а его содержание (A) не раскрывается, для чего требуется обращение к созданным ранее текстам.

Данный тип включает также понятия, в основе которых лежат имена собственные (эпонимы). Например:

Colloidal approaches have also been developed using the Langmuir–Blodgett method (B), the electrophoretic effect, electrostatic assembly with focused ion beam charging, diblock copolymer and liquid–liquid interface [Hyoungchul Kim et al. 2006].

В текст включено только имя концепта *the Langmuir–Blodgett method* (B), а его содержание (A) не представлено.

Таким образом, рассматриваемые нами понятия формирования и репрезентации специального знания имеют сложную структуру, связанную с природой специального языка, который, в отличие от естественного языка, не дается нам спонтанно и интуитивно, а требует интерпретации появляющихся новых понятий. Наложив концептуальные схемы на корпус практического материала, мы получили различные механизмы репрезентации знаний: формально-содержательный, содержательный, формальный и метафорический, которые соотносятся со стадиями формирования научных понятий и в совокупности составляют модель репрезентации знания в сфере нанотехнологий. Анализ этой модели позволит решить проблемы, связанные с развитием профессионального знания.

Список источников

- Arnold M. S., Green A. A., Hulvat J. F., Stupp S. I., Mark C. Hersam Sorting carbon nanotubes by electronic structure using density differentiation // *Nature Nanotechnology*. 2006. № 1, P. 60–65.
- Cleuziou J.-P., Wernsdorfer W., Bouchiat V., Ondarçuhu T., Monthieux M. Carbon nanotube superconducting quantum interference device // *Nature Nanotechnology*. 2006. № 1. P. 53–59.
- Hyoungchul Kim, Jaehyun Kim, Hongjoo Yang, Jeongsoo Suh, Taeyoung Kim, Bangwoo Han, Sungwon Kim, Dae Seong Kim, Pikhitsa P. V., Mansoo Choi Parallel patterning of nanoparticles via electrodynamic focusing of charged aerosols // *Nature Nanotechnology*. 2006. № 1. P. 117–121.
- Silva G. A. Nanomedicine: Seeing the benefits of ceria // *Nature Nanotechnology*. 2006. № 1. P. 92–94.
- Talapatra S., Kar S., Pal S. K., Vajtai R., Ci L., Victor P., Shaijumon M. M., Kaur S., Nalamasu O., Ajayan P. M. Direct growth of aligned carbon nanotubes on bulk metals // *Nature Nanotechnology*. 2006. № 1. P. 112–116.
- Tseng Ricky J., Chunglin Tsai, Liping Ma, Jianyong Ouyang, Ozkan Cengiz S., Yang Yang. Digital memory device based on tobacco mosaic virus conjugated with nanoparticles // *Nature Nanotechnology*. 2006. 1. P. 72–77.

Список литературы

Алексеева Л. М. Проблемы термина и терминологии: учеб. пособие по спецкурсу. Пермь: Перм. ун-т. 1998. 120 с.

Алексеева Л. М., Василенко Д. В. Системность терминологии // Вестник Пермского университета: Российская и зарубежная филология. 2015. Вып. 4(32). С. 5–14.

Алексеева Л. М., Мишланова С. Л. Медицинский дискурс: теоретические основы и принципы анализа. Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 2002. 200 с.

Алексеева Л. М., Мишланова С. Л. Трансфер знания в переводе как вызов современного сетевого общества // Вопросы когнитивной лингвистики. 2019. № 1. С. 41–53.

Василенко Д. В. Формы репрезентации научного знания (на материале текстов нанотехнологий) // Современная наука. Серия: Гуманитарные науки. 2016. № 11. С. 122–127.

Василенко Д. В. Формирование научных понятий в новых отраслях (на материале текстов нанотехнологий) // Евразийский гуманитарный журнал. 2019. № 4(2). С. 27–34.

Выготский Л. С. Мышление и речь. 5-е изд., испр. М.: Лабиринт, 1999. 352 с.

Демьянков В. З. О языковых техниках «трансфера знаний» в гуманитарных науках // Вопросы когнитивной лингвистики. 2015. № 4. С. 5–15.

Демьянков В. З. Когнитивные техники трансфера знаний // Когнитивные исследования языка. 2016. Вып. XXVI. С. 29–32.

Кубрякова Е. С. Краткий словарь когнитивных терминов / Е. С. Кубрякова, В. З. Демьянков, Ю. Г. Панкрац, Л. Г. Лузина. М.: 1997. 197 с.

Кубрякова Е. С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. М.: Языки славянской культуры, 2004. 506 с.

Мишланова С. Л. Метафора в медицинском дискурсе. Пермь: Изд-во ПГУ, 2002. 160 с.

Мурзин Л. Н. Основы дериватологии. Конспект лекций. Пермь: Перм. ун-т, 1984. 56 с.

Мурзин Л. Н., Штерн А. С. Текст и его восприятие. Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1991. 171 с.

Новодранова В. Ф. Типы знания и их репрезентация в языке для специальных целей (LSP) // Когнитивная лингвистика: новые проблемы познания. М., Рязань: Институт языкознания РАН; Ряз. гос. ун-т им. С. А. Есенина, 2007. Вып. 5. С. 136–141.

Сахарный Л. В. Психолингвистические аспекты словообразования. Л., 1985. 97 с.

Словарь Академик. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/668292> (дата обращения: 19.06.2020).

Суворова М. В. Трансдискурсивная модификация модели метафоры (на материале научного, научно-популярного и популярного дискурсов): дис. ... канд. филол. наук. Пермь, 2019. 190 с.

Табанаква В. Д. Логико-понятийный анализ терминологии и его прагматика // Интегративный анализ компонентов текста при обучении общению. Тюмень: Изд-во ТюмГУ, 1998. С. 5–22.

Табанаква В. Д., Козьявина М. А. Моделирование английской и русской экологической терминологии в учебных целях: учеб. пособие. Тюмень: Изд-во Тюмен. гос. ун-та, 2007. 184 с.

Хомский Н. Аспекты теории синтаксиса. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1972. 259 с.

Fillmore Ch. J. Frames and the semantics of understanding // Quaderni di semántica, 1985. Vol. VI, № 2. P. 222–254.

Miki Ivai, Koichi Takeuchi, Kyo Tageura. Cross-lingual structural correspondence between terminologies: The case of English and Japanese // Term bases and linguistic linked open data. TKE 2016. 12th International conference on terminology and knowledge engineering. P. 14–33.

Lakoff G., Johnson M. Metaphors we live by. University of Chicago Press, 1980. 256 p.

Nahod B. Can big national term banks maintain complex cross-domain conceptual relations? // Term bases and linguistic linked open data. TKE 2016. 12th International conference on terminology and knowledge engineering. P. 1–14.

References

Alekseeva L. M. *Problemy termina i terminoobrazovaniya: uchebnoe posobie po spetskursu* [The issues of term and term-formation: textbook for a special course]. Perm, Perm State University Press, 1998. 120 p. (In Russ.)

Alekseeva L. M., Vasilenko D. V. *Sistemnost' terminologii* [Systematic features of terminology]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2015, issue 4(32), pp. 5–14. (In Russ.)

Alekseeva L. M., Mishlanova S. L. *Medistskiy diskurs: teoreticheskie osnovy y printsipy analiza* [Medical discourse: Theoretical foundations and principles of analysis]. Perm, Perm State University Press, 2002. 200 p. (In Russ.)

Alekseeva L. M., Mishlanova S. L. *Transfer znaniya v perevode kak vyzov sovremennogo obshchestva* [Knowledge transfer in translation as a challenge of modern net society]. *Voprosy kognitivnoy lingvistiki* [Issues of Cognitive Linguistics], 2019, issue 1, pp. 41–53. (In Russ.)

Vasilenko D. V. *Formy reprezentatsii nauchnogo znaniya (na materiale tekstov nanotekhnologiy)* [Forms of representation of scientific knowledge (as

exemplified in nanotechnology texts)]. *Sovremennaya nauka. Seriya Gumanitarnye nauki* [Modern Science: Actual Problems of Theory & Practice. Series of 'Humanities'], 2016, issue 11, pp. 122–127. (In Russ.)

Vasilenko D. V. Formirovanie nauchnykh ponyatiy v novykh otraslyakh [Forming scientific notions in new areas (as exemplified in nanotechnology texts)]. *Evraziyskiy humanitarniy zurnal* [Eurasian Humanitarian Journal], 2019, issue 4(2), pp. 27–34. (In Russ.)

Vygotskiy L. S. *Myshlenie i rech'* [Thinking and speech]. 5th ed., revised. Moscow, Labirint Publ., 1999. 352 p. (In Russ.)

Demyankov V. Z. O yazykovykh tekhnikakh 'transfera znaniy' [On linguistic techniques of knowledge transfer in humanities]. *Voprosy kognitivnoy lingvistiki* [Issues of Cognitive Linguistics], 2015, issue 4, pp. 5–15. (In Russ.)

Demyankov V. Z. Kognitivnye tekhniki transfera znaniy [Cognitive techniques of knowledge transfer]. *Kognitivnye issledovaniya yazyka* [Cognitive Studies of Language], 2016, issue 26, pp. 29–32. (In Russ.)

Kubryakova E. S., Demyankov V. Z., Pankrats Yu. G., Luzina L. G. *Kratkiy slovar' kognitivnykh terminov* [Concise dictionary of cognitive terms]. Moscow, 1997. 197 p. (In Russ.)

Kubryakova E. S. *Yazyk i znanie: Na puti polucheniya znaniy o yazyke: Chasti rechi s kognitivnoy tochki zreniya. Rol' yazyka v poznanii mira* [Language and knowledge: On the way of receiving knowledge about language: Parts of speech from the cognitive viewpoint. The role of language in the world cognition]. Moscow, LRC Publishing House, 2004. 506 p. (In Russ.)

Mishlanova S. L. *Metafora v meditsinskom disкурсе* [Metaphor in medical discourse]. Perm, Perm State University Press, 2002. 160 p. (In Russ.)

Murzin L. N. *Osnovy derivatologii. Konspekt lektsiy* [The foundations of derivatology. Compendium of lectures]. Perm, Perm State University Press, 1984. 56 p. (In Russ.)

Murzin L. N., Shtern A. S. *Tekst i ego vospriyatie* [Text and its perception]. Sverdlovsk, Ural State University Press, 1991. 171 p. (In Russ.)

Novodranova V. F. Tipy znaniya i ikh reprezentatsiya v yazyke dlya spetsial'nykh tseley (LSP) [Types of knowledge and their representation in the language for specific purposes (LSP)]. *Kognitivnaya*

lingvistika: novye problemy poznaniya [Cognitive Linguistics: New Issues of Cognition], 2007, issue 5, pp. 136–141. (In Russ.)

Sakharnyy L. V. *Psikholingvisticheskie aspekty teorii slovoobrazovaniya* [Psycholinguistic aspects of the theory of word formation]. Lenigrad, 1985. 97 p. (In Russ.)

Slovar' Akademik [Academic dictionary]. Available at: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/668-292> (accessed 19.06.2020). (In Russ.)

Suvorova M. V. *Transdiskursivnaya modifikatsiya modeli metafory (na materiale nauchnogo, nauchno-populyarnogo i populyarnogo diskursova)*. Diss. ... kand. filol. nauk [Transdiscourse modification of the metaphor model (based on scientific, popular scientific and popular discourses). Cand. philol. sci. diss.]. Perm, 2019. 190 p. (In Russ.)

Tabanakova V. D. Logiko-ponyatiynnyy analiz terminologii i ego pragmatika [Logical and conceptual analysis of terminology and its pragmatics]. *Integrativnyy analiz komponentov teksta pri obuchenii obshcheniyu* [Integrative analysis of text components when teaching communication]. Tumen, Tumen State University Press, 1998, pp. 5–22. (In Russ.)

Tabanakova V. D., Kozyavina M. A. *Modelirovanie angliyskoy i russkoy ekologicheskoy terminologii v uchebnykh tselyakh: Uchebnoe posobie* [Modeling English and Russian ecological terminology in educational purposes: study guide]. Tumen, Tumen State University Press, 2007. 184 p. (In Russ.)

Chomsky N. *Aspekty teorii sintaksisa* [Aspects of the theory of syntax]. Moscow, Moscow State University Press, 1972. 259 p. (In Russ.)

Fillmore Charles J. Frames and the semantics of understanding. *Quaderni di semantica*, 1985, vol. 6, issue 2, pp. 222–254. (In Eng.)

Lakoff G., Johnson M. *Metaphors we live by*. University of Chicago Press, 1980. 256 p. (In Eng.)

Miki Ivai, Koichi Takeuchi, Kyo Tageura. Cross-lingual structural correspondence between terminologies: The case of English and Japanese. *Term bases and linguistic linked open data. TKE 2016. 12th International conference on terminology and knowledge engineering*. pp. 14–33. (In Eng.)

Nahod B. Can big national term banks maintain complex cross-domain conceptual relations? *Term bases and linguistic linked open data. TKE 2016. 12th International conference on terminology and knowledge engineering*. pp. 1–14. (In Eng.)

**PROFESSIONAL KNOWLEDGE FORMATION STAGES
AND THEIR REPRESENTATION IN TEXT
(as Illustrated by Nanotechnology Research Texts)**

Darya V. Vasilenko

**Senior Lecturer in the Department of English Language and Intercultural Communication
Perm State University**

15, Bukireva st., Perm, 614990, Russian Federation. dashavas2904@rambler.ru

SPIN-code: 4227-6960

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-9555-3614>

Submitted 02.11.2020

The article is devoted to one of complex problems in the sphere of cognitive linguistics, namely the problem of professional knowledge formation, which is considered as a complex process consisting of several stages. These stages are verbalized in texts. As a result, scientific notions are formed. They are closely connected with the notion of concept. The interest to this issue arises from the classical problem of the correlation between language and thinking when language is viewed as providing access to deep structures of consciousness. In this case, the elements of text and the ones of thinking are considered as interconnected. Professional knowledge functions in a professional discourse, which is understood as a verbally mediated professional activity and unites different levels of professional knowledge verbalization. These levels relate to the stages of knowledge conceptualization, the traces of which are found in texts. The author distinguishes four types of professional knowledge representation: content-related type, formal and content-related type, formal type and metaphorical type. This distinction is based on the general formula of derivation that describes the process of knowledge verbalization as the movement from a syntactically complex structure, conveying the meaning of a special notion, to a syntactically simple one, which only names the notion. Each type verbalizes pieces of meaning of a scientific concept in a different way. Knowledge formation in the newest branches of science presents a special research interest due to their integrative character. In the present study, the data for the analysis was compiled by means of texts from the sphere of nanotechnology. The tasks for the empirical analysis were intended to identify the stages of professional knowledge formation, the way they are presented verbally and systematized.

Key words: professional knowledge; types of knowledge representation; conceptualization, scientific concept; professional discourse.

УДК 81'38
doi 10.17072/2073-6681-2021-1-24-36

ДИДАКТИЧЕСКАЯ ТОНАЛЬНОСТЬ И ЕЕ РЕАЛИЗАЦИЯ В ТЕКСТАХ ПРОПОВЕДЕЙ А. МЕНЯ

Елена Ивановна Герман

соискатель кафедры русского языка и стилистики

Пермский государственный национальный исследовательский университет

614990, Россия, г. Пермь, ул. Букирева, 15. elena.hazanzhi@mail.ru

SPIN-код: 4850-8784

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-0687-4599>

Статья поступила в редакцию 18.01.2021

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Герман Е. И. Дидактическая тональность и ее реализация в текстах проповедей А. Меня // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2021. Т. 13, вып. 1. С. 24–36. doi 10.17072/2073-6681-2021-1-24-36

Please cite this article in English as:

German E. I. Didakticheskaya tonal'nost' i ee realizatsiya v tekstakh propovedey A. Menya [Means of Implementing Didactic Tone in Religious Text (on the Material of Orthodox Sermons)]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2021, vol. 13, issue 1, pp. 24–36. doi 10.17072/2073-6681-2021-1-24-36 (In Russ.)

Целью исследования является определение особенностей языкового выражения дидактической тональности в текстах религиозной проповеди. Дидактическая тональность рассматривается как частная категория интенциональности – более общей текстовой категории, присущей любому типу коммуникации, если последняя рассматривается как деятельность. Материалом исследования послужили 68 текстов проповедей известного в России протоиерея Русской православной церкви, богослова, автора книг по богословию, истории христианства и других религий Александра Меня. Деятельностный подход, а также функционально-стилистический, структурно-семантический, когнитивный, контекстуальный, сопоставительно-количественный и прагматический методы анализа позволили установить, что в жанре религиозной проповеди интенциональность реализуется посредством специфической тональности, или такой текстовой модальности, которая отражает основную установку автора речи в религиозной проповеди – приблизить человека к вере и Богу, научить его вере в Бога. Установка на «научение» определяется в исследовании как дидактическая тональность и рассматривается как вспомогательная категория интенциональности, функционирующая в текстах именно религиозной проповеди. Выявлены разноуровневые языковые и речевые средства, репрезентирующие в текстовой ткани дидактическую тональность, описаны структурно-семантические, прагматические и стилистические особенности этих средств. Установлено, что с точки зрения воплощения в рамках проповеди основной авторской интенции (концептуального замысла и смысла) дидактическая тональность является ключевой текстовой категорией.

Ключевые слова: интенциональность; проповедь; текстовая категория; воздействующая функция; дидактическая тональность.

Введение

Современный антропоцентрический подход к объектам лингвистики предполагает комплексное объяснение сущностных свойств языка и текста. Последний при этом рассматривается не только как источник информации о том, что в

нем сказано, крайне важными оказываются знания затекстового характера, а именно: информация об особенностях адресата и адресанта, целях, задачах их коммуникативного взаимодействия, о предмете речи и ситуации, в которой протекает коммуникация, одним словом – знания о множе-

стве сопровождающих вербальный текст экстралингвистических факторов, формирующих специфику стиля.

В конце XX – начале XXI в. система функциональных стилей русского языка обогащается церковно-религиозным стилем, что вызвано социально-политическими изменениями в жизни российского общества. Начиная с середины 90-х гг. церковь как социальный институт не просто перестает «замалчиваться» государством (как это происходило в советское время), она становится полноценным участником общественной, а постепенно и политической жизни российского общества. В последние годы религиозная речь звучит не только в церкви, она широко представлена в медиапространстве: в радио- и телеэфирах, в интернете функционирует большое количество религиозных текстов, некоторые из которых посвящены вовсе не церковным, а светским событиям.

Вместе с тем религиозный стиль как самостоятельный тип речевой деятельности в настоящее время не нашел пока своего более или менее полного описания, о чем свидетельствует русскоязычная научная лингвистическая литература, степень представленности в которой исследований религиозного стиля невысока. Назовем самые значительные работы по этой проблематике: [Новоселов 2004; Войтак 2007; Ицкович 2007, 2012, 2016, 2018, 2019; Салимовский, Сулова 2005; Салахова 2008; Мишланов, Салимовский 2010; Шукина 2010, 2012; Звездин 2012; Шахарман 2015; Карагодская 2019 и др.]. Интерес к изучению религиозного стиля проявляют и лингвисты Восточной Европы [Karpluk, Sambor 1988; Kloczowski 1995; Kucharska-Dreiss 2004; Wojtak 2004; Rożek 2006 и др.], однако подобных исследований также немного по сравнению с исследованиями других стилей.

Невысокая степень изученности специфики организации и функционирования религиозного стиля определяет актуальность настоящего исследования.

Выполненное в рамках пермской стилистической школы, настоящее исследование вписывается в общую идеологию функционально-стилистических работ по стилистике научного текста. Новизна представленного анализа заключается в применении теории текстовых категорий к исследованию религиозного дискурса, в частности к жанру проповедей (и именно проповедей А. Меня). Кроме того, впервые анализируется на материале текстов религиозной проповеди и сама категория интенциональности.

В статье предпринимается попытка выявить и систематизировать средства реализации дидактической тональности в проповедях А. Меня, что важно для описания религиозных жанров, а так-

же развития теории идиостиля (поскольку исследование строится на текстах одного автора).

Интенциональность как текстовая категория

Известно, что определенные параметры текста – в том числе и перечисленные выше – реализуются в текстовых категориях, совокупность которых формирует такую языковую и коммуникативную систему, как текст.

Под понятием «категория» мы, вслед за М. Н. Кожиной, понимаем систему «разноуровневых средств (включая текстовые), объединенных функционально-семантически на текстовой плоскости (в целом тексте, типе текстов одного функционального стиля), т. е. выполняющих в тексте какую-либо определенную функцию, реализующую тот или иной категориальный признак данного текста как представителя соответствующего функционального стиля» [Кожина 1998: 10–11]. Как видно, в функционально-стилистическом аспекте категория предстает именно как феномен текста – такая целостность языковых и речевых единиц разного характера, которая самым непосредственным образом участвует в организации структурной, смысловой и стилистической определенности текста как целого произведения.

Т. В. Матвеева отмечает, что категория текста «может пониматься как общий и существенный признак (свойство, параметр) всех текстов, участвующий в моделировании самого понятия “текст”» [Матвеева 1990: 13]. Иными словами, текстовая категория является таким признаком, «который свойствен всем текстам и без которого не может существовать ни один текст (т. е. это типологический признак)» [там же]. О текстообразующем характере языковых категорий см. также: [см.: Колшанский 1984; Гальперин 1981; Новиков 1983; Дридзе 1984; Васильев 1988; Каменская 1990; Матвеева 1990; Очерки истории... 1998; Болотнова 2009].

Важно подчеркнуть, что речевое произведение как результат, продукт когнитивной деятельности субъекта не может быть организовано без такого важнейшей категории, как **интенциональность**, поскольку наличием интенций – намерений, «придающих осмысленность обращения коммуниканта к своему партнеру» [Гордеецкий 1989: 7], характеризуется любой текст. Так, даже в разговорной речи, используя простые речевые формулы приветствия, коммуниканты реализуют одну из функций языка – фатическую, выражая, например, намерение установить контакт с собеседником.

В связи со сказанным и опираясь на предложенные М. Н. Кожиной и Т. В. Матвеевой под-

ходы к пониманию категории как текстообразующей стилистико-речевой единицы, считаем возможным включить в систему ранее описанных в лингвистике текстообразующих категорий еще одну – интенциональность.

По мнению М. Н. Кожиной, текстовые категории можно разделить на категории глобально (или всеобщего) характера и категории частные, выполняющие своего рода служебную функцию по отношению к первым [Кожина 1998: 14–15]. Интенциональность, как текстообразующая категория (анализ средств реализации которой позволяет определить речемыслительные и эмоционально-оценочные интенции адресанта), может быть отнесена к глобальным категориям текста, наряду с такими категориями, как целостность, связность, субъектность, акцентность и др.

Как и все текстообразующие (глобальные) категории, интенциональность реализуется в тексте посредством более частных категорий, состав, значение и структурно-семантическую специфику которых определяет «родовая» категория, т. е. категория интенциональности.

Как известно, понятие «интенциональность» (от лат. *intentio* – стремление, намерение), сформировавшееся в концепциях древнегреческой философии, понимается сегодня как «первичная смыслообразующая устремленность сознания к миру, смыслоформирующее отношение сознания к предмету, предметная интерпретация ощущений» [Философская энциклопедия]. Осмысленная в современном языкознании как одна из текстообразующих категорий, интенциональность интересна разным лингвистическим направлениям.

Так, например, анализируя публицистический текст с точки зрения воплощения в нем категории интенциональности, Н. И. Клушина приходит к выводу о том, что последняя реализуется через взаимодействие таких более частных категорий, как идеологема, номинация, интерпретация, стилистическая тональность, оценочность [Клушина 2008: 6–7]. Важно также, что ученый рассматривает выделяемые интенциональные категории в аспекте динамики текстообразования, утверждая, что «интенциональные категории тесно переплетаются, взаимодействуют, совмещаются друг с другом, поскольку существуют в едином текстовом континууме и реализуют единую авторскую интенцию. Но именно эти интенциональные категории отличают публицистический текст как воздействующий тип текста от других речевых произведений, реализующих другую авторскую коммуникативную стратегию» [там же: 7].

Принимая общий подход Н. И. Клушиной к осмыслению интенциональности в публицисти-

ческом тексте, отметим важную для нас мысль: религиозный текст – и особенно текст проповеди (!) – обладает не меньшей персуазивной силой, чем публицистический, поскольку в нем так же, как в последнем, «адресант для убеждения адресата использует все доступные речевые средства, прибегая не только к логическим доводам, но и к манипулятивным приемам, иногда не осознавая этого» [там же: 6]. В тексте религиозной проповеди, следовательно, интенциональные категории, в том числе сама интенциональность как текстообразующая (глобальная) категория, тоже являются структурно, семантически и функционально значимыми.

Наше исследование показало, что в религиозной проповеди более частными по отношению к глобальной категории интенциональности выступают категории оценочности, тональности, диалогичности. Поскольку объем настоящей статьи не позволяет достаточно полно рассмотреть все названные частные категории, сосредоточим анализ на категории **тональности**, с которой связаны эмоционально-ценностные интенции автора религиозного текста.

Тональность как категориальный текстовый феномен можно рассмотреть, вслед за Н. В. Данилевской, в виде категории, «объединяющей разноуровневые средства, выражающие в целом тексте психологическую установку автора, его эмоциональную оценку, ценностные ориентиры, <...> тональность играет существенную роль в развертывании текста и оформлении его диалогических позиций» [Данилевская 2010: 49]. Однако речь в работе Н. В. Данилевской идет о научном изложении, нам же представляется важным рассмотреть специфику реализации тональности в религиозном тексте.

Как отмечает М. А. Новоселов, «христианство и догматично, и этично, и мистично» [Новоселов 2004: 10]. Исследуемый нами жанр – жанр проповеди – включает в себе репрезентацию божественной истины, в связи с чем в коммуникативной ситуации присутствует (наряду с догматическим и этическим) особый мистический компонент: участники религиозной коммуникации (в частности, приверженцы православия) испытывают и выражают благоговейное отношение (особо почтительное) к Богу – невидимому, но вместе с тем мыслимому в рамках религиозного общения участнику коммуникации. Этот компонент соотносится, с точки зрения Т. В. Ицкович, с **благоговейной тональностью** религиозного текста [Ицкович 2016].

Однако следует помнить о том, что проповедь, как тип религиозной коммуникации, является все-таки специфичным жанром. Специфичность проповеди заключается в ее предназна-

нии быть обращенной к адресату с целью *научения* «правильным» – с точки зрения христианства – поступкам и действиям, с целью призыва адресанта к анализу его бытийных установок и ценностей. Эта особенность рассматриваемого жанра позволяет говорить о наличии в проповеднических текстах еще одной разновидности тональности – **дидактической**. Не случайно И. Н. Щукина называет дидактическую функцию основополагающей для текста проповеди, поскольку «...проповедник целью своего высказывания имеет всегда единственную цель – научить прихожанина индивидуально, именно не всех, а каждого <...> найти путь в Царствие Небесное» [Щукина 2010: 87].

Хотя текст проповеди в целом, как известно, создается по канонам ораторского искусства [Архиепископ Аверкий (Таушев) 2011; Епископ Полоцкий и Глубокский Феодосий (Бильченко) 2007], всякий конкретный текст проповеди допускает определенную степень свободы. При этом круг интересов проповедника весьма широк – затрагиваются вопросы далеко не только богословские, но и нравственные, социальные, вплоть до бытовых. Какой стиль общения с паствой изберет проповедник, с помощью каких средств (в первую очередь языковых) он будет реализовывать свои интенции – определяется многими факторами, в том числе его личностными характеристиками. Иначе говоря, несмотря на общность глобальной интенции всех проповедников – «указать прихожанину путь в Царствие Небесное», подход каждого из них к установлению контакта с паствой, к использованию средств воздействия различен, о чем свидетельствуют результаты работ многих исследователей религиозного стиля [см. литературу, указанную выше].

Большая роль авторской свободы в структурно-смысловой организации текста проповеди позволяет считать, что в этих текстах присутствует еще одна – третья – разновидность тональности, а именно **индивидуально-авторская тональность**.

На наш взгляд, приоритетной в текстах рассматриваемого жанра является **дидактическая тональность**, выступающая ведущим компонентом интенциональности в жанре проповеди. Поэтому данный тип тональности мы рассматриваем в качестве ключевой в рамках взаимодействия проповедника и адресата при реализации обеими сторонами своих коммуникативных стратегий в жанре проповеди.

Средства реализации дидактической тональности разнообразны и – в отличие от средств выражения благоговейной тональности – обнаруживаются на различных уровнях языковой си-

стемы. Хотя сама по себе дидактическая функция неодинаково реализуется разными проповедниками, все-таки можно говорить о типичных языковых «приметах» дидактической тональности в жанре проповеди. Однако наиболее очевиден дидактический тон религиозной речи на лексическом, синтаксическом и текстовом уровнях.

Материал и методы исследования

Реализация дидактической тональности изучалась на материал 68 текстов проповедей Александра Меня, известного в России протоиерея Русской православной церкви, богослова, автора книг по богословию, истории христианства и других религий. Всего проанализировано 136 печатных страниц текста, или около 30 тысяч словоупотреблений.

Анализа текстового материала проводился с использованием функционально-стилистического, структурно-семантического, контекстуального, сопоставительно-количественного и прагматического методов на лексическом, синтаксическом и текстовом уровнях.

Рассмотрим средства трех этих уровней более подробно.

Средства реализации дидактической тональности на лексическом уровне

В процессе анализа лексического состава текстов религиозной проповеди удалось установить, что для воплощения дидактической тональности здесь активно функционируют специальные единицы. Это слова с семантикой ‘размышление’, ‘обдумывание’, ‘сопереживание’, ‘чувства’, ‘сочувствие’, ‘стремление’ или – с другой стороны – лексемы с семантикой ‘долженствование’, ‘необходимость’, ‘возможность / невозможность’ и под.

Объединение в одном высказывании таких, казалось бы, противоположных значений, как ‘чувство’ и ‘долженствование’, и есть, по нашему глубокому убеждению, реализация дидактической направленности содержания данного высказывания. Ср., например, слова В. А. Сухомлинского о методах воспитания: «Главная цель воспитания – формирование и развитие гармоничной личности – достигается посредством позитивного воздействия на ребенка [в нашем случае – прихожанина. – Е. Г.] всего спектра разнообразных явлений, с которыми каждый человек сталкивается в процессе жизнедеятельности» [Сухомлинский 1979: 232]. Или: «Я понимаю мастерство воспитания так, что каждое прикосновение воспитателя к своему питомцу является в конечном счете **побуждением к труду души**» [Василий Александрович Сухомлинский... 2019; Сухомлинский 2019. Электронный ресурс. Вы-

делено нами. – Е. Г.]. Как видно, воздействие на душу / чувства воспитанника – один из важнейших механизмов воспитания, что и реализуется в текстах проповеди с помощью комплекса интенциональных категорий, в том числе рассматриваемой нами дидактической тональности.

При анализе средств лексического уровня в проанализированных текстах выявлено две семантических подгруппы: 1) лексем с семантикой ‘размышление’ / ‘призыв к совместному действию’; 2) лексем с семантикой ‘долженствование’. Рассмотрим эти семантические подгруппы.

1. Семантика ‘размышление’ / ‘призыв к совместному действию’. Эта семантическая подгруппа реализуется в текстах с помощью частотного употребления в высказываниях специфических лексем (как правило, глаголов) с семантикой размышления – в 68 проанализированных проповедях выявлено 76 лексем с указанным значением: *подумать, задуматься, размышлять, спрашивать себя, смотреть, понимать* и др. Важно при этом, что призыв к совместному действию, к размышлению направлен здесь на анализ ключевых категорий христианской религии – *вера, покаяние, душа, спасение, смирение* и др. Также отмечены случаи призыва к анализу поведения персонажей притч, выступающих в качестве примеров (или контрпримеров) определенного поведения (праведного или греховного). Ср.:

Вы посмотрите на этих людей: они не побоялись разобрать крышу, только бы к Господу принести своего родного! Значит, так же и мы должны стремиться пробивать стену нашей собственной души...

Выделенные нами единицы эксплицируют в высказываниях дидактичность автора речи как его стремление воздействовать на душу адресата, его внутренний мир с целью исправить последний, совершенствовать его.

Однако в большинстве случаев употребление лексем с семантикой размышления (*размышлять, думать, вдуматься* и др.) связано с побуждением адресата к анализу своих принципов относительно «выстраивания» отношений с Богом и окружающими людьми, а также особенностей своего поведения. Ср. (единицы с семантикой побуждения и чувствования, реализующей дидактическую тональность, выделены полужирным шрифтом):

Посмотрим, как мало времени мы уделяем размышлению о вечном; Мы проверяем свою совесть, когда как бы все промывается в нашей душе – через размышление, покаяние, стремление к новой жизни; Подумайте: вот эта лодка, которую Господь отправил

вперед себя, а Сам ушел на гору молиться; Подумайте, вспомните о том, какими добрыми, самоотверженными, честными бывали люди в тяжелых жизненных обстоятельствах, а вот в покое и благополучии человек часто падает, сбивается с пути.

Завершая анализ первой семантической подгруппы, подчеркнем: использование лексем с семантикой размышления свидетельствует о том, что проповедник, обращаясь к людям таким образом, стремится воздействовать на рациональную сферу их сознания, связанную с логическим мышлением, призывая к трезвому взгляду на себя, к размышлению о своей жизни, к стремлению выстоять в тяжелых жизненных ситуациях. Наличие в текстах проповеди единиц с семантикой ‘размышление’, ‘призыв к совместному действию’ свидетельствует о совершенно определенной интенции проповедника – показать адресату способы борьбы с собственными страстями, внутренними слабостями, с тем, что отдаляет и отделяет его (человека слабого) от Бога.

2. Семантика долженствования. Данная подгруппа реализуется прежде всего посредством модальных слов с соответствующей семантикой – *надо, должно, нужно, необходимо, следует*. При этом в качестве сопутствующего инфинитива (второго компонента главного члена безличной конструкции) употребляются, как правило, глаголы с семантикой мысли, волеизъявления, чувствования, переживания и под.: *надо бороться, должны помнить, следует верить, необходимо понимать* и т. д.

Данное средство реализации дидактической тональности является самым частотными (81 случай употребления). С помощью единиц с семантикой долженствования проповедник стремится указать адресату дороги истины, способы борьбы со своим духовным несовершенством и, как следствие, путь приближения к Богу (борьба с грехами, исполнение заповедей, определение духовных границ, указание на правильные с точки зрения христианской морали пути жизни, алгоритм действий в той или иной жизненной ситуации и др.). Ср. (см. выделенные средства):

И каждый пост мы должны встречать так, как будто он последний в нашей жизни; Нельзя оставлять голодающую и жаждущую душу без насыщения и др.

Как отмечает М. К. Сабанеева, «семантика долженствования включает понимание долга как принуждения в силу социальных, юридических, этических и эстетических норм...; понимание долга как ситуативной вынужденности совершения того или иного действия; понимание долга как внутреннего побуждения, основанного на

органической ассимиляции лицом социальных, этических и эстетических норм, либо на индивидуальной психической или физической потребности» [Сабанеева 2005: 253]. Иными словами, использование адресантом лексических единиц с семантикой долженствования является способом указания на необходимость определенных действий (которые предполагают и когнитивные операции). Однако в религиозной коммуникации человек мыслится как существо свободное, т. е. не обремененное рамками какого-либо закона, этическими или эстетическими нормами. Исполнение заповедей предполагает реализацию свободной воли человека, его осознанный выбор. Поэтому проповедник, обращаясь таким образом к слушателям / читателям, использует преимущественно местоимение *мы* либо слово *человек*, подчеркивая тем самым не только обобщенность субъекта своего обращения, но и обобщенную, философскую направленность своей интенции, как бы подчеркивая: так следует поступать всем, кто стремится «организовать» свою жизнь согласно христианской морали:

Мы должны стремиться пробивать стену нашей души, души окаменевшей, вялой, наполовину уснувшей.

Итак, лексические единицы с обобщенной семантикой ‘долженствование’ / ‘воздействие’ и ‘чувства’ / ‘душа’ служат для воплощения в текстах проповеди дидактической тональности – позитивного воздействия на душу адресата (если следовать за В. А. Сухомлинским в понимании сути воспитания, или, иначе, дидактики). Вместе с тем важно подчеркнуть, что сами по себе такие единицы не способны реализовать дидактическое волеизъявление говорящего: целеполагание научения способно в полной мере реализоваться только в контексте, т. е. имеет **синтаксическое** или **текстовое решение**.

Средства реализации дидактической тональности на синтаксическом уровне

Синтаксические средства, как показал исследованный нами материал, играют ключевую роль в реализации дидактической тональности. При этом обращает на себя внимание функционирование внутри синтаксиса лексических единиц с различной семантикой, выражающей наставление, научение, призыв. При анализе средств синтаксического уровня в проанализированных текстах выявлено так же, как и в случае с лексическими единицами, две семантические подгруппы: 1) конструкции с семантикой ‘размышление’ / ‘призыв к совместному действию»; 2) конструкции с семантикой ‘долженствование’. Рассмотрим эти семантические подгруппы.

1. **Конструкции с семантикой ‘размышление’ / ‘призыв к совместному действию’.** Из приведенных выше примеров видно, что семантика ‘размышление’ / ‘призыв к совместному действию’ воплощается чаще всего в односоставных, сложноподчиненных, бессоюзных синтаксических конструкциях, в том числе в предложениях побудительных по цели высказывания. См.:

Подумайте, вспомните о том, какими добрыми, самоотверженными, честными бывали люди в тяжелых жизненных обстоятельствах, а вот в покое и благополучии человек часто падает, сбивается с пути; Постараемся собраться с духом и принести Господу молитву на сей раз друг за друга...;

2. **Семантика долженствования.** Данная подгруппа реализуется прежде всего посредством **безличных синтаксических конструкций**, содержащих в своем составе модальные слова с соответствующей семантикой – *надо, должно, нужно, необходимо, следует*. При этом в качестве сопутствующего инфинитива, как указывалось ранее, употребляются чаще всего глаголы с семантикой мысли, волеизъявления, чувствования, переживания и под.: *надо бороться, должны помнить, следует верить, необходимо понимать* и т. д.

С помощью безличных конструкций с семантикой долженствования проповедник стремится указать адресату дороги истины, способы борьбы со своим духовным несовершенством и, как следствие, путь приближения к Богу (борьба с грехами, исполнение заповедей, определение духовных границ, указание на правильные с точки зрения христианской морали пути жизни, алгоритм действий в той или иной жизненной ситуации и др.). Ср. (см. выделенные средства):

Надо стремиться, стараться, прилагать усилия, каждый день и каждый час бороться с собой, со своими грехами, падать, вставать, снова падать, снова вставать, достигать чего-то, но помнить, что завтра мы можем это потерять, и вновь надо будет бороться, не ослабевая, но помнить: по справедливости мы все равно недостойны, а принимает нас Господь по Своему милосердию и др.

В целом во всех синтаксических конструкциях первой подгруппы явно прослеживается дидактическая интенция автора, направленная на побуждение адресата к анализу его жизненных установок и реализации этих установок в соответствии с нормами христианской морали (см. выделенные единицы в составе предложений).

Частотное использование **побудительных конструкций** позволяет автору речи акцентировать внимание слушателей на самом указании определенных действий по пути к духовному совершенствованию. Данные средства выражения дидактической тональности тоже являются частотными в проповедях Александра Меня – всего их выявлено 65 единиц.

Приведем примеры побудительных предложений из проповедей А. Меня:

*Когда же мы говорим: «Не спасусь, не годен, не годна, нет надежды», – **вспомните**, что есть Тот, Кто нас ждет, ждет всегда, потому что мы Его дети; **Представьте себе** теперь нашего Господа, Которому должны были подчиняться все стихии и миры, что Он идет как обыкновенный путник и испытывает вместе с нами тяготы жизни – зной, жажду, усталость и под. (см. также примеры, приведенные выше).*

Примечательно, что в текстах проповедей побудительные предложения не отражают волеизъявления говорящего («традиционная» функция категории побудительности), поскольку он обращается к пастве не от *своего* имени и просит выполнять что-либо не для достижения *своих* целей.

Интересно функционируют в религиозном тексте **сложноподчиненные предложения со значением условия**. В проанализированных нами текстах такие конструкции в целом выражают традиционную для них семантику, указывая на условия, при исполнении которых достижимо духовное совершенствование. И все-таки у них здесь имеется специфический семантический оттенок – они во всех без исключения случаях употребляются в контекстах, когда коммуникативной целью проповедника является желание указать адресату пути, «способы» борьбы с греховными страстями, дорогу к Спасению, т. е. к Богу. См.:

*Так же и мы, **если преодолеем свою косность**, Он увидит нашу веру... И все препятствия, в конце концов, мы устраним; **Если мы не будем заставлять, принуждать себя** к молчанию, **если мы останемся подвластными** житейскому шуму, бесконечному бегу, **то** у нас вся жизнь пройдет на поверхности, без глубины, без духовности, без настоящей встречи с Господом; **Если не насыщать** нашей души на пути жизни земной, – безмерно тяжек будет ее голод в вечности и под.*

Следует отметить, что употребление данных конструкций в текстах проповедей А. Меня является очень частотным – до 4 употреблений в тексте одной проповеди (всего 71 случай употребления). Вместе с тем выражение в текстах проповеди логико-смысловых операций условности и побудительности количественно все-таки уступает конструкциям с семантикой долженствования (71, 65 и 81 соответственно).

Средства реализации дидактической тональности на текстовом уровне

Среди средств реализации дидактической тональности текстового уровня в проповедях Александра Меня отмечено частое использование конструкций с чужой речью, оформленных в виде структур прямой или несобственно-прямой речи. Это, как правило, слова, произносимые от лица Христа либо Церкви, не являющиеся цитацией Евангелия или других сакральных книг (19 случаев употребления). Иначе говоря, в данном случае прослеживается целенаправленное конструирование проповедником живого диалога между Богом и слушателями: проповедник как бы устами Бога ведет диалог с паствой, старается побудить своих слушателей / читателей к активным действиям, к началу изменения своего внутреннего мира и своей жизни, ср.:

*Да, Мои чада, – **говорит Господь**, – вы действительно ушли от Меня, вы действительно не шли по Моему пути, вы и все поколения не оказались достойными Моей любви. Но Моя любовь, любовь Божия, покрывает и поглощает ваши грехи.*

Слова, произносимые как бы от лица Господа, тоже средство реализации дидактической тональности, поскольку призваны разъяснить суть отношений между Богом и людьми, когда Бог обращается к людям как к своим непослушным детям. Проповедник акцентирует внимание на том, что Бог всегда готов помогать людям, оберегать их, но при этом и они не должны забывать о Нем, как детям нельзя забывать о своих родителях. Таким образом, в проповедях Александра Меня использование данного средства есть является способом воплощения дидактической направленности (= тональности) речи.

Как дидактически маркированное текстовое средство выступают в религиозном тексте фрагменты, повествующие о событиях из пастырской жизни или личного опыта проповедника в его общении с паствой. Использование данных иллюстраций является наименее употребительным средством реализации дидактической тональности – всего нами выявлено 9 случаев. Например:

Я помню, однажды беседовал с одним пожилым человеком, жизнь которого была серой, тусклой, лишенной всего духовного. И он рассказал мне, что однажды в юности, когда он шел по улице города, его как бы изнутри ослепил необыкновенный свет, и он увидел весь мир вокруг, озаренный Божиим присутствием... Это был призыв Божий и посещение Господне, а потом он сказал, что все это было оставлено, забыто. Прошли годы. Суета, заботы захватили его, и он никогда больше не обратился к Тому, Кто его позвал.

В иллюстрациях из пастырской жизни проповедник описывает различные истории, связанные с духовной жизнью реальных людей, как правило, современников представителей паствы. В данных примерах имплицитно представлен призыв проповедника к представителям паствы сравнить себя, свою жизнь с героями описываемых жизненных ситуаций.

Завершая структурно-семантический анализ способов выражения дидактической тональности в религиозной проповеди, приведем таблицу, обобщенно представляющую выявленные нами средства:

Средства реализации дидактической тональности в проповедях Александра Меня
Means of Implementing Didactic Tonality in Sermons of Alexander Men

Средства	Кол-во единиц	Процент от 30 000 – общего количества словоупотреблений в проанализированных текстах	Примеры
Лексические средства воплощения дидактической тональности			
Лексемы с семантикой размышления	76	0,25 %	...как мало времени мы уделяем размышлению о вечном
Лексемы с семантикой долженствования	81	0,27 %	И каждый пост мы должны встречать так, как будто он последний в нашей жизни; Нужно стремиться, стараться, прилагать усилия
Синтаксические средства воплощения дидактической тональности			
Конструкции с семантикой размышления	76	0,25 %	Давайте подумаем , как нам душу свою открыть Господу
Конструкции с семантикой долженствования	81	0,27 %	Об этом мы должны молиться , к этому должны стремиться , чтобы, еще не вкусив телесной смерти, узнать, то такое действие Духа Божия и благодати Его
Побудительные предложения	65	0,22 %	Посмотрите , как мы живем сегодня: в каком озлоблении, в каком изнеможении, в какой бесконечной спешке...
СПП с семантикой условия	71	0,24 %	И если Он нам протянет руку, то не будем мы Ему неблагодарны
Текстовые средства воплощения дидактической тональности			
Диалогические конструкции, напоминающие прямую речь в виде слов, произносимых от лица Христа либо Церкви, не являющихся цитацией Евангелия или других сакральных книг	19	0,06 %	...Его любовь протягивает руку и говорит: «Встань, спящий, пробудись, пробудись! Я, Господь, к тебе пришел. Я умер, хотя бессмертен, Я все испытал твое, кроме греха, чтобы быть с тобой рядом и тебя очистить и оживотворить. Вот перед твоими глазами Мой Крест, на котором Я принимаю твои страдания и твои грехи, чтобы ты очистился Моею благодатью».
Примеры из пастырской жизни	9	0,03 %	Я спросил как-то одну женщину: «Ты верующая? Православная?». «Да, - она говорит, - я хожу поминать своих покойников». Так разве в этом наша вера?
Всего	478 единиц реализации дидактической тональности на 30 000 словоупотреблений		

Как видно из таблицы, в проанализированных проповедях Александра Меня наиболее частотным средством выражения дидактической тональности являются синтаксические конструкции с семантикой долженствования (17 % всех выявленных средств) и сложноподчиненные предложения со значением условия (14,8 %). Полагаем, что употребительность первых средств объясняется тем, что конструкции с составным глагольным сказуемым, включающим модальные слова со значением долженствования или необходимости, выражают модальность призыва или поучения, что, в свою очередь, составляет одну из интенций проповедника при апелляции к сознанию реципиентов. Как отмечает Т. В. Ицкович, жанр проповеди характеризуется прямо выраженными идеями долженствования, указаниями, как надо себя вести слушателям, чтобы достичь Царства Божия, спастись [Ицкович 2012: 81].

Акцент проповедника на том, как надо думать, поступать или интерпретировать ту или иную жизненную ситуацию, несомненно, создает ядро дидактической тональности текста проповеди. В свою очередь, сложноподчиненные предложения со значением условия выражают детерминированность тех или иных событий духовной жизни человека, из которой реципиент может сделать вывод о том, как следует (или наоборот, не следует) «организовывать» свою жизнь, чтобы жить в любви к Богу и людям и достичь главной цели жизни христианина.

Также в проповедях А. Меня значимое место занимает такое средство выражения дидактической тональности, как призыв (13,6 % от общего числа словоупотреблений), который непосредственно указывает реципиенту на необходимость выполнения какого-либо действия (иногда в метафизическом плане).

Выводы

Проведенное исследование позволило установить, что в жанре религиозной проповеди интенциональность реализуется посредством специфических языковых и речевых единиц. Выявленные единицы выполняют в рамках религиозного текста единую функцию, а именно служат для выражения основной коммуникативной установки автора речи – приблизить человека к вере и Богу, научить его вере в Бога.

Проведенный нами анализ показал, что религиозная проповедь – это, по сути, глубоко «воспитательный» по своей цели текст. Результаты исследования свидетельствуют о том, что в проповедях А. Меня гармонично сочетаются различные средства дидактической тональности, в частности, конкретные указания адресатам на то,

каким образом следует «достигать успехов» в духовной жизни и в деле спасения. Трансляцию различных необходимых бытийных и поведенческих установок автор реализует с помощью разных языковых и речевых единиц и конструкций, семантически заостренных в эмоциональную сферу предполагаемого адресата, что, безусловно, способствует более продуктивному воздействию на его сознание и, как следствие, способствует реализации ключевых интенций проповедника.

В этом смысле проповедник выступает как истинный Учитель, ведущий за собой «детей малых», всех, кто ищет пути духовности и самосовершенствования. В унисон этому звучат слова В. А. Сухомлинского о цели воспитания: «Духовная несгибаемость – вот что представляется мне главным среди воспитания человеческих качеств, которые надо лепить, ваять уже в маленьком человеке» [Сухомлинский 1979: 234].

Список литературы

Архиепископ Аверкий (Таушев). Руководство по гомилетике. М.: Изд-во Свято-Тихонов. Богосл. ин-та, 2001. 143 с.

Епископ Полоцкий и Глубокский Феодосий (Бильченко). Гомилетика. Теория церковной проповеди: учеб. пособие. М., 2007. 336 с.

Болотнова Н. С. Филологический анализ текста. М.: Флинта: Наука, 2009. 520 с.

Василий Александрович Сухомлинский и его педагогическое наследие. Ростов н/Д: Фонд науки и образования, 2019. 321 с.

Васильев С. А. Синтез смысла при создании и понимании текста. Киев, 1988. 238 с.

Войтак М. Модернизация жанровых конвенций в современном молитвиннике // Стереотипность и творчество в тексте: межвуз. сб. науч. тр. / под ред. М. П. Котюровой; Перм. ун-т. Пермь, 2007. Вып. 11. С. 266–279.

Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования. М., 1981. 139 с.

Городецкий Б. Ю. Компьютерная лингвистика: моделирование языкового общения // Новое в зарубежной лингвистике. М.: Прогресс, 1989. Вып. 24. С. 5–31.

Данилевская Н. В. Textoобразующая функция категории тональности в публицистическом стиле // Стилистика сегодня и завтра: Медиа-текст в прагматическом, риторическом и лингвокультурологическом аспектах: тезисы Междунар. научная конференция. М.: Фак-т журналистики МГУ, 2010. С. 48–54.

Дридзе Т. М. Текстовая деятельность в структуре социальной коммуникации. М., 1984. 272 с.

Звездин Д. А. Православная проповедь как жанр церковно-религиозного стиля современного русского литературного языка: на примере текстов второй половины XX века.: дис. ... канд. филол. наук. Челябинск, 2012. 201 с.

Ицкович Т. В. Жанровая систематизация религиозного стиля на коммуникативно-прагматическом и категориально-текстовом основаниях: дис. ... д-ра филол. наук. Екатеринбург, 2016. 387 с.

Ицкович Т. В. Православная проповедь как тип текста: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2007. 24 с.

Ицкович Т. В. Прототекстуальность как конструктивный принцип религиозного стиля // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 2: Языкознание. 2018. Т. 17, № 1. С. 6–16.

Ицкович Т. В. Система жанров религиозного стиля в коммуникативно-прагматическом аспекте // Studia rossica posnaniensia. 2019. Vol. XLIV/2. P. 231–242.

Ицкович Т. В. Тональность православной проповеди // Современная лингвистика и межкультурная коммуникация. Красноярск: НИЦ, 2012. С. 69–97.

Каменская О. Л. Текст и коммуникация. М., 1990. 151 с.

Карагодская Ю. С. Взаимодействие религиозно-церковного стиля со смежными сферами: онтология и экспрессология: дис. ... канд. филол. наук. Ростов н/Д., 2019. 174 с.

Клушина Н. И. Интенциональные категории публицистического текста (на материале периодических изданий 2000–2008 гг.): автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2008. 57 с.

Кожина М. Н. Общая характеристика текстовых категорий в функционально-стилевом аспекте (применительно к научной сфере общения) // Очерки истории научного стиля русского литературного языка XVIII–XX вв. / под ред. М. Н. Кожинной: в 3 т. Т. 2. Стилистика научного текста (общие параметры). Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 1998. Ч. 2. Категории научного текста: функционально-стилистический аспект. С. 3–15.

Колишанский Г. В. Коммуникативная функция и структура языка. М., 1984. 175 с.

Матвеева Т. В. Функциональные стили в аспекте текстовых категорий: Синхронно-сопоставительный очерк. Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1990. 172 с.

Мишланов В. А., Салимовский В. А. Диалогичность церковно-религиозных текстов // Вестник Пермского университета: Российская и зарубежная филология. 2010. Вып. 6(12). С. 24–29.

Новиков А. И. Семантика текста и ее формализация. М., 1983. 215 с.

Новоселов М. А. Догмат и мистика в православии, католичестве и протестантстве. М.: Лепта-Пресс, 2004. 384 с.

Салахова А. Г. Функционально-прагматическая характеристика современной религиозной проповеди // Слово, высказывание, текст в когнитивном, прагматическом и культурологическом аспектах. Челябинск: РЕКПОЛ, 2008. С. 527–532.

Салимовский В. А., Сулова К. С. Экспликация догмата как жанра догматической проповеди // Жанры речи: сб. науч. ст. Саратов: Колледж, 2005. Вып. 4. С. 280–292.

Сухомлинский В. А. О воспитании / сост. и авт. вступ. очерков С. Соловейчик. 3-е изд. М.: Политиздат, 1979. 270 с.

Сухомлинский В. А. О воспитании. 2019. URL: <https://nsportal.ru/blog/uvlecheniya/all/2017/01/08/suhomlinskiy-v-a-o-vozpitanii>. (дата обращения: 12.02.2021).

Философская энциклопедия. URL: https://dic-academic.ru/dic.nsf/enc_philosophy/452/ (дата обращения: 25.02.2021).

Шахарман А. П. Концептуальные основы религиозного дискурса: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Бишкек, 2015. 22 с.

Щукина И. Н. Рациональность эмоционального в религиозных программах российского телевидения (на материале проповедей митрополита Смоленского и Калининградского Кирилла) // Стереотипность и творчество в тексте. Пермь, 2010. Вып. 14. С. 85–92.

Щукина И. Н. Интенциональность в религиозном дискурсе // Стереотипность и творчество в тексте. Пермь, 2012. Вып. 16. С. 138–147.

Karpluk M., Sambor, J. (red.). O języku religijnym. Zagadnienia wybrane. Lublin: Redakcja Wydawnictw KUL, 1988. 170 s.

Kloczowski J. Język, którym mówi człowiek religijny, "Znak", 1995. № 12. S. 5–17.

Kucharska-Dreiss E. Teolingwistyka – próba popularyzacji terminu // Język religijny dawniej i dziś / red. S. Mikołajczak, T. Węclawski, Poznań, 2004. S. 23–30.

Rożek L. Język religii. Konstrukcje i dekonstrukcje. Wstęp, Częstochowa, 2006. S. 7–15.

Wojtak M. Styl religijny w perspektywie genealogicznej // Język religijny dawniej i dziś / red. S. Mikołajczak, T. Węclawski, Poznań, 2004. S. 104–113.

References

Archbishop Averkiy (Taushev). *Rukovodstvo po gomiletike* [Guide to homiletics]. Moscow, Saint Tikhon's Theological Institute Press, 2001. 143 p. (In Russ.)

Bishop Polotskiy and Glubokskiy Feodosiy, (Bil'chenko). *Gomiletika. Teoriya tserkovnoy pro-*

povedi: uchebnoe posobie [Homiletics. The theory of church preaching: textbook]. Moscow, 2007. 336 p. (In Russ.)

Bolotnova N. S. *Filologicheskiy analiz teksta* [Philological analysis of text]. Moscow, Flinta: Nauka Publ., 2009. 520 p. (In Russ.)

Vasilii Aleksandrovich Sukhomlinskiy i ego pedagogicheskoe nasledie [Vasily Aleksandrovich Sukhomlinsky and his pedagogical heritage]. Rostov-on-Don, Science and Education Foundation Publ., 2019. 321 p. (In Russ.)

Vasil'ev S. A. *Sintez smysla pri sozdanii i ponimanii teksta* [Synthesis of meaning when creating and understanding a text]. Kiev, 1988. 238 p. (In Russ.)

Voytak M. *Modernizatsiya zhanrovyykh konventsiy v sovremennom molitvennike* [Modernization of genre conventions in a modern prayer book]. *Stereotipnost' i tvorchestvo v tekste: mezhvuz. sb. nauch. trudov* [Stereotype and creativity in text: interuniversity collection of scientific papers]. Ed. by M. P. Kotyurova. Perm, Perm State University Press, 2007, issue 11, pp. 266–279. (In Russ.)

Gal'perin I. R. *Tekst kak ob'ekt lingvisticheskogo issledovaniya* [Text as an object of linguistic research]. Moscow, 1981. 139 p. (In Russ.)

Gorodetskiy B. Yu. *Komp'yuternaya lingvistika: modelirovanie yazykovogo obshcheniya* [Computational linguistics: modeling language communication]. *Novoe v zarubezhnoy lingvistike* [The New in Foreign Linguistics]. Moscow, Progress Publ., 1989, issue 24, pp. 5–31. (In Russ.)

Danilevskaya N. V. *Tekstoobrazuyushchaya funktsiya kategorii tonal'nosti v publitsisticheskom stile* [Text-forming function of the sentiment category in the journalistic style]. *Mezhdunarodnaya nauchnaya konferentsiya 'Stilistika segodnya i zavtra: Mediatekst v pragmaticheskom, ritoricheskom i lingvokul'turologicheskom aspektakh': tezisy* [International scientific conference 'Stylistics today and tomorrow: Media text in pragmatic, rhetorical and linguocultural aspects': proceedings]. Moscow, Faculty of Journalism of the Moscow State University Press, 2010, pp. 48–54. (In Russ.)

Dridze T. M. *Tekstovaya deyatelnost' v strukture sotsial'noy kommunikatsii* [Textual activity in the structure of social communication]. Moscow, 1984. 272 p. (In Russ.)

Zvezdin D. A. *Pravoslavnaya propoved' kak zhanr tserkovno-religioznogo stilya sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka: na primere tekstov vtoroy poloviny XX veka*. Avtoref. ... diss. kand. filol. nauk [The Orthodox sermon as a genre of the church-religious style of the modern Russian literary language: based on texts of the second half of the 20th century. Abstract of Cand. philol. sci. diss.]. Chelyabinsk, 2012. 201 p. (In Russ.)

Itskovich T. V. *Zhanrovaya sistematizatsiya religioznogo stilya na kommunikativno-pragmaticheskom i kategorial'no-tekstovom osnovaniyakh*. Diss. ... d-ra filol. nauk [Genre systematization of the religious style on communicative-pragmatic and categorical-textual grounds. Dr. philol. sci. diss.]. Yekaterinburg, 2016. 387 p. (In Russ.)

Itskovich T. V. *Pravoslavnaya propoved' kak tip teksta*. Avtoref. diss. ... kand. filol. nauk [The Orthodox sermon as a type of text. Abstract of Cand. philol. sci. diss.]. Ekaterinburg, 2007. 24 p. (In Russ.)

Itskovich T. V. *Prototekstual'nost' kak konstruktivnyy printsip religioznogo stilya* [Proto-textuality as the constructive principle of religious style]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2, Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2018, vol. 17, issue 1, pp. 6–16. (In Russ.)

Itskovich T. V. *Sistema zhanrov religioznogo stilya v kommunikativno-pragmaticheskom aspekte* [System of genres of religious style in a communicative and pragmatic aspect]. *Studia Rossica Posnaniensia*, 2019, vol. 44(2), pp. 231–242. (In Russ.)

Itskovich T. V. *Tonal'nost' pravoslavnoy propovedi* [The sentiment of the Orthodox sermon]. *Sovremennaya lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya* [Modern linguistics and intercultural communication]. Krasnoyarsk, Publishing House Science and Innovation Center, 2012, pp. 69–97. (In Russ.)

Kamenskaya O. L. *Tekst i kommunikatsiya* [Text and communication]. Moscow, 1990. 151 p. (In Russ.)

Karagodskaya Yu. S. *Vzaimodeystvie religiozno-tserkovnogo stilya so smezhnymi sferami: ontologiya i ekspressologiya*. Diss. kand. filol. nauk [Interaction of the religious-church style with related fields: Ontology and expressology. Cand. philol. sci. diss.]. Rostov-on-Don, 2019. 174 p. (In Russ.)

Klushina N. I. *Intentsional'nye kategorii publitsisticheskogo teksta (na materiale periodicheskikh izdaniy 2000–2008 gg.)*. Avtoref. ... diss. d-ra filol. nauk [Intentional categories of journalistic text (based on the material of periodicals 2000–2008). Abstract of Dr. philol. sci. diss.]. Moscow, 2008. 57 p. (In Russ.)

Kozhina M. N. *Obshchaya kharakteristika tekstovykh kategoriy v funktsional'no-stilevom aspekte (primenitel'no k nauchnoy sfere obshcheniya)* [General characteristics of text categories in the functional and stylistic aspect (in relation to the scientific field of communication)]. *Ocherki istorii nauchnogo stilya russkogo literaturnogo yazyka XVIII–XX vv.: v 3 t.* [Essays on history of scientific style of the Russian literary language of the 18th–20th centuries. In 3 vols.]. Ed. by M. N. Kozhina. Perm, Perm State University Press, 1998, vol. 2. *Stilistika nauchnogo teksta (obshchie parametry)* [Stylistics of scientific text (general parameters)], pt. 2. *Kategorii nauch-*

nogo teksta: funktsional'no-stilisticheskiy aspect [Categories of scientific text: Functional and stylistic aspect], pp. 3–15. (In Russ.)

Kolshanskiy G. V. *Kommunikativnaya funktsiya I struktura yazyka* [Communicative function and the structure of language]. Moscow, 1984. 175 p. (In Russ.)

Matveeva T. V. *Funktsional'nye stili v aspekte tekstovykh kategoriy: Sinkhronno-sopostavitel'nyy ocherk* [Functional styles in the aspect of text categories: Synchronous comparative essay]. Sverdlovsk, Ural University Press, 1990. 172 p. (In Russ.)

Mishlanov V. A., Salimovskiy V. A. Dialogichnost' tserkovno-religioznykh tekstov [Dialogicity of religious texts]. *Vestnik Permskogo universiteta: Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2010, vol. 6(12), pp. 24–29. (In Russ.)

Novikov A. I. *Semantika teksta i ee formalizatsiya* [Semantics of text and its formalization]. Moscow, 1983. 215 p. (In Russ.)

Novoselov M. A. *Dogmat i mistika v pravoslavii, katolichestve i protestantstve* [Dogma and mysticism in Orthodoxy, Catholicism and Protestantism]. Moscow, Lepta-Press, 2004. 384 p. (In Russ.)

Salakhova A. G. Funktsional'no-pragmaticheskaya kharakteristika sovremennoy religioznoy propovedi [Functional and pragmatic characteristics of modern religious preaching]. *Slovo, vyskazyvanie, tekst v kognitivnom, pragmaticheskom i kul'turologicheskom aspektakh* [Word, utterance, text in cognitive, pragmatic and cultural aspects]. Chelyabinsk, REKPOL Publ., 2008, pp. 527–532. (In Russ.)

Salimovskiy V. A., Suslova K. S. Eksplikatsiya dogmata kak zhanra dogmaticheskoy propovedi [Explication of dogma as a genre of dogmatic preaching]. *Zhanry rechi* [Genres of speech]. Saratov, Kolledzh Publ., 2005, vol. 4, pp. 280–292. (In Russ.)

Sukhomlinskiy V. A. *O vospitanii* [On education]. Comp. and introd. by S. Soloveychic. 3rd ed. Moscow, Politizdat Publ., 1979. 270 p. (In Russ.)

Sukhomlinsky V. A. *O vospitanii* [On education]. Available at: <https://nsportal.ru/blog/uvlecheniya/all/2017/01/08/sukhomlinskiy-v-a-o-vospitanii> (accessed 12.02.2021). (In Russ.)

Filosofskaya entsiklopediya [Philosophical Encyclopedia]. Available at: https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_philosophy/452/ (accessed 25.02.2021).

Shakharman A. P. *Kontseptual'nye osnovy religioznoy diskursa*. Avtoref. ... diss. kand. filol. nauk [Conceptual foundations of religious discourse. Abstract of Cand. philol. sci. diss.]. Bishkek, 2015. 22 p. (In Russ.)

Shchukina I. N. Ratsional'nost' emotsional'nogo v religioznykh programmakh rossiyskogo televideniya (na materiale propovedey mitropolita Smolenskogo i Kaliningradskogo Kirilla) [Rationality of the emotional in religious programs of Russian television (based on the sermons of Metropolitan Kirill of Smolensk and Kaliningrad)]. *Stereotipnost' i tvorchestvo v tekste* [Stereotype and Creativity of the Text]. Perm, 2010, issue 14, pp. 85–92. (In Russ.)

Shchukina I. N. Intentsional'nost' v religioznom diskurse [Intentionality in religious discourse]. *Stereotipnost' i tvorchestvo v tekste* [Stereotype and Creativity of the Text]. Perm, 2012, issue 16, pp. 138–147. (In Russ.)

Karpluk M., Sambor J. (eds.). *O języku religijnym* [On religious language]. *Zagadnienia wybrane* [Selected issues]. Lublin, Editorial Office of the KUL Publishing House, 1988. 170 p. (In Pol.)

Kloczowski J. *Jezyk, ktorym mowi czlowiek religijny* [The language spoken by a religious man]. *Znak*, 1995, issue 12, pp. 5–17. (In Pol.)

Kucharska-Dreiss E. Teolingwistyka – próba popularyzacji terminu [Theolinguistics: an attempt to popularize the term]. *Jezyk religijny dawniej i dzis* [Religious language in the past and today]. Ed. by S. Mikołajczak, T. Węclawski, Poznań, 2004, pp. 23–30. (In Pol.)

Rożek L. *Jezyk religii. Konstrukcje i dekonstrukcje* [The language of religion. Constructions and deconstructions]. Wstęp, Częstochowa, 2006, pp. 7–15. (In Pol.)

Wojtak M. Styl religijny w perspektywie genealogicznej [Religious style in the genealogical perspective]. *Jezyk religijny dawniej i dzis* [Religious language in the past and today]. Ed. by S. Mikołajczak, T. Węclawski. Poznań, 2004, pp. 104–113. (In Pol.)

MEANS OF IMPLEMENTING DIDACTIC TONE IN RELIGIOUS TEXT (on the Material of Orthodox Sermons)

Elena I. German

Postgraduate Student in the Department of Russian Language and Stylistics

Perm State University

15, Bukireva st., Perm, 614990, Russian Federation. elena.hazanzhi@mail.ru

SPIN-code: 4850-8784

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-0687-4599>

Submitted 18.01.2021

The paper studies how didactic tonality is linguistically expressed in texts of sermons. Didactic tonality is viewed as a category of intentionality – a more general textual category inherent in any type of communication if the latter is viewed as an activity. The material for the study included 68 texts of sermons of the famous in Russia archpriest of the Russian Orthodox Church, theologian, author of books on theology, history of Christianity and other religions, Alexander Men. The activity approach, as well as the functional-stylistic, structural-semantic, cognitive, contextual, comparative-quantitative and pragmatic methods of analysis allowed us to establish that in the sermon as a genre, intentionality is realized through a specific tonality, or such a textual modality that reflects the main intention of the author of speech in religious preaching – to bring a person closer to faith and God, to teach them faith in God. The intention of ‘teaching’ is defined in the study as didactic tonality and is considered as an auxiliary category of intentionality functioning in texts of religious sermons. The paper reveals linguistic and speech means representing didactic tonality in texts, describes the structural-semantic, pragmatic and stylistic features of these means. Didactic tonality was found to be the key textual category in terms of implementation of the main author’s intention (conceptual idea and meaning) in a sermon.

The research findings demonstrate that in the sermons of Alexander Men, various means belonging to different linguistic levels are harmoniously combined: lexical units and syntaxemes that express the semantics of reflection, obligation, call for joint action, as well as textual means that include examples from pastoral life and dialogical constructions in the form of direct speech.

Key words: intentionality; sermon; preaching; textual category; influencing function; didactic tone; didactic tonality.

УДК 81'38

doi 10.17072/2073-6681-2021-1-37-47

ВОПРОСЫ “WHY” КАК ФАКТОР ОБРАЗОВАНИЯ СВЯЗНОСТИ В РОМАНЕ Г. СВИФТА “WATERLAND”

Катерина Юрьевна Гладкова

старший преподаватель кафедры лингвистики и перевода

Пермский государственный национальный исследовательский университет

614990, Россия, г. Пермь, ул. Букирева, 15. Katerina_G_L@mail.ru

SPIN-код: 9747-1840

ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-7603-2082>

Статья поступила в редакцию 27.07.2020

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Гладкова К. Ю. Вопросы “why” как фактор образования связности в романе Г. Свифта “Waterland” // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2021. Т. 13, вып. 1. С. 37–47. doi 10.17072/2073-6681-2021-1-37-47

Please cite this article in English as:

Gladkova K. Yu. Voprosy “why” kak faktor obrazovaniya svyaznosti v romane G. Svifta “Waterland” [‘Why’ Questions as a Cohesive Factor in ‘Waterland’ by G. Swift]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2021, vol. 13, issue 1, pp. 37–47. doi 10.17072/2073-6681-2021-1-37-47 (In Russ.)

Статья посвящена проблеме взаимодействия категорий связности и интеррогативности художественного текста на материале вопросов “why” в романе Г. Свифта “Waterland”. Целью исследования является определение роли вопросительных предложений “why” в образовании связности текста. В ходе исследования была сформирована база данных интеррогативных контекстов, включающая общие, специальные, разделительные вопросы. При анализе материала были использованы методы семантического анализа, контекстуального анализа, стилистического анализа, синтаксического анализа. В статье приводятся результаты изучения роли вопросов “why” в образовании связности художественного текста на микроуровне (лексико-семантическая связность, грамматическая связность) и на макроуровне (сюжетно-композиционный, образный, идейно-тематический уровни) художественного произведения. Автором были выявлены средства связности внутри отдельного интеррогативного микроконтекста, между микроконтекстами и в пределах макроконтекста произведения, например, различные виды повторов на лексическом и синтаксическом уровнях. На лексическом уровне повторы представлены такими разновидностями, как полный тождественный повтор, частичный повтор, синонимический и антонимический повтор, дейктический повтор, повтор вопросительного наречия *why*. На уровне синтаксиса автором были выявлены тенденция к формальной неполноте синтаксических конструкций, что позволяет сделать вывод о наличии имплицитной связности художественного текста, и тенденция к синтаксической сложности вопросительных предложений, например, вводными конструкциями, рядами однородных членов и деепричастными оборотами. Стилистический анализ интеррогативных контекстов показал, что наиболее частотными способами образования связности в изучаемом тексте являются анафора, антитеза, синтаксический параллелизм, парентеза, эллипс, апосиопеза. В ходе анализа макроуровня произведения было установлено, что вопросы “why” выполняют сюжетообразующую функцию, служат образованию смысловой связи между главами романа, способствуют формированию идейно-тематического и образного единства. В целом автор приходит к выводу, что вопросы “why” непосредственно участвуют в механизмах синтаксической и семантической компрессии и развертывания, которые являются важнейшими механизмами текстообразования.

Ключевые слова: интеррогативность; связность; художественный текст; вопрос “why”; текстообразование; Г. Свифт.

Категории связности и интеррогативности являются фундаментальными категориями языка, и изучение их взаимосвязи позволяет более подробно исследовать природу текстообразования. В данной статье мы рассмотрим специфику взаимосвязи этих категорий в художественном тексте. Прежде всего, обратимся к трактовке ключевых понятий: интеррогативность и связность текста.

Истоки изучения понятия «интеррогативность» можно проследить еще в античной философии, где процесс вопрошания рассматривается как необходимый инструмент познания окружающего мира. Логико-философские предпосылки категории интеррогативности находят свое дальнейшее развитие в лингвистике, где изучается ее семантика, функции и способы ее языкового представления. Интеррогативность трактуется в лингвистике как функционально-семантическая категория, единство семантики запроса о неизвестном и системы ее выражений в языке [Логинов 2012: 82]. В качестве репрезентантов интеррогативности выступают вопросительные и невопросительные предложения и высказывания, в структуре плана содержания которых актуализированы семы неизвестности и запроса информации. Проблеме вопросительного предложения в лингвистике посвящено множество работ. С позиции грамматики освещаются вопросы языковой формы вопросительных предложений, которые отличаются от других типов предложения формальными маркерами: интонационным контуром, инвертированным порядком слов, наличием вопросительных слов [Виноградов 1975, Пешковский 2001, Шведова 1980]. В рамках семантики актуальны проблемы неоднородности плана содержания вопросительных предложений и разнообразия их функций, реализуемых в конкретном речевом акте [Кобозева 2000, Логинов 2012, Шведова 1980]. В рамках теории речевых актов вопрос рассматривается в аспекте реализации им своих функций в процессе акта коммуникации: с одной стороны, иллокутивная направленность вопросительных высказываний заключается в том, чтобы заставить слушающего совершить действие или дать ответ, и в этом случае вопрос является частным случаем директивов [Остин 1986, Серль 1986]. С другой стороны, вопрос можно рассматривать как частный случай косвенного речевого акта, т. е. такого иллокутивного акта, при реализации которого говорящий передает слушающему большее содержание, чем то, которое он реально сообщает [Серль 1986]. В функциональной стилистике рассматривается роль интеррогативности в текстах различных функциональных стилей. Интеррогативность рассматривается как атрибут

научного текста, как фактор, обуславливающий такое его типологическое свойство, как научность [Алексеева, Шутёмова 2012: 7–8]. Интеррогативность в текстах, принадлежащих публицистическому функциональному стилю, направлена на реализацию экспрессивной функции. Вопрос здесь является средством обращения к читателю и концентрации читательского внимания на проблеме, освещаемой в тексте [Кожина, Дускаева, Салимовский 2008: 359–360]. В официально-деловых текстах вопрос необходим для реализации стилевой черты точности, не допускающей инотолкования [там же: 335]. В текстах художественного стиля интеррогативность служит реализации индивидуально-авторской эстетической концепции. Функцией вопросительного предложения в художественном тексте является воспроизведение динамики эмоционального и мыслительного процесса [Ковтунова 1986: 128–142].

Под связностью в лингвистике понимают основное свойство текста, которое наряду с цельностью отражает содержательную и структурную сущность текста [Валгина 2003:29]. Ее также определяют как функционально-семантическую и функционально-стилистическую семантическую категорию на основании того, что данная категория соотносима с системой разноразрядных языковых единиц, объединенных общей функцией [СЭС 2011: 377]. Связность считается структурным свойством текста и любой другой структурной единицы языка и проявляется через формальную зависимость компонентов текста [Мурзин, Штерн 1991: 11; Валгина 2003: 29]. Структурный характер связности подчеркивает А. А. Леонтьев, говоря о том, что связность является категорией текста и прослеживается на двух или нескольких последовательных предложениях, составляющих единство, в отличие от цельности, имеющей психолингвистическую природу и характеризующей смысловое единство всего текста [Леонтьев 1997: 90–91].

Исследователями приводятся различные классификации видов связи в тексте, например, по параметру формальной выраженности – эксплицитная связь и имплицитная связь [Мурзин, Штерн 1991: 11; Валгина 2003: 29]. По параметру направленности предлагают различать левостороннюю (анафорическую) связь, указывающую на ранее высказанную информацию в тексте, и правостороннюю (катафорическую) связь, указывающую на последующую информацию в тексте [Валгина 2003: 30]. Согласно концепции Л. Н. Мурзина и А. С. Штерна, направленность текста, или его интенция, является важной характеристикой текстовой связности. Ретроспективный принцип организации текста (анафорическая связь) принято считать текстовой нормой,

в отличие от проспективной связности (катафорическая связь), которая употребляется как специальный речевой прием, функцией которого является предупреждение адресата о том, что далее следует важная информация [Мурзин, Штерн 1991: 12]. По параметру объема различают одномерную связность, определяемую по двум соседним предложениям, и многомерную связность, определяемую по нескольким предложениям [Леонтьев 1997: 90].

В художественном тексте исследователи подчеркивают преобладание имплицитной связи и незначительное, по сравнению с текстами других функциональных стилей, использование формальных средств связности. Спецификой реализации категории связности в художественном тексте является ее взаимосвязь с эстетической функцией художественного произведения, и, таким образом, синтаксическая функция средств связности совмещается с их стилистической функцией [СЭС 2011: 379]. Преобладание имплицитной связности в художественном тексте обуславливается механизмами художественного текста, описанными Ю. М. Лотманом. В его концепции в процессе присоединения сегментов текста друг к другу происходит образование дополнительных смыслов по принципу внутренней перекодировки, а в результате процесса уравнивания сегментов текста появляются добавочные смыслы по принципу внешней перекодировки. Художественный текст, по Ю. М. Лотману, основывается на двух типах отношений: со-противопоставлении повторяющихся эквивалентных элементов и со-противопоставлении соседствующих элементов. В целом тенденция к повторяемости трактуется как стиховой конструктивный принцип, тенденция к соединяемости понимается как прозаический конструктивный принцип [Лотман 2015: 106–107]. Таким образом, в силу специфики художественного текста доминантным видом связи в нем полагают считать имплицитный, основанный на внутренних связях и невыраженных смыслах, возникающих при синтагматических отношениях высказываний. В рамках данного способа реализации связности текста предлагают выделять локальный вид, или интратекстуальный, и глобальный вид, или интертекстуальный [Сыров 2005].

В данной статье мы проследим характер взаимосвязи категорий интеррогативности и связности на примере вопросительных предложений "why" в романе Г. Свифта "Waterland". Полагают, что роман «Водоземье» (*Waterland*, 1983) является одним из ключевых произведений Г. Свифта и отражает характерные черты творчества писателя: глубокий психологизм, исследование тем истории, семьи, семейной истории,

осмысление морально-нравственных проблем и философских вопросов [Bedggood 2005, Encyclopedia Britannica, Fonioková 2017, Landow 1990, Pessa-Miquel 2007]. В центре повествования – семейная драма школьного учителя истории Тома Крика. Повествование является сложно организованным: в рассказ главного героя о событиях своей жизни вплетаются события мировой истории, воспоминания, рассуждения о серьезных морально-нравственных проблемах и философских категориях, справки из разных областей знания (например, инженерия и биология). Осмысление героями произведения глубоких нравственных вопросов, проблема поиска причины в прошлом и осознание невозможности его изменить составляет, на наш взгляд, идейно-эмотивную основу романа. По мысли К. Хьюитт, все герои произведений Г. Свифта – мыслящие люди, находящиеся в постоянном поиске ответов на вопросы [Хьюитт 1998]. Вопросание и поиск причины являются ключевыми смысловыми линиями романа "Waterland", обуславливающими сложную сюжетно-композиционную организацию произведения.

Выбор материала обусловлен тем фактом, что роман Г. Свифта "Waterland" характеризуется усиленным вопросанием, что позволяет подробно изучить способы языковой реализации категории интеррогативности в художественном тексте, а также ее роль в процессе образования связности текста.

Исследование в рамках данной статьи было выполнено с опорой на следующую методику:

1. Анализ роли вопросов "why" в реализации свойства связности на микроуровне (лексико-семантическая связность, грамматическая связность).

2. Анализ роли вопросов группы "why" в реализации свойства связности на макроуровне (сюжетно-композиционный, образный, идейно-тематический уровни).

Произведенный анализ способов реализации категории связности внутри отдельного микроконтекста, между микроконтекстами и в пределах макроконтекста произведения позволил выявить средства создания связности в интеррогативных контекстах. На лексическом уровне связность достигается за счет повтора, представленного различными разновидностями: тождественный, частичный, синонимический, антонимический, дейктический повтор. Рассмотрим следующий пример:

Why must the zenith never be fixed? Because to fix the zenith is to contemplate decline. Because if you construct a stage then the show must go on. Because there must always be – don't deny it – a future. [Swift 2008: 98]

В анализируемом вопросно-ответном единстве связность внутри контекста достигается за счет использования тождественного повтора (*zenith, because, must*) и частичного повтора (*fixed – fix*). Контекстуальные антонимы *zenith – decline* служат как для создания образности, так и для поддержания внутреннего семантического единства, поскольку они реализуют две микротемы внутри рассматриваемого контекста: микротему успеха, которая актуализирована в лексемах *zenith – construct – go on – future – never be fixed*, и микротему упадка, представленную существительным *decline*. Темы успеха, развития – с одной стороны и упадка и регресса – с другой являются ключевыми темами всего романа в целом. Они реализуются во многих интеррогативных контекстах и связаны с другими темами романа, например с темой истории:

Why was it that this revolution in the name of liberty and equality ended with an emperor? Why was it that this movement to abolish for good the ancien régime ended with a reincarnation of the old Sun King? [Swift 2008: 145]

В данном контексте тема развития актуализирована лексемами с семантикой движения, изменения *movement, revolution, abolish for good*, а также лексикой, служащей для создания образа ценностей лучшего будущего *liberty, equality*. Эти образы противопоставлены образам прошлого, репрезентированным существительными *emperor, régime, Sun King* и прилагательными *ancien, old*. Так, создаются антитезы «прошлое – будущее», «движение – остановка», «свобода – несвобода», которые в совокупности актуализируют более общую смысловую антитезу «развитие – упадок» и идею возврата к прошлому, повтора, которая является еще одной важной смысловой линией романа.

Семантический и стилистический анализ интеррогативных контекстов группы “why” показал, что стилистический прием антитезы играет важную роль в образовании связности как внутри микроконтекста, так и в рамках макроконтекста всего произведения. Рассмотрим следующий пример:

Why so evocative a name for so unsightly a craft? Why so fragrant an emblem for so noisome a task? Rosa. Rosa? [ibid.: 342]

В анализируемом отрывке эпитеты *evocative, fragrant* контекстуально противопоставлены эпитетам *unsightly, noisome* на основании противопоставления сем “*pleasant*” (общей для первой пары) и “*unpleasant*” (общей для второй пары). В смысловом плане противопоставлены существительные *Rosa, emblem*, создающие возвышенный образ, и существительные *craft, task*, используемые для обозначения обыденного,

ежедневного. Они служат как для внутренней связности микроконтекста, так и для создания образа корабля, о котором идет речь, актуализации идеи несоответствия внешнего и внутреннего, имени и сущности. Семантика несоответствия имени и сущности подчеркивается в данном отрывке использованием синтаксического параллелизма, усилительной частицы *so*, а также повтором существительного *Rosa*, которое выступает во втором случае в функции переопределения. Рассказчик, таким образом, выражает свое сомнение в правильности выбора имени. Более того, существительное *Rosa* обладает в лингвокультуре глубоким символическим смыслом, и использование его в ближайшем контексте с существительным *emblem* позволяет сделать вывод, что в микроконтексте актуализирована символика данного образа. Следовательно, контраст между именем *Rosa* и тем объектом, которому оно присвоено, становится еще более ярким.

Другим стилистическим принципом, посредством которого достигается связность внутри интеррогативных контекстов и в рамках макроконтекста, является прием анафоры. В вопросах “why” анафоричность достигается за счет частотного повтора вопросительного наречия (*why*), что создает впечатление усиленного, акцентированного вопрошания. Обратимся к примеру:

And why is he these things? Why sad? Why this gap between him and the world (which, for better or worse, he attempts to fill with books)? And why, even when he cannot deny certain distinct signs – that Mary Metcalf, it seems, might have feelings about him, too (because his reticence and plainiveness have not failed to lend him an air of mystery, and Mary cannot resist a mystery) – can he scarcely believe that it can really be happening? [ibid.: 53]

Связность в данном контексте достигается посредством целого комплекса языковых средств. В контексте использованы различные лексико-семантические повторы: тождественный повтор (*he, mystery, Mary, can, him*), частичный повтор (*he – him – his, can – cannot*), контекстуальные синонимы (*Mary – unattainable girl*), лексика общей семантики (*sad – plainiveness; gap – reticence*). Единство внутри контекста достигается за счет стилистического приема анафоры (*and why, why*), которая служит для создания впечатления настойчивости вопрошания и актуализации семантики вопросительных предложений.

Настойчивость вопрошания проявляется не только в частотных повторах вопросительного наречия *why*, но и в создании автором романа своеобразной языковой единицы *whywhywhy*, которая служит для актуализации смысла на-

стойчивости и неразрешимости вопрошания о причине происходящих событий. Данная языковая единица появляется как результат компрессии вопросительных предложений "why":

But why, we ask, did Louis' neck happen to be –? Because... And when we have gleaned that reason we will want to know, But why that reason? Because... Why?... Because... Why?... Until, in order to find out why Louis died, it is necessary not only to reanimate in our imaginations his troubled life and times but even to penetrate the generations before him; by which stage that incessant question Whywhywhy has become like a siren wailing in our heads and a further question begins to loom: when – where – how do we stop asking why? [Swift 2008: 112]

В представленном контексте идея неразрешимости вопрошания *why*, невозможности нахождения причины происходящего актуализирована за счет использования глаголов с семантикой поиска, выведения знания (*glean, find out, ask, reanimate, penetrate, want to know*); повторов существительных *reason, question*; повторов вопросительного наречия *why*; анафоры *but why, why, because*. Метафора *question Whywhywhy – siren* служит не только для создания образности, но и для того, чтобы акцентировать, заострить идею, представленную в анализируемом контексте. Семантика прилагательного *incessant*, существительного *siren*, глаголов *wail* и *loom* служит актуализации идеи бесконечности, тревожности, проблематичности вопрошания *why*. Языковая единица *Whywhywhy*, выведенная автором в данном контексте, суммирует, компрессирует в себе представленные в контексте семы поиска причины, бесконечности, открытости поиска, неразрешимости данного вопроса. Более того, в макроконтексте романа она функционирует как самостоятельная единица, обладающая проанализированным выше планом содержания:

Whywhywhy... Because (he swings) my Freddie was drunk and fell, with no one to save him, into the river. [ibid.: 119]

Данный контекст представляет собой рассуждения одного из героев о возможной причине гибели его сына. В представленном вопросно-ответном комплексе формально отсутствует вопрос, поскольку нет ни самого вопросительного предложения, ни его формальных признаков, кроме вопросительного наречия *Whywhywhy*. Однако само использование языковой единицы *Whywhywhy* предполагает и значение вопросительности, и значение настойчивого поиска причины, которые были выявлены нами выше. Заложена имплицитно семантика данной единицы не требует в контексте своего формального представления, поскольку, во-первых, ее значение уже

известно читателю, а во-вторых, автору важно акцентировать идею бесконечности, открытости и безответности вопрошания *why*, что подчеркивается также использованием апосиопезы.

Перейдем к анализу синтаксических средств связности внутри интеррогативных контекстов "why" и между ними. Рассмотрим использование тождественного повтора синтаксической конструкции как способ образования связности текста:

Why are the Fens flat? [ibid.: 21]

Why are the Fens flat? So God has a clear view... [ibid.: 21]

Повтор вопросительного предложения в данном случае служит не только для создания связности в пределах ближайшего контекста, но и для актуализации семантики, заложенной в вопросе. Значение вопрошания о сути вещей, о причине происходящего, причине мироустройства в данном случае в пределах Фенов, места, где живут герои произведения, является важной смысловой составляющей в рамках романа.

Помимо тождественного повтора в тексте наблюдается тенденция к формальной неполноте синтаксических конструкций, что подразумевает актуализацию невыраженной, имплицитной связи между контекстами. Рассмотрим следующие примеры:

Because (he swings) my Freddie was drunk and fell, with no one to save him, into the river.

And why...? Because he learnt to drink from his father, who was a worthless drunkard, who even went to the despicable lengths of sending his son on black-marketeering missions with the sole object procuring alcohol.

And why...? Because his father was a hopeless good-for-nothing, content to train his son in dishonesty and vice, a sinner who is rightly punished by this death of his first- and only-born. [ibid.: 119]

В данном контексте внутренняя связность достигается за счет использования анафоры, лексических повторов и синтаксического параллелизма. Апосиопеза, с одной стороны, служит для образования связности между предложениями, поскольку в каждом последующем вопросе имплицитно запрашивается причина события, представленного в предыдущем предложении: например, во втором вопросительном предложении контекста *And why ... [was Freddie drunk and fell, with no one to save him, into the river]*? Таким образом, для того чтобы декодировать смысл вопросительных предложений, нужно понимать значение всего микроконтекста, а также его место в событийной канве романа. С другой стороны, прием умолчания необходим, чтобы акцентировать идею бесконечного поиска причины, открытости этого процесса и невозможности

найти ответ, который в морально-нравственном плане удовлетворил бы героя.

Неполнота синтаксических конструкций проявляется в использовании эллипса, например:

Why history? Why the past? [Swift 2008: 111]

В данном контексте эллипс использован наряду с приемом синтаксического параллелизма, что позволяет сопоставить и связать два ключевых понятия, представленных в вопросах: историю и прошлое. Кроме того, без понимания большего контекста (главы и романа в целом) невозможно интерпретировать смысл вопросительных предложений. Рассматриваемый контекст открывает главу *About the Question Why*, которая композиционно расположена после главы *About the Rise of the Atkinsons*, посвященной истории семьи Аткинсон и истории образования Фенов. Таким образом, анализируемые вопросительные предложения имплицитно содержат в себе семантику предыдущей главы и служат своеобразным переходом к новой главе, развивающей тему истории уже с точки зрения проблемы причинности, закономерности и случайности исторического процесса.

Прием синтаксического параллелизма играет немаловажную роль в образовании связности внутри интеррогативных контекстов и в пределах макроконтеста. Проанализируем следующий пример:

Why was it that this revolution in the name of liberty and equality ended with an emperor?...

Why was it that this revolution which did indeed achieve lasting reforms could not do so without fear and terror, without the piling up, in the streets of Paris alone, of (at a modest estimate) six thousand corpses, not to mention the thousands of corpses in greater France or the unnumbered corpses of Italians, Austrians, Prussians, Russians, Spaniards, Portuguese, Englishmen – which were to be strewn over the battlegrounds of Europe?

Why is it that every so often history demands a bloodbath, a holocaust, an Armageddon? And why is it that every time the time before has taught us nothing? [ibid.: 145]

Данный контекст объединен общей микротемой, в частности, описываются события французской революции, а в целом автор рассуждает о трагических изменениях в истории и в жизни простого человека. Прием синтаксического параллелизма служит для создания связности наряду с другими приемами, такими как анафора, повторы, использование контекстуальных антонимов. Более того, он необходим для актуализации семантики сопоставляемых вопросительных предложений и усиления эмоционального напряжения по мере развития контекста. Прием градации, использованный как в пределах микрокон-

текста в целом, так и в пределах третьего предложения (*bloodpath – holocaust – Armageddon*), наряду с синтаксической осложненностью второго предложения, использованием рядов однородных членов и антитезы, служит для создания драматической напряженности, что еще более заостряет нравственную проблему, эксплицированную посредством данного контекста. Синтаксический параллелизм актуализирует логику развития рассуждения рассказчика от более частного события истории к истории в целом, что репрезентировано лексикой, обозначающей конкретные детали (*revolution, Paris, emperor, France, Italians, Austrians, Prussians, Russians, Spaniards, Portuguese, Englishmen, Europe*) в первом и втором предложениях, и лексикой, обозначающей более общие, абстрактные понятия (*history, holocaust, Armageddon, time*) в третьем и четвертом предложениях. В примере прослеживается связь временных контекстов, движение от конкретного события в прошлом к настоящему вневременному, что выражено использованием глаголов прошедшего и настоящего времени. Таким образом, посредством синтаксического параллелизма, наряду с целым комплексом других языковых средств, связность текста достигается не только на поверхностном уровне, но и на глубинном, смысловом уровне, а именно в репрезентации идеи времени, пространства, а также ключевых для романа морально-нравственных проблем.

Наряду с неполнотой и формальным упрощением вопросительных конструкций наблюдается тенденция к синтаксической усложненности вопросов “why”, например, рядами однородных членов предложения, причастными оборотами, уточняющими конструкциями и парентезой, например:

Why was it that this revolution which did indeed achieve lasting reforms could not do so without fear and terror, without the piling up, in the streets of Paris alone, of (at a modest estimate) six thousand corpses, not to mention the thousands of corpses in greater France or the unnumbered corpses of Italians, Austrians, Prussians, Russians, Spaniards, Portuguese, Englishmen – which were to be strewn over the battlegrounds of Europe? [ibid.: 145]

Анализируемый вопрос обладает сложной структурой. Во-первых, предложение демонстрирует тип подчинительной связи с придаточными определительными. Во-вторых, используются ряды однородных членов предложения (*fear and terror, Italians, Austrians, Prussians, Russians, Spaniards, Portuguese, Englishmen*) и причастный оборот (*without the piling up ... six thousand corpses*). В-третьих, предложение осложнено уточняющими конструкциями (*in the streets of*

Paris alone; not to mention the thousands of corpses in greater France...) и парентезой (*at a modest estimate*), выражающей оценку рассказчика. Синтаксическая осложненность, наряду с использованием средств лексической связности, демонстрирует логику развития авторской мысли, а также способствует актуализации семантики конкретного предложения.

Парентеза как синтаксическое средство связности текста частотно встречается в исследуемых интеррогативных контекстах. Например:

Coulden you dive in an' pull the bugger out? (Why not indeed? Because it's bad luck to swim in the same water with a drowned body) [Swift 2008: 39]

В анализируемом примере с помощью приема парентезы вводится вопросно-ответный комплекс. Парентеза в данном случае служит для введения в речь персонажа элементов внутренней речи рассказчика, таким образом, создавая эффект несостоявшегося, потенциального диалога между героями, а также для репрезентации внутреннего диалога рассказчика. Вопросительное предложение *Why not indeed?* является результатом компрессии предыдущего предложения и имплицитно содержит в себе его семантику, будучи формально неполным. Оно служит для связи реально высказанного вопроса и потенциального, невысказанного ответа на этот вопрос, поскольку все три предложения объединены общностью ситуации и единством темы сообщения.

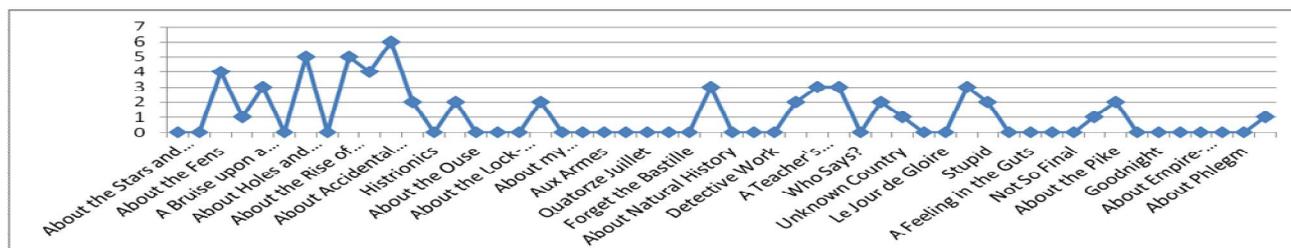
В целом прием парентезы необходим не только для создания связности внутри контекста, но и для связи микроконтекста с макроконтекстом всего произведения, создания единого смыслового поля романа. Актуализированная парентезой информация не будет достаточно полной и исчерпывающей без понимания внешнего контекста; кроме того, она расширяет семантическое пространство контекста, дополняя его новыми деталями.

С синтаксической точки зрения связность внутри исследуемых контекстов и между ними достигается как *эксплицитно*, формальными средствами, а именно синтаксической осложненностью конструкций, демонстрирующих различ-

ные виды связи (сочинительную и подчинительную), частотным использованием союза *and*, актуализирующего идею усиленного, настойчивого вопрошания, так и *имплицитно*, что проявляется в формальной неполноте конструкций, в результате чего внутренние связи можно установить только в пределах макроконтекста произведения.

Перейдем к анализу вопросов группы "why" в аспекте их функционирования на макроуровне произведения. Исследование показало, что изучаемые вопросы играют важную роль в формировании сюжетно-композиционного уровня романа. Во-первых, они служат средством развития сюжета произведения. Вопрос с коммуникативной и познавательной точки зрения стимулирует развитие авторской мысли, предполагает выведение нового знания, поиск ответа, что приводит к формированию определенных сюжетных линий, способствует динамике сюжета или заостряет внимание на уже описанных ранее событиях. Например, вопрос *Why are the Fens flat?* [ibid.: 21], являющийся первым случаем использования вопроса "why" в романе, не только формирует большую часть главы *About the Fens*, но и способствует созданию отдельной сюжетной линии, посвященной истории возникновения Фенов, которая прослеживается на протяжении всего романа. Интеррогативный комплекс *Why history? Why the past?* [Swift 2008: 111] формирует главу *About the Question Why*, которая посвящена проблеме поиска причины исторических событий и событий частной жизни, и связывает ее с предыдущей главой *About the Rise of Atkinsons*, повествующей об истории семьи Аткинсон.

В целом вопросы анализируемой группы частотно встречаются на протяжении всего романа. В результате исследования было выяснено, что они используются в 21 главе из 52 глав произведения. Представленный ниже график демонстрирует количественное распределение микроконтекстов группы "why" в романе. При построении графика мы использовали методiku сюжетизации, которая была апробирована при исследовании темы «Символика звука в романе А. Мёрдок "Колокол"» под руководством проф. Л. М. Алексеевой.

Количественное распределение микроконтекстов группы "why" в романе
Quantitative Distribution of 'Why' Questions in the Text of the Novel

Наиболее частотны вопросы анализируемой группы встречаются в начале романа, в завязке действия, где они служат для введения основных тематических и сюжетных линий произведения, например, темы истории, семейной истории, любовной линии между главными героями произведения. Кроме того, вопросы “why” акцентируют в начале романа основные события, которые являются толчком для дальнейшего развития действия, например, смерть Фредди Парра, которая является ключевым сюжетобразующим элементом произведения. Наибольшее количество употреблений вопросов данной группы встречается в главе *About Accidental Death*, посвященной этому событию. Таким образом, усиленное вопрошание *why*, особенно ярко проявляющееся в начале романа, обозначает внутренний поиск причины происходящих событий, разворачивает рассуждения рассказчика о различных аспектах жизни, заставляет возвращаться к более ранним моментам в истории своей семьи, а также обращаться к фактам из различных областей знания. Кроме того, вопросы “why” являются связующим звеном между временными линиями произведения, между настоящим, в котором повествователь осмысляет события своей жизни, и прошлым, в котором эти события происходили, а также еще более ранним прошлым, например, историческими событиями, в которых рассказчик ищет доказательства, параллели, причины описываемых событий. На языковом уровне эта связь репрезентирована посредством грамматической категории времени глагола, а также вводными конструкциями, демонстрирующими свойство диалогичности текста. Например, в вопросе *Yet why, you may ask, did the Cricks rise no further?* [Swift 2008: 24] используется прошедшее простое время для обозначения исторического события, а настоящее простое в вводной конструкции служит для обозначения настоящего момента речи. В другом примере: *We ask: Why did this corpse come to be a corpse? Answer: By accident – or because on a certain day in Paris a certain guillotine was descending, Louis XVI happened to have his neck on the way* [ibid.: 112] – связь между временными контекстами достигается не только посредством временных форм глаголов, но и на смысловом уровне, а именно в соотносении данного контекста с двумя разными событиями романа. С одной стороны, анализируемый вопрос обозначает историческое событие, смерть короля Людовика XVI, а с другой – это рассуждение рассказчика о смерти одного из героев произведения, Фредди Парра. Взаимосвязь этих событий подтверждается, во-первых, на сюжетно-композиционном уровне: рассматриваемый вопрос встречается в главе *About the Question*

Why, расположенной перед главой *About Accidental Death*, в которой представлены размышления рассказчика о гибели Фредди Парра, а также описаны события расследования его смерти. Во-вторых, с точки зрения анализа семантики микроконтекста и макроконтекста следующей главы мы можем сделать вывод, что они объединены общей темой «случайность» (*by accident, accidental, happened to be*), а проблема случайности – закономерности является важной не только в аспекте темы смерти, но и в ряде других тем романа. Посредством вопросов “why” осуществляется взаимосвязь и других событий романа, описывающих любовные отношения между Томом Криком и Мэри Мэткаф, отношения между Мэри и Диком Криком, похищение Мэри ребенка, а также связь исторических событий с настоящим временным планом повествования.

Посредством вопросов “why” поддерживается единство на тематическом уровне произведения. В вопросах данной группы реализуются темы любви, семьи, истории, жизни и смерти, развития и цикличности, которые являются взаимосвязанными и входят в сложный тематический комплекс романа. Сформированные на основании семантического и контекстуального анализа тематические поля имеют следующие области пересечения, например: тематическое поле «семья» содержит общие языковые единицы с тематическими полями «история» (*Cricks – The Atkinsons – generations – sons*) и «смерть» (*death, last word, losing sons*). Тематическое поле «смерть» также, в свою очередь, связано с тематическим полем «история» (*war – bombers – thousands corpses – die – death – bloodpath – Holocaust – Armageddon – battlefields of Europe*). Поле «развитие – цикличность» пересекается с полем «любовь» (*to be taught – learning – making headway*), «история» (*revolution, emperor, reincarnation, regime, reforms*), «семья» (*generations – rise no further – content – servants – never produce – form – avail – general improvement – zenith – decline*). На смысловом уровне представленные выше темы объединены такими компонентами значения, как «страх» (*fear, troubled, baffled, transfix, terror, trouble*), «утрата» (*lose, abolish, don't return, death*), «тайна» (*discretion, mystery, circumspect, taciturn*), «изолированность – открытость» (*gap, clear view, only, exclusion, reticence*), «случайность – закономерность» (*accident, accidental, by accident, happen to be, certain, come to be*). Они актуализированы в семантике вопросов “why” и являются актуальными в контексте романа в целом. Вопросы исследуемой группы не только способствуют тематическому единству произведения, но и раскрывают эти темы в аспекте про-

блемы поиска причины, которая является одной из центральных проблем романа.

Немаловажной функцией вопросов “why” на макроуровне произведения является поддержание единства образности. Семантический анализ вопросов данной группы показал, что они способствуют репрезентации образов природы (образ Фенов), образов героев романа (Мэри, Дика, Тома, Джека Парра, Криков, Аткинсонов и др.), образного осмысления исторических событий (образ истории, войны, революции). Образность вопросов “why” создается посредством целого комплекса стилистических средств, таких как метафора (*boat-hook clawed at Freddie Parr's... body; weakness... fuelled by... liquor; fear trans-fixed*), эпитет (*renowned engineer, rich soil, unattainable girl, mud-grey Ouse, decaying lighter wharves, tree-screened fringes of celery and onion fields, unfortunate weakness, baffled eavesdropper*), сравнение (*as to some chromium-plated confessor*), гипербола (*thousands corpses, unnumbered corpses, such vast numbers*), антитеза (*zenith – decline, liberty – terror, servants – masters, discretion – attention*), а также посредством использования эмотивной лексики (*terror, dash, fear, piling up, burst open, haste*). Помимо образности, вопросы “why” служат для формирования единого хронотопа произведения, с их помощью осуществляется взаимосвязь как временных планов романа, так и пространственных локаций. В анализируемых контекстах частотно встречаются различные топонимы, входящие как во внутреннее пространство самих Фенов (*Fens, Newhithe, Gildsey, Ouse, Lode, Leem*), так и в пространство за пределами Фенов (*battlefields of Europe*). Таким образом, в романе представлена пространственно-временная организация, основанная на диалектике настоящего и прошлого, а также внешнего и внутреннего, что актуализируется в вопросах группы “why” и других интеррогативных контекстах.

В целом в рамках данной статьи мы проследили характер взаимосвязи категории интеррогативности и категории связности художественного текста на материале вопросов “why” в романе Г. Свифта “Waterland”. Мы установили, что категория связности репрезентирована в интеррогативных контекстах разнообразными лексическими и синтаксическими средствами. С другой стороны, способы реализации категории интеррогативности в тексте способствуют образованию связности и текстообразованию в целом. Так, частотные повторы вопросительных предложений “why” стимулируют развитие авторской мысли, отражают логику авторских рассуждений, способствуют развитию сюжета, формированию глав, связывают разные сюжетные линии, временные планы произведения, а также разные

события в рамках макроконтекста романа. Немаловажным является тематическое единство, формируемое вопросами данной группы, а также единство проблематики причинности – закономерности, выраженное в семантике вопросов “why”. Наряду с разнообразием формальных средств объективации категории связности нами также было выявлено наличие имплицитной связи внутри интеррогативных контекстов и между ними. Анализ показал частотное использование неполных с точки зрения синтаксической организации вопросительных конструкций, которые репрезентируют семантику предыдущего контекста в свернутом виде и чей смысл можно интерпретировать только в рамках макроконтекста произведения. Таким образом, вопросы “why” непосредственно участвуют в механизмах синтаксической и семантической компрессии и развертывания, которые являются важнейшими механизмами текстообразования.

Список литературы

- Алексеева Л. М., Шутёмова Н. В. Типология перевода. Пермь, 2012. 198 с.
- Валгина Н. С. Теория текста. М.: Логос, 2003. 173 с.
- Виноградов В. В. Исследования по русской грамматике. М.: Наука, 1975. 562 с. URL: <http://project.phil.spbu.ru/lib/data/ru/vinogradov/syntax.html> (дата обращения: 10.07.2020).
- Кобозева И. М. Лингвистическая семантика. М.: Эдиториал УРСС, 2000. 352 с.
- Ковтунова И. И. Поэтический синтаксис. М.: Наука, 1986. 205 с.
- Кожина М. Н., Дускаева Л. Р., Салимовский В. А. Стилистика русского языка. М.: Наука, 2008. 463 с.
- Леонтьев А. А. Основы психолингвистики. М.: Смысл, 1997. 287 с.
- Логинов А. В. Лексические средства выражения семантики интеррогативности // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2012. № 6(17). С. 82–85.
- Лотман Ю. М. Структура художественного текста. СПб.: Азбука, 2015. 374 с.
- Мурзин Л. Н., Штерн А. С. Текст и его восприятие. Свердловск, 1991. 172 с.
- Остин Дж. Слово как действие // Новое в зарубежной лингвистике. М.: Прогресс, 1986. № 17. URL: <https://classes.ru/grammar/159.new-in-linguistics-17/source/worddocuments/xvii.htm> (дата обращения: 10.07.2020)
- Пешиковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении. М.: Языки славянской культуры, 2001. 544 с.
- Серль Дж. Р. Косвенные речевые акты // Новое в зарубежной лингвистике. М.: Прогресс, 1986.

№ 17. URL: <https://classes.ru/grammar/159.new-in-linguistics-17/source/worddocuments/xvii.htm> (дата обращения: 12.07.2020)

Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М. Н. Кожинной. М.: Флинта, 2011. 695 с.

Сыров И. А. Способы реализации категории связности в художественном тексте: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2005 URL: <http://cheloveknauka.com/sposoby-realizatsii-kategorii-svyaznosti-v-hudozhestvennom-tekste> (дата обращения: 10.07.2020).

Хьюитт К. О Грэме Свифте: современный английский романист. Семьи, наваждения и «Последние распоряжения» // Иностранная литература. № 1. М., 1998. URL: <https://magazines.gorky-media/inostran/1998/1/o-greme-svifte-sovremennyj-anglijskij-romanist-semi-navazhdeniya-i-poslednie-rasporuzheniya.html> (дата обращения: 10.07.2020).

Шведова Н. Ю. Русская грамматика. Т. 2. Синтаксис. М.: Наука, 1980. URL: <https://scicenter.online/russkiy-yazyk-scicenter/funktsionalnosemanticheskie-tipyi-voprositelnyi-96649.html> (дата обращения: 10.07.2020)

Bedggood D. (Re)Constituted Pasts: Postmodern Historicism in the Novels of Graham Swift and Julian Barnes // Acheson J., Ross S. *The Contemporary British Novel Since 1980*. Edinburgh, Edinburgh University Press, 2005. P. 203–217.

Encyclopedia Britannica. URL: <https://www.britannica.com/search?query=graham+swift> (дата обращения: 10.07.2020).

Fonioková Z. History, Storytelling and Narrative Construction of Reality in Graham Swift’s “Waterland” // *Revue Belge de Philologie et d’Histoire*. 2017. Vol. 95. P. 561–574.

Ladow G. History, His Story, and Stories in Graham Swift’s *Waterland* // *Studies in the Literary Imagination*. 1990. Vol. 23. P. 197–211.

Nicol B. *The Cambridge Introduction to Postmodern Fiction*. Cambridge University Press, 2009. 221 p.

Pesso-Miquel C. From Historiographic Metafiction to Bedtime Stories: The Changing Contours of Graham Swift’s Novels // *Études Anglaises*. 2007. Vol. 60. P. 135–147.

Swift G. *Waterland*. Picador, 2010. 355 p.

References

Alekseeva L. M., Shutemova N. V. *Tipologiya perevoda* [Typology of translation]. Perm, Perm State University Press, 2012. 198 p. (In Russ.)

Valgina N. S. *Teoriya teksta* [Text theory]. Moscow, Logos Publ., 2003. 173 p. (In Russ.)

Vinogradov V. V. *Issledovaniya po russkoy grammatike* [Studies on Russian grammar]. Moscow, Nauka Publ., 1975. 562 p. Available at: <http://project.phil.spbu.ru/lib/data/ru/vinogradov/syntax.html>

(accessed 10.07.2020) (In Russ.)

Kobozeva I. M. *Lingvisticheskaya semantika* [Linguistic semantics]. Moscow, Editorial URSS Publ., 2000. 352 p. (In Russ.)

Kovtunova I. I. *Poeticheskij sintaksis* [Poetical syntax]. Moscow, Nauka Publ., 1986. 205 p. (In Russ.)

Kozhina M. N., Duskaeva L. R., Salimovskiy V. A. *Stilistika russkogo yazyka* [Stylistics of the Russian language]. Moscow, Nauka Publ., 2008. 463 p. (In Russ.)

Leont’ev A. A. *Osnovy psikholingvistiki* [Foundations of psycholinguistics]. Moscow, Smysl Publ., 1997. 287 p. (In Russ.)

Loginov A. V. Leksicheskie sredstva vyrazheniya semantiki interrogativnosti [Lexical means of expressing the semantics of interrogativity]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philology. Theory and Practice], 2012, issue 6(17), pp. 82–85. (In Russ.)

Lotman Yu. M. *Struktura khudozhestvennogo teksta* [The structure of a literary text]. St. Petersburg, Azbuka Publ., 2015. 374 p. (In Russ.)

Murzin L. N., Shtern A. S. *Tekst i ego vospriyatie* [Text and its perception]. Sverdlovsk, 1991. 172 p. (In Russ.)

Austin J. Slovo kak deystvie [An utterance as an act]. *Novoe v zarubezhnoy lingvistike* [The new in foreign linguistics], 1986, issue 17. Available at: <https://classes.ru/grammar/159.new-in-linguistics-17/source/worddocuments/xvii.htm> (accessed 10.07.2020). (In Russ.)

Peshkovskiy A. M. *Russkiy sintaksis v nauchnom osveshchenii* [Syntax of the Russian language from a scientific perspective]. Moscow, LRC Publishing House, 2001. 544 p. (In Russ.)

Searle J. R. Kosvennye rechevye akty [Indirect speech acts]. *Novoe v zarubezhnoy lingvistike* [The new in foreign linguistics], 1986, issue 17. Available at: <https://classes.ru/grammar/159.new-in-linguistics-17/source/worddocuments/xvii.htm> (accessed 12.07.2020). (In Russ.)

Stilisticheskij entsiklopedicheskij slovar’ russkogo yazyka [Stylistic encyclopedic dictionary of the Russian Language]. Ed. by M. N. Kozhina. Moscow, Flinta Publ., 2011. 695 p. (In Russ.)

Syrov I. A. *Sposoby realizatsii kategorii svyaznosti v khudozhestvennom tekste*. Avtoreferat diss. d-ra ... filol. nauk [Means of realization of the text cohesion category in literary text. Abstract of Dr. philol. sci. diss.]. Moscow, 2005. Available at: <http://cheloveknauka.com/sposoby-realizatsii-kategorii-svyaznosti-v-hudozhestvennom-tekste> (accessed 10.07.2020). (In Russ.)

Hewitt K. O Greme Svifte: sovremennyj anglijskiy romanist. Sem’i, navazhdeniya i ‘Poslednie

rasporyazheniya' [Graham Swift: a contemporary British novelist. Families, delusions and 'Last Orders']. *Inostrannaya literatura* [Foreign Literature], 1998, issue 1. Available at <https://magazines.gorky.media/inostran/1998/1/o-greme-svifte-sovremennyj-anglijskij-romanist-semi-navazhdeniya-i-poslednie-rasporyazheniya.html> (accessed 10.07.2020) (In Russ.)

Shvedova N. Yu. *Russkaya grammatika: v 2 t.* [Russian grammar: in 2 vols.] Moscow, Nauka Publ., 1980, vol. 2. Sintaksis [Syntax]. Available at: <https://scicenter.online/russkiy-yazyk-scicenter/funktsionalnosemanticheskie-tipyi-voprositelnyi-96649.-html> (accessed 10.07.2020). (In Russ.)

Bedggood D. (Re)Constituted pasts: Postmodern historicism in the novels of Graham Swift and Julian Barnes. Acheson J., Ross S. *The Contemporary British Novel Since 1980*. Edinburgh, Edinburgh University Press, 2005, pp. 203–217. (In Eng.)

Encyclopedia Britannica. Available at: <https://www.britannica.com/search?query=graham+swift> (accessed 10.07.2020). (In Eng.)

Fonioková Z. History, storytelling and narrative construction of reality in Graham Swift's 'Waterland'. *Revue Belge de Philologie et d'Histoire*, 2017, vol. 95, pp. 561–574. (In Eng.)

Landow G. History, his story, and stories in Graham Swift's 'Waterland'. *Studies in the Literary Imagination*, 1990, vol. 23, pp. 197–211. (In Eng.)

Nicol B. *The Cambridge Introduction to Postmodern Fiction*. Cambridge University Press, 2009. 221 p. (In Eng.)

Pesso-Miquel C. From historiographic metafiction to bedtime stories: The changing contours of Graham Swift's novels. *Études Anglaises*, 2007, vol. 60, pp. 135–147. (In Eng.)

Swift G. *Waterland*. Picador, 2010. 355 p. (In Eng.)

'WHY' QUESTIONS AS A COHESIVE FACTOR IN 'WATERLAND' BY G. SWIFT

Katerina Yu. Gladkova

Senior Lecturer in the Department of Linguistics and Translation
Perm State University

15, Bukireva st., Perm, 614990, Russian Federation. Katerina_G_L@mail.ru

SPIN-code: 9747-1840

ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-7603-2082>

Submitted 27.07.2020

The article deals with the problem of relation of two linguistic categories – interrogativity and text cohesion – in a literary text. The aim of the research is to study the role of 'why' questions in text cohesion in *Waterland* by G. Swift. As part of the study, a database of interrogative contexts was formed, which includes general questions, special questions and disjunctive questions. Methods of semantic analysis, stylistic analysis, contextual analysis, syntactical analysis were used in the research process. The paper provides the results of analysis conducted to reveal the functions of 'why' questions in text cohesion on the micro-level (lexical and semantical cohesion, syntactical cohesion) and macro-level (plot and composition, imagery, themes and idea) of the literary text. There were found means of text cohesion such as lexical and syntactical repetitions. On the level of lexis, such various types of repetition were discovered as complete lexical repetition, partial repetition, synonymic and antonymic repetition, deixis, repetition of the interrogative adverb 'why'. On the level of syntax, the analysis demonstrates a tendency to formal incompleteness of interrogative structures, on the one hand, which allows us to assume an implicit type of text cohesion, and, on the other hand, a tendency to formal complexity of interrogative structures, with parenthetical clauses, adverbial participial phrases and homogeneous parts of the sentence being frequently used. Stylistic analysis of 'why' questions shows that anaphora, antithesis, syntactical parallelism, parenthesis, ellipsis and aposiopesis are among the means of text cohesion in the text under consideration. The analysis of the novel on the macro-level demonstrates that 'why' questions function in the plot development, facilitate semantical cohesion between chapters, form thematical and conceptual unity of the literary text, and serve to promote the unity of imagery. The author concludes that 'why' questions facilitate the processes of semantical and syntactical compression, which are considered the main mechanisms of text production.

Key words: interrogativity; text cohesion; literary text; 'why' question; text production; G. Swift.

УДК 81'27
doi 10.17072/2073-6681-2021-1-48-56

ЗНАНИЕ И УПОТРЕБЛЕНИЕ ЛОКАЛИЗМОВ В ПЕРМСКОМ КРАЕ: 80–90 гг. XX в. vs 2020 г.¹

Елена Валентиновна Ерофеева

д. филол. н., профессор, зав. кафедрой теоретического и прикладного языкознания

Пермский государственный национальный исследовательский университет

614990, Россия, г. Пермь, ул. Букирева, 15. elenerofee@gmail.com

SPIN-код: 4653-7454

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-6659-6519>

ResearcherID: Q-3940-2017

Светлана Евгеньевна Юшкова

магистрант кафедры теоретического и прикладного языкознания

Пермский государственный национальный исследовательский университет

614990, Россия, г. Пермь, ул. Букирева, 15. yushkova.lana@yandex.ru

SPIN-код: 2942-6274

ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-9486-1781>

Статья поступила в редакцию 02.10.2020

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Ерофеева Е. В., Юшкова С. Е. Знание и употребление локализмов в Пермском крае: 80–90 гг. XX в. vs 2020 г. // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2021. Т. 13, вып. 1. С. 48–56. doi 10.17072/2073-6681-2021-1-48-56

Please cite this article in English as:

Erofeeva E. V., Yushkova S. E. Znanie i upotreblenie lokalizmov v Permskom krae: 80–90 gg. XX v. vs 2020 g. [Knowledge and Usage of Local Lexis in Perm Krai: 1980s – 1990s vs 2020]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2021, vol. 13, issue 1, pp. 48–56. doi 10.17072/2073-6681-2021-1-48-56 (In Russ.)

Статья посвящена изучению изменений, которые произошли за последние 30 лет в знании и употреблении локальных лексических единиц в Пермском крае. В 80–90-е гг. XX в. Т. И. Ерофеевой было проведено исследование уровня владения локализмами, имеющими диалектное происхождение, и его зависимости от социальных параметров говорящих; в качестве метода сбора материала было использовано анкетирование, а в качестве метода обработки материала – статистический анализ, в частности дисперсионный анализ силы влияния. Авторы данной статьи провели аналогичное исследование на том же лексическом материале и с применением тех же методов в настоящее время. Сопоставление результатов, полученных в 80–90-е гг. XX в. и 2020 г., показало, что произошло значительное сокращение уровня знания и употребления локализмов в Пермском крае и, кроме того, сократилось число социальных факторов, достоверно влияющих на владение локализмами: в настоящее время и знание, и употребление локализмов находятся под достоверным влиянием только одного из изученных факторов, а именно – фактора «возраст». Полученный результат может быть объяснен двумя причинами: во-первых, размыканием в современных условиях как территориальных, так и социальных границ, что приводит к уменьшению количества локальных лексических элементов в речи; во-вторых, тем, что в Пермском крае за 30 лет изменился состав локализмов. В обоих случаях речь идет об изменении языка и его использования.

Ключевые слова: локализм; лексика; знание; употребление; социальные факторы; временные изменения; Пермский край.

Введение

В настоящее время рассмотрение территориального варьирования языка предполагает изучение не только диалектного членения, но и региональных (локальных) вариантов форм городской речи, в том числе и литературной [Букринская, Кармакова 2012; Гельгардт 1959; Ерофеева Т.И. 1979; Игнаткина, Штерн 1986; Интерференция звуковых систем 1987; Штерн 1993; Bellmann 2006; Spiekermann 2006; Schmidt, Herrgen 2011 и мн. др.]. Изучение локальной вариативности различных форм существования языка в начале XXI в. привело лингвистику в 90-х гг. XX в. к созданию теории региолекта [Трубинский 1991; Герд 1998; Hoppenbrouwers 1990; Auer, Hinskens 1996 и др.]. В русской лингвистике под региолектом понимают промежуточное языковое образование, возникающее при взаимодействии литературного языка, просторечия и местных говоров и постепенно заменяющее последние [Герд 1998, 2001]. Таким образом, региолект – это смешанный идиом, который объединяет идиомы (языки и формы существования языков), функционирующие на единой территории, и выполняет в обществе функцию устного общения [Ерофеева Е. В. 2020; Мишанкина 2014; Оглезнева 2008 и др.].

В связи с различными подходами к трактовке локальной / региональной вариативности речи для обозначения конкретных лингвистических явлений (чаще всего лексических), характеризующих подобную речь, используются термины «диалектизм», «локализм» и «регионализм», которые часто употребляются как синонимы или как пересекающиеся понятия. Традиционно считается, что все они создают образ региональной речевой среды и сфера их использования достаточно широка [Самотик 2012: 274]. В целом термины «диалектизм» и «локализм» разводятся чаще всего на том основании, что локализмы могут включать не только лексику, пришедшую из говоров, но и просторечную лексику, и слова, возникшие собственно в городской среде, т. е. термин «локализм» оказывается шире, чем термин «диалектизм»; «локализм» и «регионализм» – понятия более схожие, но зачастую исследователи, изучающие регионализмы, уделяют большее внимание влиянию языковых контактов, а также местным названиям специфических для региона животных, явлений природы, продуктов и т. п. (см., например: [Резвухина 2015]).

В настоящей статье авторы опираются на понятие «локализм», которое было разработано Т. И. Ерофеевой и последовательно используется в работах представителей Пермской социолингвистической школы (см.: [Ерофеева Т. И. 1979,

2010 и др.; Ерофеева Е. В., Ерофеева Т. И., Скитова 2002; Грузберг 2011: электр. ресурс и др.]. «Под локализмами понимаются лексемы и лексико-семантические варианты, не принадлежащие к кодифицированным единицам русского литературного языка, однако достаточно широко используемые в локально окрашенной литературной речи пермяков либо в речи жителей Пермского региона...» [Ерофеева Т. И., Грузберг Л. А. 2009: 476]. Изучение локализмов пермского региона представителями школы последовательно проводилось начиная с 70-х гг. XX в. Рассматривались различные аспекты особенностей и функционирования локализмов: их типы (собственно лексические, семантические, словообразовательные, грамматико-морфологические и фонетические), тематическое варьирование, морфологическая и словообразовательная структуры, а также социолингвистические аспекты владения локализмами. Обратимся к социолингвистическому изучению локализмов, поскольку именно оно легло в основу представленного в статье исследования.

Изучение владения локализмами в 80–90-е гг. XX в.

Социолингвистическое изучение владения локальными лексическими элементами велось в 1980–1990-х гг. XX в. Т. И. Ерофеевой, результаты ее исследований опубликованы в работах [Ерофеева Т. И. 1995, 2004, 2009, 2010 и др.]. Исследование было направлено на поиск биологических и социальных факторов (в терминологии Т. И. Ерофеевой – страт), оказывающих влияние на знание и употребление локальных слов жителями Пермского края. В число исследованных Т. И. Ерофеевой факторов вошли такие, как «пол», «возраст», «образование», «место рождения» и «специальность» [Ерофеева Т. И. 2009].

Исследование проводилось в виде анкетирования. Анкета включала 69 локализмов, имеющих диалектное происхождение.

В число этих слов входило 39 существительных, 20 глаголов, 3 прилагательных, 5 наречий, 1 фразеологическая единица и 1 частица. В анкете представлены все выделяемые пермскими социолингвистами типы локализмов: собственно лексические локализмы (такие как *вехотка*, *мизгурь*, *уросить*, *понужать* и т. д.), семантические локализмы (например, *держать*, *вышка*, *тюричок*), словообразовательные локализмы (*засоня*, *взьём*, *одеть*, *начистовую*), грамматико-морфологические единицы (*боры*) и фонематические локализмы (*вскольз*, *нарастапашку*) (полностью анкету можно увидеть в работе [Ерофеева Т.И. 1995: 354]).

1. боры	24. зыбка	47. обутки
2. бурки	25. исподки	48. ограда
3. вехотка	26. калега	49. одеть
4. визитка	27. катанки	50. отудобеть
5. взъём	28. катушка	51. понужать
6. взъёмистый	29. каравашек	52. попроведать
7. водиться	30. кашик	53. поперешный
8. вскольз	31. красноголовик	54. похлёбка
9. вышка	32. крыльца	55. похудать
10. вица	33. кульбики	56. разболокаться
11. векша	34. куржаветь	57. сады
12. галить	35. куфайка	58. синявка
13. гасник	36. ладиться	59. скать
14. голбец	37. метляк	60. смучиться
15. голодовать	38. мизгирь	61. сочень
16. гольный	39. мякина	62. сподряд
17. девка	40. навяливать	63. тюрочок
18. держать	41. нарастопашку	64. угор
19. дозорить	42. начистовую	65. уросить
20. жарёха	43. начисто	66. шаньга
21. засоня	44. с ночевой	67. шоркать
22. захряснуть	45. ну	68. шубенцы
23. зухать	46. обабки	69. чушка

Каждому испытуемому необходимо было ответить, знает ли он слово, написать его значение, если знает, а также указать, употребляет ли он это слово в своей речи. Таким образом, изучалось два результирующих признака: частота знания диалектного слова и частота его употребления в речи. Указание значения слова использовалось как проверка действительного знания требуемого локального значения.

В исследовании приняли участие 48 информантов. Выборка информантов была сбалансирована по указанным выше факторам и следующим их градациям:

- пол (мужчины, женщины);
- возраст (20–29 лет, 30–39 лет, 40–49 лет, 50 лет и более);
- место рождения (г. Пермь, райцентр, село);
- образование (высшее, среднее);
- специальность (гуманитарии, негуманитарии).

Балансировка выборки предполагает, что все факторы и их градации входят в выборку в одинаковой пропорции, что позволяет на относительно

небольшой выборке информантов исследовать сразу несколько факторов.

Обработка результатов анкетирования включала подсчет частоты ответов «знаю» (при проверке адекватности приведенного значения слова) и «употребляю» (табл. 1).

В дальнейшем проводился однофакторный дисперсионный анализ силы влияний (ДА), т. е. статистический анализ изменчивости признака под влиянием каких-либо контролируемых переменных факторов [Сидоренко 2000: 224]. ДА позволяет оценить значимость влияния отдельных факторов, а также их относительную роль в общей изменчивости.

Результаты ДА, полученные Т. И. Ерофеевой, приведены в табл. 2, где $\eta_x^2\%$ – вес фактора, выраженный в процентах; $F_{эмп}$ – фактическое значение критерия Фишера (в зависимости от которого определяется существенность влияния фактора); ранг фактора, устанавливаемый в зависимости от веса (ранги несущественных факторов заключены в скобки).

Таблица 1 / Table 1

**Частота знания и употребления локализмов в зависимости от социальных факторов:
80–90 гг. XX в.*, %**
**Frequency of ‘Knowledge’ and ‘Usage’ of Local Lexis Depending on Social Factors:
1980s – 1990s, %**

Фактор		Знание	Употребление
Возраст	20–29 лет	70	50
	30–39 лет	81	55
	40–49 лет	89	55
	50 лет и более	92	47
Место рождения	г. Пермь	82	57
	Райцентр	81	49
	Село	86	50
Образование	Среднее	79	54
	Высшее	85	51
Специальность	Гуманитарии	81	48
	Негуманитарии	84	56
Пол	Мужской	84	54
	Женский	82	47

*Таблица приводится по данным из работы [Ерофеева Т. И. 2009: 160].

Таблица 2 / Table 2

**Результаты ДА для параметров «знание» и «употребление» локализма:
80–90 гг. XX в.***
**ANOVA Results for Parameters ‘Knowledge’ and ‘Usage’ of Local Lexis:
1980s – 1990s**

Фактор	Знание			Употребление		
	$\eta_x^2\%$	$F_{\text{эмп}}$	Ранг	$\eta_x^2\%$	$F_{\text{эмп}}$	Ранг
Специальность	0,2	6,23	4	0,2	11,60	3
Образование	0,5	15,60	2	0,2	5,34	4
Пол	0,0	1,59	(5)	0,1	2,13	(5)
Место рождения	0,3	4,93	3	0,5	7,23	1
Возраст	5,1	60,00	1	0,5	4,82	2

*Таблица приводится по данным из работы [Ерофеева Т. И. 2009: 160].

В результате проведенного эксперимента Т. И. Ерофеева выяснила, что основным фактором, определяющим знание диалектного слова, оказался фактор «возраст», на втором месте оказался фактор «образование», далее – факторы «место рождения» и «специальность». Фактор «пол» оказался несущественным. Кроме того, результаты дисперсионного анализа, полученные при рассмотрении употребления локализмов, говорят о том, что указанные факторы гораздо чаще влияют на знание диалектного слова, чем на его употребление, так как общая сумма весов всех факторов оказалась в 4 раза меньше для результирующего признака «употребление» (1,5), чем для признака «знание» (6,1) [Ерофеева Т. И. 2009: 159].

Материал и методика исследования

Цель настоящего исследования – проверить, сохранилась ли такая же картина владения ло-

кализмом в Пермском крае в настоящее время, а также установить, те же самые или иные социальные факторы оказывают воздействие на знание и употребление локальной лексики сегодня, спустя 30 лет.

Материалом послужили те же 69 диалектных слов, которые входили в анкету, предложенную информантам в исследовании 90-х гг. В целом методика проведения анкетирования была воссоздана практически полностью: исследуемыми социальными факторами так же, как и у Т. И. Ерофеевой, выбраны возраст испытуемых, их место рождения, специальность, пол и образование; так же, как и в исследовании-оригинале, изучались результирующие признаки «знание» и «употребление»; однако изменились исследуемые города, а также количественно была расширена выборка информантов.

В эксперименте 2020 г. участвовало 72 информанта, которые так же, как в исследовании

90-х гг., были сбалансированы по социальным факторам и их градациям. Приведем данные о градациях факторов:

- пол (мужчины, женщины);
- возраст (20–29 лет, 30–39 лет, 40 лет и более);
- место рождения (городской округ Березники, включая г. Усолье; городской округ Лысьва, включая г. Чусовой; г. Пермь);
- образование (высшее, среднее);
- специальность (гуманитарии, негуманитарии).

Изменения в градациях фактора «место рождения» объясняются нашим интересом к указанным районам (они могут быть соотнесены с градацией «районный центр» у Т. И. Ерофеевой); изменения в градациях фактора «возраст» объясняются трудностями доступа к пожилым информантам, поскольку данное исследование проводилось в дистанционном формате на сервисе «Google формы» (<https://forms.gle/ahqPBr6onfxZCifK8>).

Всего в результате эксперимента было получено и проанализировано 14 904 реакции.

Перейдем к обсуждению полученных результатов.

Знание и употребление локализмов в 2020 г.

Анализ анкет, полученных от респондентов, показал, что включенные в анкету локализмы известны информантам в разной степени. Так, совершенно незнакомыми информантам оказались локализмы *боры*, *держать*, *метляк*. В число малознакомых информантам локализмов вошли лексемы *кашик*, *гасник*, *захряснуть*, *зухать* и *крыльца*, правильное определение которым дали только 2–3 человека. В числе вошедших в анкету лексем также оказались слова, которые абсолютное большинство респондентов знает и употребляет в своей речи. В их число входят слова *вехотка*, *визитка*, *засоня*, *ну*, *похлёбка*, *одеть*, *начисто*, *девка*, *нарастапашку*, *попроведать*, *шаньга*, *жарёха*, *синявка*, *красноголовик*.

Средняя частота знания и употребления локализмов мужчинами и женщинами представлена в табл. 3.

Таблица 3 / Table 3

Частота знания и употребления локализмов в зависимости от социальных факторов: 2020 г., % Frequency of 'Knowledge' and 'Usage' of Local Lexis Depending on Social Factors: 2020, %

Фактор		Знание	Употребление
Пол	Мужчины	56,44	40,50
	Женщины	56,96	39,80
Возраст	20–29 лет	45,17	30,13
	30–39 лет	55,13	41,24
	40 и более лет	69,81	49,03
Образование	Высшее	58,17	38,53
	Среднее	55,23	41,74
Специальность	Гуманитарная	57,17	40,70
	Негуманитарная	56,24	39,57
Место рождения	г. Пермь	56,04	38,10
	г. Березники	54,71	39,98
	г. Лысьва	59,36	42,33

Как видим, по сравнению с концом XX в. частота как знания, так и употребления локализмов снизилась, при этом частота знания сократилась в среднем на 26 %, а частота употребления – на 12 %. Этот факт может свидетельствовать как о том, что локальная вариативность на лексическом уровне нивелируется в целом, так и о том, что происходит движение в слое локализмов: одни заменяются на другие. Какое из этих предположений верно, на данном материале ответить нельзя, для этого нужно проводить дополнительные исследования.

Частота как знания, так употребления локализмов по результатам анкетирования у мужчин и

женщин оказалась практически одинаковой (перепад составляет менее 1 %).

Разница в знании и употреблении локализмов информантами разного возраста, напротив, довольно велика и составляет 10–14 % между соседними градациями. При этом чем старше информанты, тем выше частота знания и употребления локализмов. У информантов старшей возрастной группы (40 лет и более) частота знания достигает 70 %, а частота употребления – 50 % (см. табл. 3).

Информанты со средним образованием чуть хуже знают, но при этом чуть чаще употребляют локальные лексические единицы, чем инфор-

манты с высшим образованием. Разница в обоих случаях составляет около 3 % (см. табл. 3).

Частота употребления и знания локализмов у представителей разных специальностей практически одинакова: разница составляет менее 1 % у результирующего признака «знание» и чуть больше 1 % у результирующего признака «употребление» (см. табл. 3).

В разных городах частота знания и частота употребления отличаются незначительно: частота обоих результирующих признаков выше для информантов из г. Лысьвы; частота знания локализмов в г. Перми чуть выше, чем в г. Березники, но употребляют локализмы в своей речи жители г. Перми чуть реже (см. табл. 3).

Тот факт, что люди с высшим образованием и жители столицы края реже других информантов употребляют локализмы в речи, может быть

объяснен тем, что языковая рефлексия этих групп населения связывает локальные лексические единицы с низкой речевой культурой, непрестижным языком.

Как видим, тенденции в различении частот знания и употребления локализмов у разных социальных групп населения, отмеченные Т. И. Ерофеевой, сохраняются (ср. с табл. 1), что говорит о повторяемости эксперимента и надежности метода в целом. Однако перепады частот в нашем случае стали меньше, т. е. со временем произошло нивелирование в языковой практике разных социальных групп, которое касается владения локализмами.

В табл. 4 представлены результаты ДА, позволяющие судить о достоверности влияния факторов на вариацию изучаемых лингвистических признаков.

Таблица 4 / Table 4

Результаты ДА для параметров «знание» и «употребление» локализма: 2020 г.

ANOVA Results for Parameters 'Knowledge' and 'Usage' of Local Lexis: 2020

Фактор	Знание			Употребления		
	$\eta_x^2\%$	$F_{эмп}$	Ранг	$\eta_x^2\%$	$F_{эмп}$	Ранг
Пол	0,000343368	0,02	(5)	0,000655663	0,05	(5)
Возраст	0,513504123	36,42	1	0,300443585	14,82	1
Образование	0,010827274	0,77	(3)	0,012951376	0,92	(3)
Специальность	0,001074803	0,08	(4)	0,001586544	0,11	(4)
Место рождения	0,019175794	0,67	(2)	0,014938602	0,52	(2)

Результаты ДА показали, что в настоящее время только один социальный фактор, а именно «возраст», сохранил свое существенное влияние на знание и употребление локализмов, достоверное влияние остальных факторов на исследуемые результирующие признаки доказано не было.

При этом вклад факторов в общую дисперсию признака «знание» в основном сохранился, ранг изменился только у факторов «место рождения» и «образование»: в конце XX в. фактор «образование» занимал второе место, а фактор «место рождения» – третье (см. табл. 2), в настоящее время они поменялись местами (см. табл. 4). Что касается вклада факторов в общую дисперсию признака «употребления», то тут произошли более заметные изменения: в конце XX в. фактор «место рождения» был существенным и имел первый ранг (см. табл. 2), сейчас он сдвинулся на второе место и стал несущественным (см. табл. 4); фактор «возраст» соответственно перешел на первое место; фактор «образование» поднялся с четвертого места на третье, а фактор «специальность» стал четвертым (см. табл. 2, 4). Во всех случаях

фактор «пол» был несущественным и занимал последнее место в ранжировании факторов.

Выводы

Итак, в ходе работы было установлено, что за прошедшие 30 лет произошло сокращение уровня знания и употребления локализмов в Пермском крае. Однако такой вывод можно сделать лишь для исследованного набора локализмов. Возможно, значительный спад параметра «знание» в данном случае обусловлен сменой состава локализмов, тем, что в настоящее время используются другие локальные лексические единицы, связанные генетически уже не с говорами, а с городской речью. Этот вопрос требует дальнейшего изучения и является перспективой данного исследования. Тем не менее тот факт, что в изученный список локализмов слова включались случайным образом и единственным критерием было их диалектное происхождение, все-таки позволяет предположить, что локализмы-диалектизмы постепенно уходят из городской речи.

Проведенное исследование позволило также установить, что произошло снижение влияния фактора «место рождения» на владение локаль-

ными лексическими единицами. Полученный результат может быть вызван двумя причинами: во-первых, тем, что процессы глобализации, в том числе размыкания границ между регионами и внутри регионов, привели к уменьшению количества локальных лексических элементов в речи; во-вторых, тем, что в Пермском крае за 30 лет изменился состав локализмов. В обоих случаях речь идет об изменении языка и его использования.

Статистический анализ результатов анкетирования выявил, что в настоящее время и знание, и употребление локализмов находятся под достоверным влиянием только одного из изученных факторов, а именно – фактора «возраст». При этом чем старше возраст информантов, тем больше локализмов они знают и тем чаще употребляют их в своей речи. Данный факт также подтверждает изменения, происходящие в языке, а именно – размыкание границ между речью разных социальных групп (что касается в данном случае, конечно, только одного типа лексических единиц – локальных лексических единиц диалектного происхождения) с сохранением пока разницы в речи разных поколений.

Перспективой исследования может стать изучение социального варьирования знания и употребления локализмов иного типа (имеющих собственно городское происхождение), а также иных лексических единиц, связанных с функционированием живой речи города – жаргонных и просторечных.

Примечание

¹ Исследование проведено при поддержке гранта РФФИ, проект № 19-412-590001.

Список литературы

Букринская И. А., Кармакова О. Е. Языковая ситуация в малых городах России // Исследования по славянской диалектологии / Ин-т славяноведения РАН. М., 2012. Вып. 15: Особенности сосуществования диалектной и литературной форм языка в славяноязычной среде / отв. ред. Л. Э. Калнынь. С. 153–164.

Гельгардт Р. Р. О литературном языке в его географической проекции // Вопросы языкознания. 1959. № 3. С. 95–101.

Герд А. С. Диалект – региолект – просторечие // Русский язык в его функционировании: тез. докл. междунар. конф. / Ин-т языкозн. РАН. М.: Рус. словари, 1998. С. 20–21.

Герд А. С. Введение в этнолингвистику: курс лекций и хрестоматия. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2001. 488 с.

Грузберг Л. А. Локализмы. И немного о детстве // Филолог. 2011. Вып. 16. URL: http://philolog.pspu.ru/module/magazine/do/mpub_16_323 (дата обращения: 10.04.2020).

Ерофеева Е. В. Вероятностные структуры идиомов: социоллингвистический аспект. М.: ЛЕ-НАНД, 2020. 320 с.

Ерофеева Е. В., Ерофеева Т. И., Скитова Ф. Л. Локализмы в литературной речи горожан / Перм. гос. ун-т. Пермь, 2002. 108 с.

Ерофеева Т. И. Локальная окрашенность литературной разговорной речи. Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 1979. 90 с.

Ерофеева Т. И. Социолект: Стратификационное исследование: дис. ... д-ра филол. наук. СПб., 1995. 356 с.

Ерофеева Т. И. Современная городская речь / Перм. ун-т; Прикам. соц. ин-т; Прикам. соц.-гум. колледж. Пермь, 2004. 316 с.

Ерофеева Т. И. Социолект: Стратификационное исследование / Перм. гос. ун-т. Пермь, 2009. 240 с.

Ерофеева Т. И. Штрихи речевого портрета Прикамья / Перм. гос. ун-т. Пермь, 2010. 192 с.

Ерофеева Т. И., Грузберг Л. А. Социоллингвистический глоссарий пермских локализмов как словарь нового типа // Проблемы истории, филологии, культуры. 2009. Вып. 2(24). С. 476–481.

Игнаткина Л. В., Штерн А. С. Особенности вокалической системы локально окрашенной городской речи // Литературный язык и народная речь / гл. ред. Ф. Л. Скитова; Перм. гос. ун-т. Пермь, 1986. С. 28–38.

Интерференция звуковых систем / отв. ред. Л. В. Бондарко, Л. А. Вербицкая. Л.: Изд-во Ленингр. гос. ун-та, 1987. 280 с.

Мишанкина Н. А. Лингвистический корпус «Томский региональный текст»: теоретико-методологическое обоснование проекта // Вестник Томского государственного университета. 2014. № 389. С. 28–37.

Оглезнева Е. А. Дальневосточный региолект русского языка: особенности формирования // Русский язык в научном освещении. 2008. № 2(16). С. 119–136.

Резвухина Ю. А. Регионализм: к определению понятия // Интерэкспо Гео-Сибирь. 2015. Т. 6. № 2. С. 84–90.

Самотик Л. Г. Диалектизмы в создании образа речевой среды // Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В. П. Астафьева. 2012. Вып. 3. С. 274–278.

Сидоренко Е. В. Методы математической обработки в психологии. СПб.: Речь, 2000. 350 с.

Трубинский В. И. Современные русские региолекты: приметы становления // Псковские говоры и их окружение / под ред. Л. Я. Костючук. Псков, 1991. С. 156–162.

Штерн А. С. Три аспекта городского билингвизма (фонетический уровень) // Живое слово в русской речи Прикамья / гл. ред. Ф. Л. Скитова; Перм. гос. ун-т. Пермь, 1993. С. 28–37.

Auer P., Hinskens F. The Convergence and Divergence of Dialects in Europe: New and not so New Developments in an Old Area // *Sociolinguistics: International Yearbook on European Sociolinguistics* / Ammon U., Mattheier K. J., Nelde P. H. (eds.). Tübingen: Max Neimeier Verlag, 1996. P. 1–30.

Bellmann G. Between Base Dialect and Standard Language // *Folia Linguistica*. Berlin: Mouton de Gruyter, 1998. P. 23–34.

Hoppenbrouwers C. Het regiolect: van dialect tot algemeen Nederlands. Muiderberg: Coutinho, 1990. 252 p.

Schmidt J. E., Herrgen J. Sprachdynamik. Eine Einführung in die moderne Regionalsprachenforschung // *Zeitschrift für Rezensionen zur germanistischen Sprachwissenschaft*. 2011. Vol. 5, issue 1. P. 79–86.

Spiekermann H. Standardvarietäten als regionale Varietäten – Regionale Standardvarietäten // *Osnabrücker Beiträge zur Sprachtheorie*. 2006. Vol. 71. P. 81–99.

References

Bukrinskaya I. A., Karmakova O. E. Yazykovaya situatsiya v malykh gorodakh Rossii [Linguistic situation in small towns of Russia]. *Issledovaniya po slavyanskoy dialektologii. Osobennosti sosushchestvovaniya dialektnoy i literaturnoy form yazyka v slavyanoyazychnoy srede* [Studies in Slavic dialectology. Aspects of the coexistence of dialect and literary language among Slavic-speaking population]. Ed. by L. E. Kalnyn'. Moscow, Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences Publ., 2012, issue 15, pp. 153–164. (In Russ.)

Gelgardt R. R. O literaturnom yazyke v ego geograficheskoy proektsii [On literary language from the geographical perspective]. *Voprosy yazykoznaniiya* [Topics in the Study of Language], 1959, issue 3, pp. 95–101. (In Russ.)

Gerd A. S. Dialekt – regiolect – prostorechie [Dialect – regiolect – vernacular speech]. *Russkiy yazyk v ego funktsionirovanii: tezisy dokladov Mezhdunarodnoy konferentsii* [The Russian language in its functioning: proceedings of International conference]. Moscow, Russkie Slovarey Publ., 1998, pp. 20–21. (In Russ.)

Gerd A. S. *Vvedenie v etnolingvistiku: kurs lektsiy i khrestomatiya* [Introduction to ethnolinguistics: course of lectures and reader]. St. Petersburg, St. Petersburg University Press, 2001. 488 p. (In Russ.)

Gruzberg L. A. Lokalizmy. I nemnogo o detstve [Localisms. And something about childhood]. *Filolog* [Philologist], 2011, issue 16. Available at: http://philolog.pspu.ru/module/magazine/do/mpub_-16_323 (accessed 10.04.2020). (In Russ.)

Erofeeva E. V. *Veroyatnostnye struktury idiomov: sotsiolingvisticheskiy aspekt* [Probabilistic structure of idioms: Sociolinguistic aspect]. Moscow, LE-NAND Publ., 2020. 320 p. (In Russ.)

Erofeeva E. V., Erofeeva T. I., Skitova F. L. *Lokalizmy v literaturnoy rechi gorozhan* [Localisms in literary speech of townspeople]. Perm, Perm State University Press, 2002. 108 p. (In Russ.)

Erofeeva T. I. *Lokal'naya okrashennost' literaturnoy razgovornoy rechi* [Local specifics of literary colloquial speech]. Perm, Perm State University Press, 1979. 90 p. (In Russ.)

Erofeeva T. I. *Sotsiolekt: Stratifikatsionnoe issledovanie*. Diss. dokt. filol. nauk [Sociolect: Stratification study. Dr. philol. sci. diss.]. St. Petersburg, 1995. 356 p. (In Russ.)

Erofeeva T. I. *Sovremennaya gorodskaya rech'* [Modern urban speech]. Perm, Prikamye Social Institute Press, Prikamye Social-Humanitarian College Press, 2004. 316 p. (In Russ.)

Erofeeva T. I. *Sotsiolekt: Stratifikatsionnoe issledovanie* [Sociolect: Stratification study]. Perm, Perm State University Press, 2009. 240 p. (In Russ.)

Erofeeva T. I. Shtrikhi rechevogo portreta Prikam'ya [Some aspects of the speech portrait of Prikamye]. Perm, Perm State University Press, 2010. 192 p.

Erofeeva T. I., Gruzberg L. A. Sotsiolingvisticheskiy glossariy permskikh lokalizmov kak slovar' novogo tipa [Socio-linguistic glossary of Perm localisms as a new type of dictionary]. *Problemy istorii, filologii, kul'tury* [Journal of Historical, Philological and Cultural Studies], 2009, issue 2(24), pp. 476–481. (In Russ.)

Ignatkina L. V., Shtern A. S. Osobennosti vokalicheskoy sistemy lokal'no okrashennoy gorodskoy rechi [Features of the vocal system of local urban speech]. *Literaturnyy yazyk i narodnaya rech'* [Literary language and folk speech]. Ed. by F. L. Skitova. Perm, Perm State University, 1986, pp. 28–38. (In Russ.)

Interferentsiya zvukovykh sistem [Interference of phonetic systems]. Ed. by L. V. Bondarko, L. A. Verbitskaya. Leningrad, Leningrad State University Press, 1987. 280 p. (In Russ.)

Mishankina N. A. Lingvisticheskiy korpus 'Tomskiy regional'nyy tekst': teoretiko-metodologicheskoe obosnovanie proekta [Linguistic corpus 'Tomsk regional text': Theoretical and methodological background of the project]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Tomsk State University Journal], 2014, issue 389, pp. 28–37. (In Russ.)

Oglezneva E. A. Dal'nevostochnyy regiolect russkogo yazyka: osobennosti formirovaniya [The Far Eastern regiolect of the Russian language: Features of formation]. *Russkiy yazyk v nauchnom osveshchenii* [Russian Language and Linguistic Theory], 2008, issue 2(16), pp. 119–136. (In Russ.)

Rezvukhina Yu. A. Regionalizm: k opredeleniyu ponyatiya [Regionalism: On the definition of the term]. *Interekspo Geo-Sibir'* [Interekspo Geo-Siberia]. 2015, vol. 6, issue 2, pp. 84–90. (In Russ.)

Samotik L. G. Dialektizmy v sozdaniy obraza rechevoy sredy [Dialectisms and their role in creating the image of linguistic environment]. *Vestnik Krasnoyarskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. V. P. Astafyeva* [Bulletin of Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V. P. Astafiev], 2012, issue 3, pp. 274–278. (In Russ.)

Sidorenko E. V. *Metody matematicheskoy obrabotki v psikhologii* [Methods of mathematical data processing in psychology]. St. Petersburg, Rech' Publ., 2000. 350 p. (In Russ.)

Trubinskiy V. I. Sovremennye russkie regiolekty: primety stanovleniya [Modern Russian regiolects: signs of formation]. *Pskovskiye govory i ikh okruzheniye* [Pskov dialects and their environment]. Ed. by L. Ya. Kostiuukh. Pskov, 1991, pp. 156–162. (In Russ.)

Shtern A. S. Tri aspekta gorodskogo bilingvizma (foneticheskiy uroven') [Three aspects of urban bilingualism (phonetic level)]. *Zhivoe slovo v russkoy rechi Prikamya* [Living word in the Russian speech of the Kama region]. Ed. by F. L. Skitova. Perm, Perm State University Press, 1993, pp. 28–37. (In Russ.)

Auer P., Hinsken F. The convergence and divergence of dialects in Europe: New and not so new

developments in an old area. *Sociolinguistics: International Yearbook on European Sociolinguistics*. Ed. by U. Ammon, K. J. Mattheier, P. H. Nelde. Tübingen, Max Neimeier Verlag, 1996, pp. 1–30. (In Eng.)

Bellmann G. Between base dialect and standard language. *Folia Linguistica*. Berlin, Mouton de Gruyter, 1998, pp. 23–34. (In Eng.)

Hoppenbrouwers C. *Het regiolect: van dialect tot algemeen Nederlands* [Lecture on regiolect: From dialect to general Dutch]. Muiderberg, Coutinho, 1990. 252 p. (In Dutch.)

Schmidt J.E., Herrgen J. Sprachdynamik. Eine Einführung in die moderne Regionalsprachenforschung [Speech dynamics. An introduction to modern regional language research]. *Zeitschrift für Rezensionen zur germanistischen Sprachwissenschaft* [Journal for Reviews in German Linguistic Studies], 2011, vol. 5, issue 1, pp. 79–86. (In Ger.)

Spiekermann H. Standardsprache als regionale Varietät – Regionale Standardvarietäten [Standard language as a regional variety – regional standard varieties]. *Osnabrücker Beiträge zur Sprachtheorie* [Osnabrück Contributions to Language Theory], 2006, vol. 71, pp. 81–99. (In Ger.)

KNOWLEDGE AND USAGE OF LOCAL LEXIS IN PERM KRAI: 1980s – 1990s vs 2020

Elena V. Erofeeva

Head of the Department of Theoretical and Applied Linguistics

Perm State University

15, Bukireva st., Perm, 614990, Russian Federation. elenerofee@gmail.com

SPIN-code: 4653-7454

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-6659-6519>

ResearcherID: Q-3940-2017

Svetlana E. Yushkova

Master's Student in the Department of Theoretical and Applied Linguistics

Perm State University

15, Bukireva st., Perm, 614990, Russian Federation. yushkova.lana@yandex.ru

SPIN-code: 2942-6274

ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-9486-1781>

Submitted 10.11.2020

The article discusses the changes that have occurred over the past 30 years in the knowledge and usage of local lexical units in Perm Krai. In the 1980s – 1990s, T. I. Erofeeva carried out a study of native speakers' competence in local lexis (localisms) and its dependence on the speakers' social parameters. The questionnaire method was used for collecting the material, the ANOVA method was applied for its analysis. The authors of the article conducted a similar study using the same lexical material at the present time. Comparison of the results received in the 1980s – 1990s and in 2020 showed that the level of knowledge and usage of localisms in Perm Krai has markedly reduced; moreover, the number of social factors that have statistically significant influence on the knowledge and usage of localisms has decreased: at present, both the knowledge and the use of localisms are only affected by one of the factors considered – the 'age' factor. The received result can be explained by two reasons: firstly, opening of territorial and social boundaries in the current context leads to a decrease in the number of local lexical elements in speech; secondly, the set of Perm Krai localisms has changed over the past 30 years. In both cases, changes in the language and its use are observed.

Key words: localism; lexis; knowledge; usage; social factors; changes with time; Perm Krai.

УДК 81'27

doi 10.17072/2073-6681-2021-1-57-63

ЛЕКСИЧЕСКИЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В СОЦИОЛЕКТЕ СУБКУЛЬТУРЫ ДРИФТЕРОВ

Екатерина Игоревна Маштакова**копирайтер****ОАО «Торговый Дом «ЦУМ»**

125009, Россия, г. Москва, ул. Петровка, 2. Astra.kate@bk.ru

SPIN-код: 1110-1883

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-9049-8898>

ResearcherID: I-5296-2018

*Статья поступила в редакцию 25.08.2020***Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:***Маштакова Е. И. Лексические взаимодействия в социолекте субкультуры дрифтеров // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2021. Т. 13, вып. 1. С. 57–63. doi 10.17072/2073-6681-2021-1-57-63***Please cite this article in English as:***Mashtakova E. I. Leksicheskie vzaimodeystviya v sotsiolekte subkul'tury drifterov [Lexical Interactions in the Sociol-lect of the Drifting Subculture]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2021, vol. 13, issue 1, pp. 57–63. doi 10.17072/2073-6681-2021-1-57-63 (In Russ.)*

В статье рассматриваются лексические особенности социолекта субкультуры дрифтеров. Как и любой другой, данный социолект не только порождает уникальные лексические единицы для описания реалий жизни представителей данной субкультуры, но и обнаруживает в себе многочисленные заимствования лексем и лексических конструкций из других систем и подсистем языка, таких как литературный язык, просторечие и смежные терминологические и жаргонные системы. Анализ лексикона, собранной с помощью метода сплошной выборки при просмотре многочисленных видеоматериалов на тему дрифта, показал, что в составе социолекта присутствуют заимствования из литературного языка, общего жаргона, спортивного жаргона, жаргона автоспортивной среды, жаргона автомехаников и просторечия. Большое количество лексем и лексических конструкций, заимствованных из вышеуказанных терминологических и жаргонных систем, обусловлено смешанным составом носителей социолекта дрифтеров. В него входят не только пилоты, судьи и болельщики, но и механики, комментаторы, обслуживающий персонал трассы, а также уличные гонщики. Все вышеперечисленные специалисты и любители в большом количестве используют автоспортивные, инженерные, технические и специфические спортивные термины, описывающие реалии субкультуры. В составе социолекта обнаружены заимствования из японского и английского языков, что обусловлено спецификой конкретной субкультуры. Также выявлена обширная ономастическая система, в которую входят как индивидуальные, так и групповые онимы. Актуальность данной статьи обусловлена отсутствием исследований, посвященных лексическому составу социолекта субкультуры дрифтеров, несмотря на то что сама субкультура дрифтеров становится все более популярной.

Ключевые слова: культура; субкультура; субкультура дрифтеров; социолект; социальная группа; термины; профессионализмы; жаргонизмы.

Неоднородный характер современного общества проявляется как во взаимопроникновении и влиянии друг на друга культур разных этносов, так и в мультикультурном характере каждого этноса. Внутри нации, объединенной господствующей культурой, существуют группы людей

с общими для них биологическими, психологическими и социальными чертами, среди которых можно выделить возраст, профессию, увлечение, место обучения, гендер и т.д. Такие сообщества порождают собственные культуры, или субкультуры.

Современное понимание субкультуры базируется на понятии культуры как господствующей этической, эстетической, мировоззренческой системы, но не противопоставляется ей. Поначалу все отличное от элитарной культуры лишалось культурного статуса, а термин «субкультура» обозначал *не-* или *вне-*культурные явления. Так, первые отечественные работы, посвященные субкультуре ([Баталов 1973; Большаков 1973; Байчоров 1982; Климов 1988]), носили скорее публицистический, чем научный характер, поскольку их авторы не столько анализировали феномен субкультуры, сколько стремились доказать, что западные субкультурные движения появились как протест-реакция на западный капиталистический строй. Термин «субкультура» в работах тех лет употреблялся как синоним контркультуры, а предметом изучения были в основном молодежные течения западных стран.

Вторая волна работ по молодежной субкультуре пришла на 1990-е гг. Основная тенденция публикаций тех лет – смещение фокуса внимания с причин возникновения той или иной субкультуры в сторону описания внешних проявлений: стиля, образа жизни, атрибутики, поведенческих норм ее представителей. В отличие от первых работ, фокус внимания в этих исследованиях ([Березовский, Кротов 1990; Громов, Кузин 1990] и др.) сместился с западных на отечественные субкультуры.

Если в исследованиях 1970–1980-х гг. преобладает философский подход, а работы начала 1990-х гг. носят скорее описательный характер, работы третьей волны, начавшейся в конце XX в., признают необходимость изучения феномена субкультуры с разных сторон и не противопоставляют субкультуру господствующей культуре.

Современные исследователи рассматривают субкультуру как подсистему культуры [Гаранович 2015], при этом первая оказывает значительное влияние на вторую, поскольку находится с ней в постоянном диалоге [Щепанская 2003]. Такое представление раскрывает важное свойство субкультуры – несамостоятельность ее как культурной подсистемы. Субкультуры «...неспособны к полностью автономному самовоспроизводству, используют коды своей культуры, из которых заимствуют символы, несколько их трансформируя или перекодируя» [там же: 22].

Существует множество подходов к изучению и описанию субкультур: синергетический, генетический, информационный, иерархический, трофический, когнитивный и т. д. Не останавливаясь на них подробно, отметим, что они изучают субкультуру не целостно, а с одной из сторон, что отличает их от предложенной К. Б. Соколо-

вым концепции социокультурной стратификации [Соколов 1997].

Концепция социокультурной стратификации понимает субкультуру как художественное социально-психологическое явление. В рамках такого подхода субкультура – это картина мира, общая для группы людей, объединенной похожими социальными, психологическими и биологическими признаками и, главное, имеющей культурные особенности, которые выделяют ее среди других общностей.

Не противоречит этому подходу точка зрения Т. Б. Щепанской. В статье «Традиции городских субкультур» [Щепанская 2003] исследователь рассматривает субкультуру как коммуникативную систему, которая включает в себя средства коммуникации и определенную структуру коммуникативных каналов [там же: 30]. Под первыми Т. Б. Щепанская понимает всю совокупность знаков и символов, в которой фиксируются элементы транслируемой данной субкультурой картины мира. Под второй – «определенные типы межличностных связей, структуры сообществ, формы общения, а также нормы – правила их организации» [там же], т. е. все, что формирует социальный субстрат определенной субкультуры.

Социальная группа выступает создателем, носителем и хранителем субкультурных традиций: ценностей, стиля и образа жизни, знаний, потребностей и склонностей. Эта совокупность знаний и представлений людей об окружающей действительности фиксируется в специальном языке. По мнению Т. Б. Щепанской, именно специальный язык, или социолект, является ключевым доказательством наличия у той или иной социальной группы своей субкультуры.

Вслед за представителями Пермской школы социолингвистики обозначим социолект как «совокупность кодов, которыми владеют индивиды, объединенные какой-либо стратой – местом рождения, возрастом, специальностью, родом занятий, полом и т. д.» [Ерофеева Т. И. 2001: 311].

Каждый человек может одновременно быть участником нескольких коллективов, что обуславливает тесную взаимосвязь разных языковых систем. Социолект, как производная форма существования языка, заимствует языковые единицы из литературного языка, просторечия и смежных терминологических систем и жаргонов, выбор которых определен спецификой той субкультуры, чьи носители породили данный социолект [Ерофеева Е. В. 2013]. «Представители субкультур со временем вырабатывают свой собственный язык и тем не менее продолжают использовать в своей речи элементы других идиомов языка» [Гаранович, Ерофеева Е. В., Ерофеева Т. И. 2013: 144].

«Поскольку обобщенные социолекты по разным социальным признакам их носителей могут быть связаны не с одним, а с несколькими макроидиомами» [Ерофеева Е. В. 2005: 270], социолект можно обозначить как промежуточный идиом. Это значит, что социолект совмещает «в себе черты нескольких основных идиомов или, что еще интереснее, основных и других промежуточных идиомов» [там же].

Фиксация и изучение таких заимствований позволяют увидеть взаимное влияние друг на друга идиомов и языковых систем, а также наглядно иллюстрирует размытость границ между ними.

Рассмотрим это на примере социолекта дрифтеров. Дрифт (от англ. *drift* – ‘занос’) – это способ скоростного прохождения поворота на автомобиле, корпус которого направлен под углом по отношению к трассе, а покрышки скользят по покрытию. При этом пилот, управляя обязательно заднеприводным автомобилем, полностью контролирует процесс, регулируя угол заноса, скорость и траекторию движения. Но в более широком понимании дрифт – это автоспортивная субкультура, которая зародилась в конце 1970-х гг. как узкое непрофессиональное течение, но уже в начале XXI в. распространилась по миру, а в 2015 г. получила официальный статус автоспортивной дисциплины, по версии международной автомобильной организации FIA.

В настоящее время в мире существует несколько ежегодных дрифт-чемпионатов, которые проводятся как летом, так и зимой, если в той или иной местности выпадает снег. В Соединенных Штатах Америки дрифт-чемпионат называется Formula Drift, в Европе – Drift Masters, на Среднем Востоке – Oman International Drift Championship, в Японии – D1 GP, в Китае – D1 China, в России – Russian Drift Series. Помимо серии Гран-при, традиционно считающейся ключевой в автоспорте, в каждом чемпионате предусмотрены региональные соревнования, которые проводятся в разных частях страны или континента. Не останавливаясь на них подробно, вкратце опишем сценарий российского чемпионата Russian Drift Series, или RDS. Российская дрифт-серия состоит из отдельных этапов, которые летом и осенью проводятся в разных городах России. На каждом этапе пилоты набирают очки, которые учитываются как в *личном*, так и в *командном зачете*.

Перед началом соревнования проводится *брифинг*, на котором судьи объясняют судейское задание и рассказывают, как оптимально пройти конкретную трассу, чтобы набрать максимальное количество очков. После брифинга начинается *квалификация* – одиночные заезды пилотов, ко-

торым для получения высокого балла необходимо выполнить судейское задание, т. е. проехать *оцениваемый участок трассы* в непрерывном управляемом заносе по заданной судьями *траектории* с прохождением контрольных точек, обозначенных на трассе разметкой. По итогам квалификации составляется турнирная сетка, в которую попадают 32 пилота, набравшие максимальное количество баллов.

Далее проводятся парные заезды на выбывание: ТОП-32, ТОП-16, ТОП-8, ТОП-4 и финал. Каждый участник совершает два проезда – в роли *лидера* и *преследователя*. Лидеру необходимо в точности повторить судейское задание, а преследователю – проехать максимально близко к лидеру, стараясь в точности повторить его траекторию движения. Судьи оценивают заезды участников по трем критериям, среди которых – угол заноса, траектория автомобиля и стиль. По итогам заезда каждый пилот получает три оценки, которые суммируются до конечного результата.

Социальная база субкультуры дрифта обнаруживает сложную структуру, в которую входят организаторы и комментаторы, судьи и пилоты, механики и обслуживающий персонал трассы, многочисленные фанаты и уличные гонщики, которые параллельно развивают субкультуру дрифта в неофициальной среде. Как представители большого автоспортивного сообщества, все вышеперечисленные специалисты, а также пилоты-любители и болельщики в большом количестве используют специфические технические и инженерные термины, а также спортивные термины, описывающие реалии соревнований.

Наравне с терминами социолект дрифтеров включает в себя профессионализмы и профессиональные жаргонизмы. Границы между первыми, вторыми и третьими провела основатель Пермской школы социолингвистики Т. И. Ерофеева. Если термин является частью кодифицированного литературного языка и чаще употребляется в официальной обстановке, профессионализм используется в неофициальной и полуофициальной обстановке. Термин и профессионализм лишены экспрессивной окраски, в отличие от профессионального жаргонизма, который обладает яркой экспрессией и употребляется исключительно в неофициальной ситуации (см. [Ерофеева Т. И. 2013]).

Большое количество терминов, профессионализмов и профессиональных жаргонизмов, используемых представителями субкультуры дрифта во время видеотрансляций дрифт-чемпионатов, обзоров дрифт-событий и специализированных видеоблогов, подтолкнуло нас к созданию словаря, в котором представлены слова с толко-

ваниями, описывающими и характеризующими реалии субкультуры дрифта. На сегодняшний день корпус словаря составляет 430 лексем. Сбор материала проходил с помощью методики сплошной выборки: при просмотре видеоматериалов, предоставленных в свободном доступе в интернете, мы вычленили жаргонные единицы, которые описывают реалии данного автоспортивного сообщества. Лексический анализ материала показал, что представители субкультуры дрифта заимствуют элементы из нескольких источников.

1. Литературный язык (лексические элементы кодифицированного русского языка, получившие дополнительные коннотации и новые значения при попадании в социолект дрифтеров): *дымить* – ‘эффектно ехать в управляемом заносе за счет дыма, который появляется в результате трения покрышек автомобиля об асфальт’; *дуга* – ‘затяжной поворот’; *донор* – ‘автомобиль, запчасти с которого снимают и ставят на другой автомобиль’; *пушка* – ‘технически усовершенствованный гражданский автомобиль, предназначенный для дрифта’ и др.

2. Технические термины (термины и профессионализмы, описывающие технические реалии автомобильной среды): *диностенд* – ‘прибор, измеряющий тягу и мощность двигателя при помощи барабанов, которые приводятся в движение колесами автомобиля’; *фендеры* – ‘полукруглые накладки из пластика, которые монтируются на колесные арки автомобиля, чтобы расширить кузов после установки широких колес’; *турбина* – ‘деталь автомобиля, повышающая мощность двигателя’ и др.

3. Автоспортивные термины (термины и профессионализмы, описывающие профессиональное вождение автомобиля): *постановка* – ‘вхождение в первый поворот трассы’; *клатч кик* – ‘инициация управляемого заноса посредством резкого отрыва ноги с педали сцепления’; *клиппинг-поинт* – ‘одна из нескольких контрольных точек на трассе, обозначенная разметкой и помогающая выбрать оптимальную траекторию при прохождении трассы’ и др.

4. Жаргон автомехаников (лексика, описывающая технические реалии автомобильной среды): *жопо* – ‘задняя часть кузова автомобиля’; *докатка* – ‘резиновое колесо без воздушной камеры’; *разборка* – ‘место, где можно приобрести бывшие в употреблении автомобильные запчасти’ и др.

5. Жаргон автомобильной среды (ненормированная лексика, которую используют профессиональные и непрофессиональные водители при описании реалий управления автомобилем и его обслуживания): *зацеп* – ‘сцепление покрышек

автомобиля с трассой’; *зауглиться* – ‘в ходе заноса допустить больший, чем нужно, угол, при этом задняя ось автомобиля стремится обогнать переднюю, что приводит к потере скорости и траектории движения’; *тюнячки* – ‘автозапчасти для технического усовершенствования внешнего вида и ходовых качеств автомобиля’ и др.

6. Спортивный жаргон (лексика, которую спортсмены, болельщики и комментаторы используют для описания реалий спортивной деятельности): *затащить* – ‘одержать победу’; *догонять* – ‘показать хороший результат наравне с лидерами квалификации или этапа’; *заехать на тумбу* – ‘занять призовое место’ и др.

7. Общий жаргон: *запилить* – ‘допустить контакт автомобиля с другим автомобилем или элементами трассы’; *списать* – ‘допустить столкновение, при котором автомобиль не подлежит восстановлению’; *сейвиться* – ‘аккуратно, не в полную силу ехать в управляемом заносе’ и др.

8. Просторечие: *дубасить* – ‘ехать в управляемом заносе’; *внешка* – ‘внешний вид автомобиля’; *на жопомерах* – ‘интуитивно’ и др.

Термины, профессионализмы и профессиональные жаргонизмы из технической, автоспортивной и автолюбительской сфер при попадании в социолект дрифтеров чаще всего сохраняют свое значение, но заимствования из литературного языка, разговорной речи и просторечия, как правило, обретают новые. Так, *разложиться* в социолекте дрифтеров обозначает ‘попасть в аварию’, а *разуться* подразумевает ‘допустить соскальзывание покрышки с колеса автомобиля за счет сильного трения о покрытие при скольжении в управляемом заносе’. Лексема *ипилька* обретает новое значение – ‘резкий поворот, при котором трасса после длинного прямого участка меняет направление на 180 градусов’, а *наручники* обозначают ‘устройство, удерживающее руки пилота и предотвращающее возможные травмы в случае аварии’.

Помимо многочисленных заимствований из смежных терминологических систем и профессиональных языков, социолект дрифтеров порождает и собственные единицы. Так, лексическая конструкция *жопо-морда* обозначает ‘аварию, в ходе которой автомобиль, скользящий в заносе, сначала ударяется об ограждение задней частью корпуса, а затем по инерции ударяется передней частью корпуса’. Еще примеры: *намотаться на столб* – ‘на большой скорости допустить боковое столкновение со столбом, в результате чего кузов автомобиля вминается внутрь, как бы огибая препятствие’, *ехать в дверь* – ‘ехать в парном управляемом заносе в качестве преследователя, который держит минимальную дистанцию между собственным авто-

мобилем и автомобилем лидера’, *валить на все деньги* – ‘уверенно ехать в управляемом заносе, задействуя все возможности автомобиля и навыки пилотирования’ и др.

Субкультура дрифта зародилась в Японии. В 60–70-е гг. XX в. в среде нелегальных пилотов были популярны скоростные спуски по извилистым горным трассам – *тоге*. Для оптимального прохождения поворотов без потери скорости гонщики начали использовать технику управляемого заноса. Через 30 лет, с появлением официального чемпионата по дрифту, японские организаторы заимствовали у уличных гонщиков идею парного дрифта, и по сей день эта система является эталоном для дрифт-соревнований по всему миру. Особенности развития и становления субкультуры дрифта отражаются и в социолекте, который обнаруживает в себе заимствования из японского языка. Так, *манджи* обозначает ‘управляемый занос на прямом участке трассы, в ходе которого пилот несколько раз направляет автомобиль от одного края дороги к другому, поворачивая и отпуская руль’, *фуридаши* – это ‘инициация управляемого заноса’, а *мацури* – это ‘локальное организованное мероприятие по дрифту, которое не требует от участников больших вложений, в отличие от чемпионатов международного уровня, и позволяет уличным пилотам потренироваться в условиях специально подготовленной трассы’.

Если в России первые дрифт-соревнования со своим техническим и организационным регламентом появились в 2010-е гг., в Соединенных Штатах Америки новая дисциплина проезда трасс в управляемом заносе стала ассоциироваться с автоспортом еще в 2000-е. Из технического и спортивного англоязычного регламента, из лексикона профессиональных и непрофессиональных иностранных дрифт-пилотов в русский социолект дрифтеров попали множественные заимствования. К таким относятся, например, именованные разных техник дрифта: *пауэр слайд* – ‘техника прохождения поворота в управляемом заносе, в ходе которого пилот давит на педаль газа, создавая избыточную мощность, которая приводит к потере сцепления покрышек с дорогой’, *бэкворд* – ‘техника управляемого заноса, при котором задняя ось автомобиля обгоняет переднюю, а сам автомобиль сохраняет заданную траекторию’ и др., а также лексемы, описывающие ход проведения чемпионата, например: *уанмотайм* – ‘повторный заезд, который назначают в случае, если судьям не удастся определить победителя’, *брифинг* – ‘предстартовое собрание, на котором судьи объясняют пилотам оптимальные варианты прохождения трассы, на которой проводится чемпионат’, *споттер* – ‘человек, ко-

торый следит за заездами с трибуны и по радию общается с пилотом’ и др.

Социолект дрифтеров обнаруживает развитую ономастическую систему, которая проявляется себя на разных уровнях. В качестве онама может выступать слово или словосочетание, выделяющее субъект или объект из ряда подобных с целью его идентификации и индивидуализации. В процессе сбора материала нами были обнаружены:

1. Официальные и неофициальные топонимы. *Змеинка* – ‘картодром во Владивостоке’, *Красное Кольцо* – ‘автодром в Красноярске’, *Культура Заноса* – ‘дрифт-трасса в Петербургской области’, *под светофор* – ‘участок трассы на автодроме Красное Кольцо’, *стена-магнит* – ‘ограждение одного из участков трассы на рязанском автодроме’ (названо так из-за большого количества столкновений во время проездов в управляемом заносе) и др.

2. Неофициальные антропонимы. *Гоча* – ‘прозвище профессионального дрифт-пилота Георгия Чивчяна’, *Король Дрифта* – ‘прозвище главного популяризатора дрифт-культуры Кейти Цучия’, *Сайтевич* – ‘прозвище японского дрифт-пилота Дайго Сайто’ и др.

3. Групповые антропонимы. *Нелегалы* – ‘уличные гонщики, которые пускают автомобили в управляемые заносы на не предназначенных для этого территориях: улицах, площадях, парковках города’, *тазоводы* – ‘владельцы российских заднеприводных автомобилей’, *топы* – ‘официальные дрифт-пилоты, занимающие верхние позиции в личных зачетах’ и др.

Ономастическая система социолекта дрифтеров имеет свою специфику. Главной материальной ценностью в картине мира, характерной для членов данного субкультурного сообщества, является автомобиль, техническое совершенствование которого может занимать годы. Особым отношением пилотов к своим техническим проектам и стремлением к выделению их среди других объясняется большое количество автомобильных прозвищ: *Белуга* – ‘автомобиль Toyota Aristo Никиты Шикова’, *Рыжольда* – ‘автомобиль Nissan Silvia Ильи Федорова’, *Месть королевы Анны* – ‘автомобиль Жигули Екатерины Набойченко’ и др. Кроме индивидуальных онимов такого порядка мы обнаружили и групповые: *маркообразные* – ‘серия автомобилей Toyota, в которую вошли модели Mark II, Chaser и Cresta’, *гнильсан* – ‘автомобиль марки Nissan’, *электричка* – ‘автомобиль на электродвигателе’ и др.

Социолект дрифтеров, как и любой другой социолект, «представляет собой не изолированный вариант языка, а “смесь” разных социолектов» [Ерофеева Е. В. 2017: 116], поэтому обна-

руживает внутри себя сложную многоуровневую систему, в которой представлены как специфические языковые единицы, так и термины, профессионализмы и профессиональные жаргонизмы, заимствованные из смежных социолектов и переосмысленные в соответствии с реалиями данного субкультурного сообщества. Фиксация этих лексических единиц и освещение специфических смыслов, которые эти единицы приобретают в процессе заимствования, не только является неотъемлемой частью изучения конкретного социолекта (а следовательно, и субкультуры), но и освещает процессы взаимодействия и взаимовлияния социолектов между собой и по отношению к другим идиомам русского языка.

Список литературы

Байчоров А. М. От «разбитого» поколения к контркультуре (Парадоксы молодежного протеста в США). Минск: Изд-во БГУ, 1982. 142 с.

Баталов Э. Я. Философия бунта (критика идеологии левого радикализма). М.: Политиздат, 1973. 222 с.

Березовский В. Н., Кротов Н. И. Неформальная Россия. М.: Молодая гвардия, 1990. 386 с.

Большаков В. Бунт в тупике? (очерки с идеологического фронта). М.: Молодая гвардия, 1973. 365 с.

Гаранович М. В. Взаимодействие языков субкультур с основными идиомами русского языка // Глобальный научный потенциал. 2015. № 9(54). С. 114–116.

Гаранович М. В., Ерофеева Е. В., Ерофеева Т. И. Словари сленга субкультур г. Перми // Наука и бизнес: пути развития. 2013. № 4(22). С. 95–97.

Громов А. В., Кузин О. С. Неформалы: кто есть кто? М.: Мысль, 1990. 272 с.

Ерофеева Е. В. Вероятностная структура идиомов: социолингвистический аспект. Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 2005. 320 с.

Ерофеева Е. В. Вариативность в жаргоне любителей Формулы-1 // Социо- и психолингвистические исследования. 2013. Вып. 1. С. 64–74.

Ерофеева Е. В. Взаимодействие кодов в жаргоне субкультуры (на примере социолекта болельщиков «Формулы-1») // Филологические заметки. 2017. Вып. 15, т. 2. С. 114–123.

Ерофеева Т. И. Идиолект и социолект как объекты изучения социальной дифференциации языка // Язык и общество на пороге нового тысячелетия: итоги и перспективы: тез. докл. междунар. конф. М.: УРСС, 2001. С. 310–311.

Ерофеева Т. И. Субкультура в лингвистическом освещении // Социо- и психолингвистические исследования. 2013. Вып. 1. С. 5–10.

Климов Ю. М. Поколение кризиса или кризис поколения? М.: Мысль, 1988. 269 с.

Соколов К. Б. Субкультуры, этносы и искусство: концепция социокультурной стратификации // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. 1997. № 1. С. 134–143.

Щепанская Т. Б. Традиции городских субкультур // Современный городской фольклор. М.: РГГУ, 2003. С. 27–33.

References

Baychorov A. M. *Ot «razbitogo» pokoleniya k kontrkul'ture (Paradoksy molodezhnogo protesta v SShA)* [From the 'broken' generation to counterculture (Paradoxes of the youth protest in the USA)]. Minsk, Belarusian State University Press, 1982. 142 p. (In Russ.)

Batalov E. Ya. *Filosofiya bunta (kritika ideologii levogo radikalizma)* [The philosophy of rebellion (criticism of the left-wing radicalism ideology)]. Moscow, Politizdat Publ., 1973. 222 p. (In Russ.)

Berezovskiy V. N., Krotov N. I. *Neformal'naya Rossiya* [Informal Russia]. Moscow, Molodaya gvardiya Publ., 1990. 386 p. (In Russ.)

Bol'shakov V. *Bunt v tupike? (ocherki s ideologicheskogo fronta)* [Is a rebellion at a standstill? (essays from the ideological front)]. Moscow, Molodaya gvardiya Publ., 1973. 365 p. (In Russ.)

Garanovich M. V. *Vzaimodeystvie yazykov subkul'tur s osnovnymi idiomami russkogo yazyka* [Interaction of subculture languages with the main idioms of the Russian language]. *Global'nyy nauchnyy potentsial* [Global Scientific Potential], 2015, issue 9(54), pp. 114–116. (In Russ.)

Garanovich M. V., Erofeeva E. V., Erofeeva T. I. *Slovary slenga subkul'tur g. Permi* [Slang dictionaries of Perm subcultures]. *Nauka i biznes: puti razvitiya* [Science and Business: Development Ways], 2013, issue 4(22), pp. 95–97. (In Russ.)

Gromov A. V., Kuzin O. S. *Neformaly: kto est' kto?* [Non-mainstreamers: who is who?]. Moscow, Mysl' Publ., 1990. 272 p. (In Russ.)

Erofeeva E. V. *Variativnost' v zhargone lyubitel'ey Formuly-1* [Variability in the jargon of 'Formula-1' fans]. *Sotsio- i psikholingvisticheskie issledovaniya* [Socio Psycho Linguistic Research], 2013, issue 1, pp. 64–74. (In Russ.)

Erofeeva E. V. *Veroyatnostnaya struktura idiomov: sotsiolingvisticheskiy aspekt* [Probabilistic structure of social language variants: sociolinguistic aspect]. Perm, Perm State University Press, 2005. 320 p. (In Russ.)

Erofeeva E. V. *Vzaimodeystvie kodov v zhargone subkul'tury (na primere sotsiolekta bol'el'shchikov «Formuly-1»)* [Interaction of codes in the jargon of a subculture (a case study of the Formula-1 fans' sociolect)]. *Filologicheskie zametki* [Philologi-

cal Studies], 2017, issue 15, vol. 2, pp. 114–123. (In Russ.)

Erofeeva T. I. Idiolekt i sotsiolekt kak ob'ekty izucheniya sotsial'noy differentsiatsii yazyka [Idiolect and sociolect as a subject of study of social differentiation of language]. *Yazyk i obshchestvo na poroge novogo tysyacheletiya: itogi i perspektivy: tez. dokl. mezhdunar. konf.* [Language and society on the threshold of the new millennium: Outcomes and perspectives: proceedings of international conf.]. Moscow, URSS Publ., 2001, pp. 310–311. (In Russ.)

Erofeeva T. I. Subkul'tura v lingvisticheskom osveshchenii [Subculture in linguistic interpretation]. *Sotsio- i psikholingvisticheskie issledovaniya* [Socio- and Psycholinguistic Studies], 2013, issue 1, pp. 5–10. (In Russ.)

Klimov Yu. M. Pokolenie krizisa ili krizis pokoleniya? [The generation of crisis or crisis of the generation]. Moscow, Mysl' Publ., 1988. 269 p. (In Russ.)

Sokolov K. B. Subkul'tury, etnosy i iskusstvo: kontsepsiya sotsiokul'turnoy stratifikatsii [Subcultures, ethnicities and art: the concept of sociocultural stratification]. *Vestnik Rossiyskogo gumanitarnogo nauchnogo fonda* [Russian Foundation for Basic Research Journal. Humanities and Social Sciences], 1997, issue 1, pp. 134–143. (In Russ.)

Shchepanskaya T. B. Traditsii gorodskikh subkul'tur [Traditions of urban subcultures]. *Sovremennyy gorodskoy fol'klor* [Modern urban folklore], Moscow, RSUH Press, 2003, pp. 27–33. (In Russ.)

LEXICAL INTERACTIONS IN THE SOCIOLECT OF THE DRIFTING SUBCULTURE

Ekaterina I. Mashtakova

Copywriter

TSUM Department Store

2, Petrovka st., Moscow, 129005, Russian Federation. kate@bk.ru

SPIN-code: 1110-1883

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-9049-8898>

ResearcherID: I-5296-2018

Submitted 25.08.2020

The article deals with the sociolect of the drifting subculture and its lexical features. Like any other, this sociolect not only generates unique lexical units to describe the realities of life of those belonging to the subculture but also contains numerous borrowings of lexemes and lexical constructions from other systems and subsystems of language, such as literary language, substandard language, related terminological and jargon systems. The author analyzed vocabulary collected with the use of the continuous sampling method when viewing numerous videos on the subject of drift. The analysis has shown that the sociolect contains borrowings from literary language, general jargon, sports jargon, motorsport jargon, jargon of car mechanics and substandard language. The presence of a large number of lexemes and lexical structures borrowed from the above-mentioned terminological and jargon systems is due to the mixed composition of carriers of the drifting sociolect. It includes not only pilots, judges and fans but also mechanics, commentators, track staff, as well as street racers. All the above experts and amateurs largely use motorsport, engineering, technical and special sports terms and jargon describing the realities of the subculture under study. As part of the sociolect, borrowings from Japanese and English languages have been found, which is due to the fact that the subculture originated in Japan and then developed in the west. The study has also identified an extensive onomastic system of the sociolect. This system includes both individual and group onyms. The relevance of this article is due to the lack of research on the sociolect and vocabulary of the drifting subculture despite the fact that the subculture itself is becoming increasingly popular.

Key words: culture; subculture; drifting subculture; sociolect; social group; terms; professionalisms; jargons.

УДК 81'367.4
doi 10.17072/2073-6681-2021-1-64-72

ОСОБЕННОСТИ ПОВЕДЕНИЯ МНОГОЗНАЧНОГО СУЩЕСТВИТЕЛЬНОГО «РЕАЛЬНОСТЬ» В РУССКИХ ГАЗЕТНЫХ ТЕКСТАХ

Чжан Шучунь

аспирант кафедры русского языка

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

119001, Россия, г. Москва, ул. Ленинские горы, 1. shushu8522@mail.ru

SPIN-код: 9144-5250

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-5145-2774>

Статья поступила в редакцию 17.07.2020

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Чжан Шучунь. Особенности поведения многозначного существительного «реальность» в русских газетных текстах // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2021. Т. 13, вып. 1. С. 64–72. doi 10.17072/2073-6681-2021-1-64-72

Please cite this article in English as:

Zhang Shuchun. Osobennosti povedeniya mnogoznachnogo sushhestvitel'nogo «real'nost'» v russkikh gazetnykh tekstakh [Characteristics of the Polysemic Noun «real'nost'» in Russian Newspaper Texts]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2021, vol. 13, issue 1, pp. 64–72. doi 10.17072/2073-6681-2021-1-64-72 (In Russ.)

Слово *реальность* в качестве многозначного существительного с суффиксом *-ость* рассматривается на материале газетных текстов, входящих в электронный корпус «Русские газеты конца XX века». Существительные данного типа, будучи наиболее регулярным типом имен качества, могут иметь предметное значение, помимо значения отвлеченного свойства. В связи с этим для изучения их семантики необходимо использовать контексты как живой речевой материал, в которых реализуется их актуальное значение. Цель работы состоит в выяснении семантических и контекстуальных характеристик употреблений слова *реальность* на основе газетных текстов, а используемые для анализа корпусные данные позволяют выявить, какое значение у изучаемого слова является самым частотным, какие контекстуальные признаки являются характерными, а также определить типы устойчивой сочетаемости для каждого из его значений. В результате анализа контекстов установлено, что в русских газетных текстах конца XX в. значение синтаксического деривата у данного слова является гораздо менее частотным, чем номинативное. При этом у него еще развивалось новое значение 'реалия / реалии', для которого характерна форма множественного числа. Сопоставительный анализ употреблений слова на фоне китайского языка показывает, что функция «пропозитивного насыщения» у существительных на *-ость* – отличительная черта русского языка.

Ключевые слова: существительные на *-ость*; отадективная номинализация; синтаксическая деривация; регулярная полисемия; контекстуальная семантика; словообразовательный тип.

Существительные с суффиксом *-ость* в современном русском языке составляют большую часть производных существительных, имеющих значение отвлеченного признака. Будучи основным средством деадъективной номинализации, слова с данным суффиксом характеризуются большой степенью предсказуемости значения и выполняют в русском языке прежде всего синтаксическую, конструктивную функцию. Однако

и у этих русских существительных регулярно развивается многозначность. Это делает их семантику особым и достаточно сложным объектом лингвистического исследования. В русских толковых словарях многозначность слов на *-ость* часто игнорируется, поэтому их описание является актуальной лексикографической задачей. Существительные на *-ость* нуждаются в углубленном исследовании и с практической точки

зрения. Для автоматического поиска и анализа, а также для целей преподавания РКИ очень важно найти те признаки, которые позволяют определить, в каком значении слово употреблено в тексте – в признаковом или предметном. Не менее важно установить, какое из значений и в текстах какого типа является наиболее частотным для многозначных слов на *-ость*. Ниже будет предпринята попытка решить эти задачи для слова *реальность*, обладающего высокой частотностью в текстах СМИ.

Благодаря развитию компьютерной лингвистики в настоящее время имеется инструмент, облегчающий анализ употреблений лексических единиц – это электронные корпуса текстов. Они позволяют получать конкордансы на нужную единицу и тем самым дают материал для сплошного анализа ее употреблений. В качестве материала исследования в данной статье, помимо словарных данных, был использован Компьютерный корпус текстов русских газет конца XX в. (1 млн словоупотреблений), созданный в Лаборатории общей и компьютерной лексикологии и лексикографии филологического факультета МГУ. С помощью конкорданса было рассмотрено, в каких значениях, насколько часто и в каких контекстуальных условиях используется это слово в Корпусе. При анализе также использовался сопоставительный метод. Перевод на китайский язык позволяет лучше выявить особенности адъективной номинализации в русском языке.

Лексическое значение слова «реальность»

Слово *реальность* описывается в словарях Н. Ю. Шведовой [Шведова 2011], С. И. Ожегова [Ожегов 2012] и В. И. Даля [Даль 2000] как чистый синтаксический дериват, к которому отсутствует самостоятельная статья. Однако в больших по объему толковых словарях это слово описывается как неоднозначное.

Совмещение чисто синтаксической (конструктивной) и номинативной функции у производных лексических единиц – явление достаточно регулярное. Как отмечал И. А. Мельчук, при «трансляции» производная лексема может стать «полисемичной вокабулой», в которой транслативное значение производного является главным и связывается с другими его значениями («лексемами») метонимическими и метафорическими отношениями [Мельчук 1998: 463].

Е. Курилович описывает структуру таких полисемических единиц как результат развития у синтаксического деривата вторичного значения и характеризует это явление как вторую ступень деривации (лексическую деривацию), следующую за первой, синтаксической [Курилович 1962: 64].

Развитие полисемии на основе «трансляции» при адъективной номинализации (т. е. обозначения свойства предмета с помощью существительного) происходит двумя основными способами: а) путем приобретения существительным способности обозначать не только свойство, но и субъект, имеющий это свойство (на основе метонимического и метафорического переноса типа *признак* → носитель признака); б) путем развития у него параметрического значения.

В результате этого у слов на *-ость* регулярно возникает трехкомпонентная семантическая структура следующего вида: 1) свойство по прилагательному (синтаксический дериват); 2) измеряемая величина данного свойства (параметрическое значение); 3) предмет-носитель, обладающий данным свойством. Все эти типы значений мы видим, например, у слова *ёмкость*. Слово *реальность* в силу своей модальной семантики не может иметь параметрического значения. Однако оно относится к числу употребительных, а у таких слов на *-ость*, как показывает анализ, многозначность развивается часто. Поэтому следует ожидать, что оно будет употребляться в русском языке и в предметном значении, т. е. иметь способность в «свернутом» виде именовать сочетание «некий конкретный носитель признака + признак».

Однако в больших по объему русских толковых словарях это значение отражено: «Объективно существующее явление, действительность, факт» [Ушаков 2017]. В Большом толковом словаре [БТС 1998] второе значение описано аналогично: «То, что существует на самом деле; действительность». На основе этих толкований второе значение слова *реальность* можно описать с помощью таких словосочетаний, как *реальная действительность*, *реальная жизнь* и *реальный факт*.

Значения слов *действительность* и *факт* достаточно далеки друг от друга. Вероятно, поэтому в словаре Т. Ф. Ефремовой [Ефремова 2006] отсутствует единое толкование предметного значения и даются лишь два его подзначения: 1) *объективно существующая действительность*; 2) *явления, факты, предметы объективной действительности*.

Некоторые словари фиксируют также в качестве отдельных значений отдельные устойчивые употребления, характерные для слова *реальность*. Так, в «Толковом словаре русского языка» под редакцией Д. В. Дмитриева находим: «1. Реальностью называется то, что существует, происходит на самом деле»; 2. «*в реальности*»; 3. «*чувство реальности*»; 4. «*смотреть в глаза реальности*»; 5. «*виртуальная реальность*» [Дмитриев 2003]. Таким образом, значения слова

реальность описываются в русских толковых словарях не единообразно.

Анализ контекстов употребления слова *реальность* в Корпусе показал, что их можно свести к трем значениям, которые важно различать при переводе на китайский язык: 1) чисто транспозиционное; 2) реальная жизнь, действительность, совокупность ее проявлений (предметное абстрактное); 3) специфические факты, проявления жизни (предметное конкретное). Последнее значение передается формой множественного числа. Ср.:

(1) *Канадцы очень горды принадлежностью к своей стране. Однако плохо осведомлены о ее политических реальностях и ее истории.*

(2) *Реальности СССР заставляли граждан западных стран ценить свободу и демократию.*

(3) *Как заявил министр иностранных дел Ирана, США наконец признали иранские реальности.*

В одном случае это значение можно видеть и в ед. числе, однако контекст неоднозначен:

(4) *...Если б советское общество отнеслось к СССР и странам Варшавского Договора как к чисто геополитической, континентальной реальности, органически сложившейся по воле объективных пространственных законов, то любые идеологические перемены...*

Обращает на себя внимание то, что в этих контекстах слово *реальность* можно заменить на однокоренное слово *реалия*. Речь в них идет не просто о реальном факте, а о факте, специфичном с территориальной или временной точки зрения. Это обстоятельство, а также тесная связь с формой множественного числа заставляет предположить, что в современном русском языке *реальность* способно выступать как синоним слова *реалия*, как его более нейтральный стилистический вариант. Ср. описание слова *реалия* в «Современном толковом словаре русского языка» под редакцией Т. Ф. Ефремовой [Ефремова 2006]:

реалия: см. *реалии*;

реалии (мн.): Предметы или явления материальной культуры, этнонациональные особенности, обычаи, обряды, а также исторические факты или процессы, обычно не имеющие лексических эквивалентов в других языках.

Синонимические словари включают *реалию* и *реальность* в одну группу, однако в толковых словарях фиксация связи между этими словами отсутствует. Возможно, это вызвано тем, что она является достаточно новой и воспринимается лексикографами как результат неоправданного смешения разных понятий, которые русский язык дает возможность различать лексически. Тем не менее в Корпусе это неразличение носит не единичный характер.

Итак, анализ контекстов употребления слова *реальность* в Корпусе позволяет говорить о наличии у этого слова трех, а не двух значений. Третье значение – ‘специфический факт, явление’ – можно рассматривать как результат дальнейшего семантического развития второго, т. е. как следствие его конкретизации и дискретизации с помощью формы множественного числа: ‘реальная действительность’ → ‘специфические проявления этой действительности’.

Характеристика употреблений (контекстуальные признаки, частотность, сочетаемость в Корпусе)

Определить, в каком значении выступает слово, позволяет контекст. В исследованиях по контекстуальной семантике отмечается, что место каждого языковой единицы в качестве зависимого элемента текстового фрагмента «должно определяться тем окружением, в котором оно встречается» [Колшанский 2020]. Именно контекст обеспечивает однозначное понимание высказывания, поэтому он существен для изучения многозначных лексических единиц, в частности, многозначных существительных с суффиксом *-ость*.

Одной из самых сложных задач корпусной лингвистики является разрешение омонимии и многозначности. Определить, в каком именно значении употреблено слово, бывает достаточно трудно даже в «ручном» режиме. Это связано с тем, что в текстах могут встречаться неоднозначные контексты и «переходные» случаи. Еще более сложно найти надежные признаки для автоматического определения значения. Как показал анализ, эти проблемы регулярно возникают и при анализе слова *реальность*.

Ожидалось, что корпусной анализ покажет, что это слово чаще всего используется в чисто транспозиционной функции. Однако это оказалось не так. Всего было обнаружено лишь 8 (из 96) употреблений, где это значение, несомненно, присутствует. Самым явным и существенным контекстуальным показателем этого значения является указание в контексте **носителя названного признака** (предмета). В качестве предмета – носителя свойства *реальный* выступает некое положение дел, ситуация (Р). Его имя во всех случаях выражается зависимым существительным в родительном падеже (*реальность чего*). Ср.:

(5) *Реальность либерализма и идеологии либерализма стала очевидной.*

(6) *Этим подчеркивалась реальность религиозной жизни страны.*

Номинализация, т. е. чистая транспозиция свойства ‘реальный’, встретилась в конструкциях следующего типа:

1. **Говорить о реальности Р.** (2 употр.)

а) *‘говорить о том факте, что Р. является реальным’;*

б) *‘обсуждать вопрос о том, является ли Р. реальным’.*

2. **Верить в реальность Р.** (2 употр.)

‘верить в то, что Р. является реальным’.

3. **Обеспечить реальность Р.** (1 употр.)

‘сделать так, чтобы х. стал реальным’.

4. **Реальность Р. становится какой** (очевидной) (1 употр.)

‘начать понимать, что Р. становится реальным’.

5. **Реальность Р. подчеркивается** (1 употр.)

‘тот факт, что Р. является реальным, подчеркивается’.

6. **Реальность Р. постигается...** (1 употр.)

‘тот факт, что Р. является реальным, постигается’.

Сравнение с эквивалентными конструкциями, в которых сохраняется исходное прилагательное, показывает, что с помощью номинализации в актантную позицию помещается целая пропозиция, в которой *Р* приписывается свойство ‘реально существовать’.

Е. Курилович, обсуждая механизм образования отадъективных синтаксических дериватов, обращал специальное внимание на то, что существительные типа *высота* образованы «не от прилагательных-определений, а от прилагательных в роли сказуемого» [Курилович 1962: 64]. Это делает их семантику пропозитивной. А «пропозитивная семантика всегда предметно детерминирована. <...> Точно так же, как предмет идентифицируется через его атрибуты, свойства (атрибуты) детерминируются через указание на их носителя, т. е. на предмет» [Арутюнова 2019: 79]. Поэтому наличие указания предмета-носителя при синтаксической деривации обязательно.

Номинализация выполняет компрессивную функцию, позволяя заменять сложные предложения простыми. Помещение свойства в позицию актанта, «участника» главной ситуации, а его носителя – в позицию зависимую, повышает коммуникативную значимость свойства и делает его самостоятельным объектом осмысления, речи, отношения, целью достижения.

Как отмечает М. Б. Ташлыкова, рассматривая синтаксические дериваты, «наиболее типичные функции отадъективного существительного – выражение скрытого атрибута (отвлечение эпитета) и скрытого предиката (пропозитивное насыщение высказывания)». Реализация каждой из этих функций возможна лишь в тех случаях, когда при имени качества есть имя предмета или референтное ему местоимение [Ташлыкова 2013: 53]. Анализ показал, что слово *реальность* при

транспозиции используется в газетных текстах именно для «пропозитивного насыщения». Это может быть связано как с его модальной семантикой, так и с тем, что «отвлечение эпитета» характерно в большей степени для поэтического языка.

Хотя наличие имени носителя признака в *Р.* является важнейшей приметой чистой транспозиции, этого признака недостаточно. В Корпусе имеется несколько случаев, когда в сочетании *реальность чего* реализуется предметное значение или же оно оказывается неоднозначным. Ср.:

(7) *Европейские министры финансов напомнили согражданам, что Гонконг далеко и что призрачный мир биржевых котировок и реальность экономики далеко не всегда совпадают.*

Здесь речь, вероятно, идет не о том, реально ли существует экономика, а о той действительности, которая имеет место в экономике. На это указывает сравнение с «призрачным миром котировок». Чтобы понять это, сознание читателя должно проделать операцию «распаковки» пропозиции, стоящей за именной группой. Оно должно установить, о чем идет речь: а) о реальности существования самого *Р.* (такого положения дел: *реальна ли экономика*) или же б) о реальной действительности (ситуации), имеющей место в сфере экономики.

Важным признаком предметного значения является наличие характеризующего *реальность* определения: оно должно указывать на особенности ситуации, имеющей место в какой-то сфере, а не на степень уверенности в свойстве ‘быть реальным’. Ср. однозначность предметного прочтения в следующем контексте, задаваемую атрибутом *нелакированный*:

(8) *...очень значимая часть отечественных элит, водрузив на знамя лозунги «приобщения масс к нелакированной реальности жизни» торопится наступить на уже хорошо известные грабли.*

Однако если атрибут *реальности* имеет значение типа ‘неочевидность’, высказывание может становиться более неоднозначным. Ср.:

(9) *...когда еще представится шанс стать немного мудрее, постичь невидимую реальность наших тайных мыслей и сокровенных желаний – инстинктов души, которые мобилизуют ее к действиям?...*

Непонятно, что является непосредственным объектом постижения: понимание того, что тайные желания и мысли хотя и невидимы, но реально существуют, или же реальный мир мыслей и желаний.

(10) *Кстати, такова невидимая реальность денег – простых бумажек, за которыми стоит человеческая энергия и труд.*

Это предложение также может быть понято двояко: (а) деньги, мысли, желания реальны (оказывают реальное воздействие), но мы не видим этого; (б) в мире денег существует такая реальная жизнь, действительность.

На основе того, что *невидимость* теснее связана с каким-либо миром, «предметна», и что выражение неочевидности для этого атрибута вторично, в примерах 9, 10 можно видеть с большей вероятностью реализацию предметного значения.

К контекстам типа *реальность чего* с предметным значением нужно отнести и следующий однозначный контекст с относительным прилагательным вместо сущ. в Р. п.:

(11) ...*телесериальная реальность* может напрямую вплестаться в реальность живую...

В работах по стилистике русского языка указывается на то, что средства номинализации нужно использовать очень осторожно в силу их возможной неоднозначности и сложности для читателя. Следующий контекст, как и некоторые предыдущие, в полной мере иллюстрирует это положение:

(12) *Но на реальной жизни людей виртуальная реальность непризнанной республики сказывается весьма ощутимо.*

Очевидно, автор хочет сказать: *республика (х.) не существует реально* (она не признана), *и это негативно сказывается на жизни людей, живущих в ней.* Однако эту фразу трудно сразу понять правильно, тем более что здесь использован модный атрибут «виртуальная», характерный для предметного значения. Отсюда возникает возможность и иного, «предметного» прочтения: *На реальной жизни людей виртуальная жизнь в непризнанной республике сказывается весьма ощутимо.* Представляется, что первое понимание является более адекватным, поэтому мы включили этот контекст в число чисто транспозиционных.

Итак, наличие зависимого носителя признака в Р. п. с большой степенью вероятности, но не всегда, означает обязательное наличие функции синтаксического деривата. Контексты без сочетания *реальность чего* тоже неоднородны. Среди них есть такие, в которых слово *реальность* сохраняет свое характеризующее значение. Их можно разделить на две группы: 1) предикатно-характеризующие; 2) обстоятельственно-характеризующие.

В контекстах первой группы речь идет о приобретении предметом / наличии / отсутствии свойства «быть реальным». Здесь встречены следующие сочетания:

1. *Стать реальностью* (4 употр.):

(13) *Если хотя бы на секунду допустить, что охотнорядческий бред стал реальностью в виде ритуального убийства, то в этом случае что – хоронить не нужно.*

(14) *Процесс пошел и стал реальностью.*

(15) *Впрочем, компьютерная литература уже стала реальностью.*

(16) *Когда паром станет реальностью и начнет работать...*

2. *Переходить в реальность* (1 употр.):

(17) *Боевики и триллеры переходят в реальность.*

3. *Быть далеким от реальности* (1 употр.):

(18) *Цифра эта очень далека от реальности.*

В этих случаях носитель свойства занимает позицию подлежащего, а свойство вступает с ним в отношения тождества (*стать реальностью*) или же пространственные отношения. Это приводит к ослаблению чисто признакового значения, к его «субстантивации». В результате становится возможным как чисто признаковое, так и предметное прочтение («реальная действительность», «реальная жизнь»), особенно при выражении пространственных отношений. Очевидно, что здесь имеет место «средняя стадия» определенчивания признакового значения. Она является следствием синтаксического разрыва, неизомичности отношений тождества, которые синтаксически устанавливаются между свойством и его носителем.

Во вторую группу входят контексты, в которых слово *реальность* выполняет обстоятельную и вводную функции, т. е. выступает как признак не предмета, а действия, аналог наречия. Эти функции оформляются с помощью синтаксемы *в реальности*.

1. *В реальности*¹ («делать что-либо реально, на самом деле») (3 употр.)

(19) *Режиссер показал последнюю схватку героя... с дьявольским искушением не в реальности, а предсмертном видении.*

(20) *Однако договаривались-то они с кабинетом министров об одной цене бюджета, а в реальности правительство теперь «проталкивает» совсем иную.*

(21) *Подобная катастрофа, случись она в реальности, имеет отношение не только к биржевым дельцам...*

2. *В реальности*² (вводная функция) (3 употр.)

(22) *В реальности революция вздыбливает, взламывает все устои...*

(23) *Не исключено, что и официальный Грозный, и организаторы Кавказского общего рынка в реальности добиваются общей цели...*

(24) *Хотя... и любит подчеркивать, что его проект – чисто экономический и не связан*

напрямую с политикой, в реальности это не совсем так.

Во всех этих случаях, как нам кажется, возможна замена слова *реальность* на *реальная жизнь, действительность*.

Поскольку в рассмотренных случаях слово *реальность* не выполняет функцию «пропозитивного насыщения», импликации пропозиции, их, очевидно, следует отличать от чистой транспозиции и описывать как особые синтаксические употребления в рамках второго, предметного значения слова *реальность*. Аналогичным образом можно поступить с выражением *чувство реальности* (3 употр.):

(25) ...мир, где ему так не хватает **чувства реальности**.

Его можно интерпретировать как ‘способность чувствовать то, что происходит в реальной действительности’.

Если принять такое решение, то количество случаев чисто транспозиционного употребления слова *реальность* в Корпусе окажется равно всего 9. Но даже если отнести характеризующие контексты к сфере синтаксической деривации, основной для данного слова в газетных текстах останется функция лексической деривации. Главным для *реальности* здесь оказывается второе, предметное значение (79 употр., включая характеризующие).

Во всех случаях, кроме описанных выше (см. примеры 7–11), в контекстах с этим значением отсутствует особое, «раздельное» указание на предмет – носитель признака. Этот носитель (жизнь, действительность) содержится в значении самого слова *реальность*. Еще одним явным признаком предметности значения является наличие «альтернативного» атрибута, т. е. признака, указывающего на возможность противопоставления, наличия иной реальности. Наиболее частые из таких атрибутов: *другая р.* (6 употр.), *новая р.* (5 употр.). Особый интерес представляет противопоставление реальной, настоящей реальности и ложной. Последняя обозначается с помощью атрибутов *виртуальная* (3), *искусственная* (2).

Во всех случаях при выражении второго значения в Корпусе используется форма ед. числа. Лишь один контекст семантически неоднозначен:

(26) *Нельзя, конечно же, проводить прямые параллели между **грубыми реальностями**, в которых как бы притушен фактор Воли и Смысла, и тонкими человеческими мирами, в которых Воля и Смысл имеют определяющее значение.*

Здесь можно видеть как второе значение (противопоставление разных реальностей и миров), так и третье значение – разделительную множественность (‘специфические факты, про-

явления реальной жизни, реалии’). Автор выразил свою мысль недостаточно ясно.

Как уже отмечалось выше, в Корпусе слово *реальность* реализуется и в третьем значении, синонимичном слову *реалия*. В 7 случаях при передаче этого значения используется форма мн. числа, и лишь в одном можно видеть данное значение у формы ед. числа. (См. выше контексты 1–4, где присутствуют явные «локализирующие» признаки – название территории, для которой типичны факты.) Это значение можно видеть и в остальных случаях использования формы мн. числа, где явная локализация отсутствует, но значение разделительной множественности достаточно очевидно. Ср.:

(27) ...в обоих случаях речь идет об оперировании с довольно глобальными категориями и **комплексными реальностями**.

(28) *Раньше можно было сколь угодно не любить Маркса и Ленина и скептически пожимать плечами по поводу советских и впрямь немалых идиотизмов. Можно было свободно искать свою смысловую территорию, опираясь на собственное понимание предельных вопросов и личное со-ответствие **предельным реальностям**.*

(29) *Отдавая дань Современности с ее сухими и выверенными подходами к сфере, прячущей в себе **тонкие реальности** человеческого бытия, мы называем это особое качество «культурными кодами».*

Поскольку при реализации двух других значений однозначных случаев использования мн. числа не встречено, эту форму можно считать эксплицитным признаком выражения у слова *реальность* третьего значения.

Особенности употребления слова «реальность» на фоне китайского языка

Как отмечает М. Б. Ташлыкова, специфические различия между языками проявляются не только в лексике, в «степени дробности» лексического представления той или иной предметной области, но и в тех возможностях, которые предоставляет язык в повышении коммуникативной значимости тех или иных компонентов сообщения, т. е. «степени коммуникативной дробности»: «“Избыточность” отвлеченных имен демонстрирует другую ипостась лексической разработанности, а именно – степень “коммуникативной дробности”, степень внимания к участникам ситуации, которую может позволить себе один или другой язык» [Ташлыкова 2013: 263].

Сопоставительный анализ показывает, что при переводе на китайский язык три значения у слова *реальность*, описанные выше, переводятся не одной лексической единицей, а разными языковыми средствами.

Как показывает анализ, предложения со словопотреблением *реальность* в чисто синтаксической функции переводятся на китайский предложениями, где соответствующий признак сохраняет позицию предиката, пусть и второстепенного, дополнительного. При этом в зависимости от контекста в переводе можно использовать предикаты с разными лексическими значениями, такие как *现实* 'действительный', *实际* 'практичный', *可行* 'осуществимый', а также *真实* 'настоящий / правдивый', которые в русском языке свойственны одному прилагательному *реальный*. Ср.:

1. Реальность либерализма <i>и идеологии либерализма стала очевидной</i>			
自由主义	与自由意识	已	成为现实
либерализм	и идеология либерализма	уже	стать действительный
这一事实	已	日渐显露。	
этот факт	уже	стать очевидным	
2. Шахназаров прямо говорил о реальности такой перспективы			
	直白地	表示	
Шахназаров	прямо	говорить	
	这一设想	终将成为现实。	
	такая перспектива	стать действительный	

Использование более конкретных лексических средств при передаче русского корня *реальность* не говорит о большей лексической разработанности и дробности отражаемого им понятия в китайском языке, поскольку в русском языке *реальный* тоже имеет много более конкретных синонимов. Здесь имеет место такое межъязыковое различие, как наличие / отсутствие в языке более обобщенной, абстрактной единицы наряду с более конкретными. В русском языке такая единица возникла в результате западноевропейского заимствования.

Итак, данные примеры показывают, что для китайского языка не характерна функция пропозитивного насыщения с помощью словообразовательной транспозиции. Это свидетельствует и о меньшей коммуникативной дробности китайского языка по сравнению с русским. Адъективная транспозиция позволяет русскому слову *реальность* свободно сочетаться с именами действия. Для китайского же языка именные группы такого типа не характерны, поэтому их перевод представляет особые сложности. Определив, что русское слово *реальность* выступает в транспозиционной функции, переводчик должен изменить синтаксическую конструкцию, «вернув» признак в предикатную позицию. Ср.:

3. ...если веришь в реальность <i>получения этих прибылей</i>				
如果	你相信	这些利润	真的	可以获取
если	ты веришь	эти прибыли	реальный	можно получить
4. ...обеспечить... реальность его исполнения...				
保证		(预算的)	实际执行。	
обеспечить		(бюджет)	реальный исполнить	
5. О реальности приближающейся катастрофы говорит тот факт, что...				
逐步临近的	危机	表现	在如下事实上	
(x) приближаться	катастрофа	отражаться	... в том факте	

Особого комментария требует тот факт, что в китайском языке имена-свойства также могут образоваться с помощью присоединения особой суффиксальной морфемы *性* 'свойство быть' (например, *现实* 'действительный' – *现实~性* 'свойство быть действительным'). На первый взгляд, это средство должно образовывать синтаксический эквивалент русского слова *реальность*. Однако анализ показывает, что присоединение данного суффикса не делает позицию признака актантной, т. е. реальная транспозиция отсутствует, но в предикате появляется особый морфемный компонент классифицирующего признака. Ср. возможность двоякого перевода следующего контекста:

6. Правда, в реальность этой истории <i>(в Пушкинском Доме) до сих пор не могут верить</i>				
a)	确实,	人们	至今都	无法相信
	правда	люди	до сих пор	не могут верить
	这个故事	的	真实 + 性。	
б)	эта история	её	действительный + свойство быть	
	确实,	人们	至今都	无法相信
	правда	люди	до сих пор	не могут верить
	这个故事	是	真的。	
	эта история	быть	действительный	

Данные варианты перевода, являясь синонимичными, различаются между собой стилистически – конструкция с производным именем с морфемой *-性* (a1) характерна преимущественно для речи книжного стиля.

При переводе предметного значения слова *реальность* ('реальная жизнь, действительность') на китайский приходится использовать разные лексические единицы, более конкретные по значению и эквивалентные русским сочетаниям со

словами «мир» (世界), «факт» (事实), «жизнь» (生活) и др. Ср.:

7. <i>Может быть, в нашей постперестроечной реальности не все так определено</i>			
或许	在重建期以后的	现实生活中...	
может быть	в постперестроечной	реальной жизни	
8. <i>...где люди окунались в другую реальность...</i>			
这里,	人们	沉浸	在另一个世界中。
тут	люди	окунались	在 другой мир

Такая ситуация связана с тем, что, что пред-метное значение русского слова *реальность* включает в себя носителя признака с очень абстрактным значением – ‘все, реально окружающее человека’. Эта абстрактность достигается за счет метонимического переноса, в результате которого признак именуется по его свойству и может не конкретизироваться. Для перевода контекстов такого типа, в которых слово *реальность* выступает как субститут словосочетания, в китайском языке необходимо «раскрывать» эти словосочетания и указывать компоненты, определяемые мотивирующим прилагательным *реальный* (мир, жизнь, факт, практика и др.).

Третье значение слова *реальность* (‘реалия / реалии’) также не имеет в китайском языке переводного лексического эквивалента и должно передаваться описательно. В контексты, где оно реализуется, нужно вводить дополнительные атрибуты с семантикой раздельной множественности и специфичности, что бывает сделать достаточно сложно. Ср.:

9а. <i>Реальности СССР заставляли граждан западных стран ценить свободу и демократию</i>				
苏联的特色情况	使	西方国家公民	开始珍惜	自由与民主。
советские уникальные факты	заставлять	граждане западных стран	стать ценить	свобода и демократия
9б. <i>Канадцы очень горды принадлежностью к своей стране, однако плохо осведомлены о ее политических реальностях и ее истории</i>				
加拿大人	十分骄傲于	自己的祖国,	然而	
канадцы	очень горды	своя страна	однако	
对本国的政治事件	与历史		却了解甚少。	
о реальных политических событиях в стране	и ее истории		плохо осведомлены	

Итак, проведенный анализ употреблений слова *реальность* в газетных текстах показал, что это слово выступает здесь прежде всего в номинатив-

ной функции, а не в функции синтаксического деривата, а также выявил некоторые контекстуальные признаки, позволяющие определить, в каком из значений выступает это частотное полисемичное слово. Эти признаки очень важны для целей обучения и перевода, поскольку русские слова на *-ость* представляют собой, несмотря на их кажущуюся регулярность, достаточно сложный с семантической точки зрения тип лексем. В частности, как показывает сопоставление употреблений слова *реальность* с их китайскими переводами, трудность представляет такая специфическая особенность русских слов на *-ость*, как совмещение у них чисто синтаксической (конструктивной) функции и номинативной. Она требует умения различать эти два вида функций в тексте и хорошего знания типа носителя признака, который может быть назван словом на *-ость*.

Список источников

Компьютерный корпус текстов русских газет конца XX-го века. URL: <http://www.philol.msu.ru/~lex/corpus/> [закрытый доступ] (дата обращения: 01.07.2020).

Список литературы

Арутюнова Н. Д. Предложение и его смысл. Логико-семантические проблемы. М.: ЛИБРОКОМ, 2018. 384 с.

БТС – Большой толковый словарь русского языка / гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 1998. 1534 с.

Даль В. И. Толковый словарь русского языка: Современная версия. М.: ЭКСМО-Пресс, 2000. 735 с.

Дмитриев – Толковый словарь русского языка / под ред. Д. В. Дмитриева. М.: АСТ, Астрель, 2003. 1584 с.

Ефремова Т. Ф. Современный толковый словарь русского языка: в 3 т. М.: Изд-во АСТ, 2006.

Колшанский Г. В. Контекстуальная семантика / отв. ред. Ю. С. Степанов. Изд. стер. М.: ЛИБРОКОМ, 2020. 150 с.

Курилович Е. Очерки по лингвистике. Сборник статей. М.: Изд-во иностр. культуры, 1962. 456 с.

Мельчук И. А. Курс общей морфологии. Т. II / пер. с фр. под общей ред. Н.В. Перцова, Е. Н. Саввиной. М.; Вена: «Язык русской культуры», Венский славистический альманах, 1998. 545 с.

Ожегов – Толковый словарь русского языка / под ред. С. И. Ожегова. М.: Мир и образование: Оникс, 2012. 1376 с.

Ташлыкова М. Б. Семантические этюды о «синтаксической деривации». Иркутск: Изд-во ИГУ, 2013. 277 с.

Ушаков – Толковый словарь русского языка / под ред. Д. Н. Ушакова. М.: Дом Славянской книги, 2017. 960 с.

Шведова – Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / отв. ред. Н. Ю. Шведова. М.: Азбуковник, 2011. 1175 с.

References

Arutyunova N. D. *Predlozhenie i ego smysl. Logiko-semanticheskie problemy* [The sentence and its meaning. Logical and semantic issues]. Moscow, LIBROKOM Publ., 2018. 384 p. (In Russ.)

BTS – *Bol'shoy tolkovyy slovar' russkogo yazyka* [The large explanatory dictionary of the Russian language]. Ed. by S. A. Kuznetsov. 1st ed. St. Petersburg, Norint Publ., 1998. 1534 p. (In Russ.)

Dal' V. I. *Tolkovyy slovar' zhivogo velikoruskogo yazyka: v 4 t.* [The explanatory dictionary of the living great Russian language in 4 vols.]. Moscow, Russian Language Publ., 2000. 779 p. (In Russ.)

Dmitriev – *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka* [The explanatory dictionary of the Russian language]. Ed. by D. V. Dmitriev. Moscow, AST, Astrel' Publ., 2003. 1584 p. (In Russ.)

Efremova T. F. *Sovremennyy tolkovyy slovar' russkogo yazyka: v 3 t.* [The modern explanatory dictionary of the Russian language. In 3 vols.]. Moscow, AST Publ., 2006. (In Russ.)

Kolshanskiy G. V. *Kontekstual'naya semantika* [Contextual semantics]. Ed. by Yu. S. Stepanov. Ste-

reotyped edition. Moscow, LIBROKOM Publ., 2020. (In Russ.)

Kuryłowicz Jerzy. *Ocherki po lingvistike. Sbornik statey* [Essays on linguistics. Collection of articles]. Moscow, Foreign Languages Publ., 1962. 456 p. (In Russ.)

Mel'čuk I. *Kurs obshhey morfologii* [The course in general morphology]. Transl. from French. Ed. by N. V. Pertsov and E. N. Savvina. Moscow, Vienna, LRC Publishing House, Vienna Slavic Almanac Publ., 1998. 545 p. (In Russ.)

Ozhegov – *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka* [The explanatory dictionary of the Russian language]. Ed. by S. I. Ozhegov. Moscow, Mir i obrazovanie: Oniks Publ., 2012. 1376 p. (In Russ.)

Tashlykova M. B. *Semanticheskie etyudy o 'sintaksicheskoy derivatsii'* [Semantic sketches on syntaxis derivation]. Irkutsk, Irkutsk State University Press, 2013. 277 p. (In Russ.)

Ushakov – *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka* [The explanatory dictionary of the Russian language]. Ed. by D. N. Ushakov. Moscow, Dom slavyanskoy knigi Publ., 2017. 960 p. (In Russ.)

Shvedova – *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka s vklyucheniem svedeniy o proiskhozhdenii slov* [The explanatory dictionary of the Russian language with etymological information]. Ed. by N. Yu. Shvedova. Moscow, Azbukovnik Publ., 2011. 1175 p. (In Russ.)

CHARACTERISTICS OF THE POLYSEMIC NOUN «REAL'NOST'» IN RUSSIAN NEWSPAPER TEXTS

Zhang Shuchun

Postgraduate student in the Department of Russian Language

Lomonosov Moscow State University

1, Leninskie gory, Moscow, 119001, Russian Federation. shushu8522@mail.ru

SPIN-code: 9144-5250

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-5145-2774>

Submitted 17.07. 2020

In this paper, the abstract noun *real'nost'* is studied based on the newspaper texts included in the electronic corpus 'Russian Newspapers of the End of the 20th Century', developed by the Laboratory for General and Computational Lexicology and Lexicography, Lomonosov Moscow State University. The studied word, as well as other polysemic nouns formed with the productive suffix *-ost'*, may obtain regular concrete meanings besides the meaning of abstract attribute. Due to the polysemic nature of this particular type of nouns, contexts play a rather significant role in understanding and studying them. The purpose of the paper is to identify the semantic and contextual characteristics of the given noun while being used in different meanings in newspaper texts. Based on the corpus data, we have revealed the most frequently used meaning of the word and the contextual characteristics of each particular meaning. The study has shown that in Russian newspaper texts created in the late 20th century, the concrete meaning of the word *real'nost'* demonstrates a considerably higher usage frequency than its abstract meaning. The noun also developed a third meaning, as a result of which it can be used in the plural form. In addition, the studied word has been analyzed in a comparative perspective. When it is used in the position of the subject or an actant in original texts in Russian, its abstract meaning can only be expressed by predicates or attributes (subordinate clauses) in Chinese. This proves that the Russian language has a comparatively higher level of 'communicative fragmentation', which is mainly based on nouns formed with the suffix *-ost'*.

Key words: nouns formed with *-ost'*; deadjectival nominalization; regular polysemy; contextual semantics; syntactic derivation; word-formation type.

ЛИТЕРАТУРА В КОНТЕКСТЕ КУЛЬТУРЫ

УДК 821.111
doi 10.17072/2073-6681-2021-1-73-82

СПОСОБЫ И ПРИЕМЫ МИФОЛОГИЗАЦИИ В РОМАНЕ С. РУШДИ «ЗЕМЛЯ ПОД ЕЕ НОГАМИ»

Екатерина Владимировна Васильева
к. филол. н, доцент кафедры русского языка,
современной русской и зарубежной литературы
Воронежский государственный педагогический университет
394043, Россия, г. Воронеж, ул. Ленина, 86. vevvrn@mail.ru
SPIN-код: 8859-5329
ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-5455-7910>
ResearcherID: Y-7542-2018

Статья поступила в редакцию 17.09.2020

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Васильева Е. В. Способы и приемы мифологизации в романе С. Рушди «Земля под ее ногами» // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2021. Т. 13, вып. 1. С. 73–82. doi 10.17072/2073-6681-2021-1-73-82

Please cite this article in English as:

Vasiljeva E. V. Sposoby i priemy mifologizatsii v romane S. Rushdi «Zemlya pod ee nogami» [Methods and Techniques of Mythologization in S. Rushdie's Novel 'The Ground beneath Her Feet']. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2021, vol. 13, issue 1, pp. 73–82. doi 10.17072/2073-6681-2021-1-73-82 (In Russ.)

Анализируются способы и приемы мифологизации в романе британского писателя индийского происхождения С. Рушди «Земля под ее ногами». Исследуется повествовательная организация романа, в котором используются образы и мотивы античной мифологии в качестве особого символического кода для художественного осмысления европейской культуры второй половины XX в. В статье рассматривается художественная реальность романа, в которой наблюдается сопряжение современной легендарной истории рок-культуры и классической мифологии Древней Греции в духе постмодернистской игры и мистификации. Проблемы, связанные с природой творчества, особенностями творческой индивидуальности, вопросы взаимосвязи искусства и общественной жизни, соотношения реальности и вымысла, фантазии С. Рушди актуализирует, используя в качестве основных сюжетобразующих мотивов такие мифологемы, как история любви Орфея и Эвридики, миф о всепожирающем Тартаре, близнецные мифы. В статье показывается, что характерными приемами для создания выразительного объемного многозначного образа в романе Рушди становятся игровое соединение реальных фактов из мира рок-культуры и нанизывание мифологических аллюзий, переплетение, наложение и столкновение различных мотивов и сюжетов греческой мифологии, что и служит порождению оригинальной художественной реальности. В статье анализируется, как миф об Орфее и Эвридике в романе Рушди обретает культурное измерение, какие приемы использует автор, чтобы активизировать обширную культурную память орфического мифа. Сгущение и интерпретация знаковых образов и мотивов античной мифологии используются в романе для художественного анализа состояния культуры второй половины XX в. и ее попыток противостоять катастрофическим тенденциям разрушения и гибели современной цивилизации.

Ключевые слова: миф; С. Рушди; «Земля под ее ногами»; орфический миф; античная мифология; интертекстуальность.

Неомифологизм, или ремифологизация, является одной из важнейших характеристик культуры XX в., ее общественного сознания, искусства и литературы (см. [Аверинцев 1987, Мелетинский 1995, Руднев 1997]). Символическая многозначность мифа, его универсальность способствуют использованию мифологических образов и мотивов в качестве инструмента организации художественного обобщения в литературном творчестве, направленном на репрезентацию многоликой реальности XX в., во многом катастрофичной и трагической, ошеломляющей своей новизной и динамикой.

Одним из ведущих принципов организации повествовательной структуры в романе «Земля под ее ногами» (*The Ground Beneath Her Feet*, 1999) британского писателя индийского происхождения С. Рушди является мифоцентричность, которая реализуется в использовании образов и мотивов античной мифологии как особого символического кода для художественного осмысления европейской культуры второй половины XX в. В центре внимания автора романа проблемы, связанные с природой творчества, особенностями творческой индивидуальности, вопросы взаимосвязи искусства и общественной жизни, соотношения реальности и вымысла, фантазии.

Читателю предлагается история любви и творчества, жизни и смерти вымышленных персонажей, талантливого гитариста, рок-музыканта Ормуса Камы и харизматичной певицы Вины Апсары. Действие романа охватывает промежуток времени с момента рождения героев до их смерти, описывается их становление как музыкантов, создавших знаменитую рок-группу VTO, что определило их огромную славу и бессмертие в искусстве. Место действия в романе: Бомбей – детство и юность героев, Англия 60-х гг. – возникновение группы и обретение популярности, США 70–80-х гг. – слава и признание творческих заслуг, Мексика – место трагедии, гибели главной героини во время землетрясения.

Повествование ведется от имени героя-рассказчика фотожурналиста Умида Мерчанта по прозвищу Рай. Являясь другом и соперником Ормуса Камы, другом и тайным любовником Вины, Умид Мерчант в своем рассказе, который носит во многом характер размышления и исповеди, пытается понять суть отношений Ормуса и Вины, понять природу их творчества, отыскать смысл в их жизни и смерти. Он также стремится освободиться от оков прошлого, пережить болезненную утрату любимой женщины и при этом сохранить ее живой образ.

С. Рушди в романе создает особую художественную реальность, которую можно обозначить как альтернативную историю, т. е. во мно-

гом обладающую качествами и приметам реальной действительности Индии, Западной Европы и США XX в. и при этом отличающуюся в некоторых деталях, которые описываются как реальные факты. Постмодернистская игра и мистификация, художественная подтасовка фактов общественной, политической и культурной истории позволяют автору создать мир, в котором после покушения Кеннеди остался жив, а Никсон так никогда и не стал президентом, знаковые произведения литературы XX в. написаны не их авторами, а их героями, а знаменитые рок-хиты были созданы не Элвисом Пресли и Джоном Ленноном, а бомбейским певцом и музыкантом Ормусом Камой. В создании фантастической реальности романа большую роль играют мифологические образы и мотивы, преимущественно древнегреческой и индуистской мифологий, которые могут присутствовать как сюжетообразующие и композиционные элементы, использоваться для характеристики героев и ситуаций.

Многие отечественные и зарубежные исследователи художественное творчество С. Рушди относят к направлению «магический реализм» [Братухина 2019, Ananth 2017, Clark 2001, Kluwick 2011, Reeds 2006, Teverson 2003]), характерной чертой которого является мифоцентричность. В романе «Земля под ее ногами» делается акцент на использовании образности именно античной мифологии. Активное присутствие образов греческой мифологии имеет мотивировку на уровне фабулы. Изучением античной мифологии увлечен отец главного героя сэр Дарий Ксекс Кама. Сэр Дарий, парс по происхождению, выпускник Кембриджского университета, англофил и противник борьбы за независимость Индии, является представителем той части индийской интеллигенции, которая была ориентирована на Запад. В романе есть каламбурное определение этого персонажа – «аполлониец с Аполлобандер» [Рушди 2008: 36]. С юности увлеченный солярной теорией Мюллера, а впоследствии и сравнительными идеями Ж. Дюмезиля, он занимается сравнительными штудиями, выискивая параллели в индоевропейских мифологиях, которые характеризуются как попытки «навести мосты между мифологиями Востока и Запада» [там же: 622]. Увлечение античностью Дария Камы сыграло решающую роль в выборе имени сына: имя верховного божества зороастрийского пантеона Ахурамазда превращается в латинизированное Ормус. Таким образом, имя главного героя приобретает символический смысл: оно объединяет имя Ормус (Ахурамазда), буквально «господь мудрый», и фамилию Кама, имя бога любви в индуистской мифологии, – что предпо-

лагает символическое соединение духовного и чувственного начал, а также традиций западной и восточной культур. Ви Ви Мерчант, архитектор и хороший знаток истории Бомбея, замечает: «Греческие боги, как и все остальные, время от времени завоевывали Индию» [Рушди 2008: 79].

Герой-рассказчик, Умид Мерчант, после смерти Дария Камы купит его квартиру на Аполло-бандер и станет владельцем богатой библиотеки, отсюда его прекрасное знание античной мифологии. Умид, человек рациональный, приверженец факта, испытывающий недоверие к мистицизму и не признающий сверхъестественное, тем не менее, использует язык мифа, чтобы рассказать о том, что трудно поддается пониманию и рациональному анализу: «Любовь Ормуса и Вины, больше, чем что-либо другое в моей жизни, приблизило меня к пониманию мифического, сверхъестественного, божественного» [там же: 717]. Миф помогает Умиду поведать о существенных моментах жизни и культуры, которые трудно поддаются вербализации: о любви и смерти, о тайнах творчества и вдохновения. Исповедальная рефлексия Умида больше похожа на литературное творчество, которое реальный факт осмысляет с помощью воображения, ассоциативных метафор. Говоря о себе, Умид иронически замечает: «...единственный акт веры, на который я способен, – это полет творческого воображения, литературный вымысел, не притворяющийся достоверностью и потому в итоге говорящий правду» [там же: 152].

Активное использование в произведении античных мифологем, которые являются неотъемлемой частью европейского культурного сознания, создает особый контекст для описания современных событий: жизни и смерти, творческого становления и успеха вымышленных героев. Культурный феномен современной музыки, претендующий на новый миф второй половины XX в., рок-н-ролл, а также его божества, рок-звезды, предстают в образах и одеждах древнегреческой мифологии. Рушди выбирает особый способ типизации при создании образов главных героев: их биографии создаются с помощью коллажа событий из жизни реальных рок-музыкантов. Наличие умершего брата-близнеца у Ормуса Камы взято из биографии Элвиса Пресли, парсийское происхождение Ормуса – отсылка в сторону Фредди Меркьюри (урожденного Фарруха Балсара), а смерть от руки фанатичной поклонницы позволяет вспомнить о гибели Джона Леннона. Соединяя в себе черты реальных прототипов, главный герой наделяется свойствами и характеристиками мифологических персонажей, таких как бог любви Кама и древнегреческий музыкант Орфей. Черты «дрянной

девчонки» Дженис Джоплин и скандальный эксгибиционизм Мадонны, эпизоды реальных биографий накладываются на матрицу древнегреческих мифологем и при создании образа Вины Апсары. Рай, пытаясь передать в своем рассказе многогранную личность Вины, которая и для него оставалась неразгаданной тайной («Эта женщина была совершенно непостижимой, необъяснимой, она была моим окном в неизвестное» [там же: 616]), несмотря на то, что они были знакомы с детства и поддерживали отношения почти до самой смерти героини, прибегает к различным сравнениям, основанным на античной и индуистской мифологии. «А история Вины, в которой слышатся отголоски древних сказаний о Елене, Эвридике, Сите, Рати и Персефоне, – невероятная история Вины, которую я, как это мне свойственно, спешу поведать кружным путем, несомненно, была трагична» [там же: 75]. Постоянное, настойчивое, если не сказать навязчивое, сопоставление героев рок-музыкантов с богами и персонажами индуистской и античной мифологий, гиперболизация их качеств, возможностей, потрясающего творческого успеха предпринимается автором для создания иллюзии включенности Вины и Ормуса в пантеон небожителей, что подчеркивает их исключительность и избранность.

Одно из устойчивых сопоставлений – это сравнение героини с Еленой Троянской, в европейской культуре олицетворяющей красоту, перед которой безоружны окружающие, и одновременно угрозу миру. Свою первую встречу с Виной Рай описывает не без иронии через призму мифа о яблоке раздора и выборе Париса: девятилетний Рай на пляже дарит яблоко поразившей его юной Вине, проигнорировав ее младших родственниц. При этом рассказчик замечает: «Тогда я не знал (хотя мог бы догадаться), что высокая девочка – не сестра двум младшим, что в окружении Пилу она играет роль скорее Золушки, чем Елены, или причудливо совмещает эти роли, будучи своего рода Золушкой Троянской» [там же: 88]. Красота и харизматичность Вины постоянно привлекают мужское внимание, а впоследствии грандиозный успех и зачастую скандальная слава певицы будут вызывать неоднозначную реакцию публики. «Этот маленький город стал ее первой Троей. Бомбей станет второй, а вся оставшаяся жизнь – третьей; и куда бы она ни явилась, там тотчас начиналась война. Мужчины сражались за нее. Она тоже была в своем роде Еленой» [там же: 136]. Воспоминание о красивой груди Вины вызывает в воображении Рая эпизод мифа о Елене, которая, обнажив грудь, остановила меч Менелая, готового покарать неверную жену. А дальше, следуя за чередой ассоциаций, рассказчик задается вопросом:

«Показала ли ты свою грудь землетрясению, Вина, обнажила ли ты ее перед богом штормов? Почему ты не сделала этого, – если бы ты сделала, ты могла бы выжить, ты наверняка бы выжила!» [Рушди 2008: 575]. Чтобы подчеркнуть бессознательно чувственное, стихийно иррациональное начало в натуре героини, ее стремление к свободе, Рай использует дионисийские образы, называя ее «женской ипостасью Диониса», «первой вакханкой» [там же: 79].

Молодые люди, Ормус и Вина, лишённые родительской любви, испытывающие одиночество и неприязнь со стороны родственников, находят опору друг в друге. Для характеристики взаимодействия героев в процессе личностного становления в романе используется отсылка к мифу о Пигмалионе, при этом Ормус и Вина выступают как в образе Пигмалиона, так и Галатеи. «Они встречаются, шепчутся о чем-то, кричат друг на друга и создают друг друга. Каждый из них Пигмалион, оба – Галатеи. Они единое целое в двух телах: мужчина и женщина, созданные друг другом. <...> Оба они были разрушены, оба воссоздают разрушенное» [там же: 182]. После своей гибели Вина ассоциируется с Персефоной, занимает трон царицы подземного мира. Таким образом, характерным приемом для создания выразительного объемного многозначного образа в этом романе Рушди становится игровое соединение реальных фактов из мира рок-культуры и нанизывание мифологических аллюзий, переплетение, наложение и столкновение различных мотивов и сюжетов греческой мифологии, что и служит порождению оригинальной художественной реальности.

В качестве основных сюжетобразующих мотивов используются такие мифологемы, как история Орфея и Эвридики, миф о всепожирающем Тартаре, близнечные мифы (Кастор и Полидевк), миф о мести Медеи и о похищении Прометеем божественного огня, миф об аргонавтах. Наша работа не претендует на исчерпывающий анализ всех присутствующих в романе мифологем. Некоторые из них уже освещались в работах отечественных литературоведов (см. [Королева 2014, 2018; Струкова 2016; Чанцев 2009]). Мы сосредоточили наше внимание на механизмах, способах и приемах мифологизации повествования Рушди, которые характерны для использования автором античных мифологем.

На уровне фабулы в романе присутствуют основные события орфического мифа: это и любовь талантливого музыканта Орфея-Ормуса к его прекрасной жене Эвридике-Вине, сначала бегство Вины из Бомбея в Англию, а потом ее гибель в результате землетрясения соотносятся с уходом Эвридики в подземный мир, неудавшаяся

попытка Ормуса вернуть свою возлюбленную музыкой и творчеством через двойников Вины – с попыткой Орфея вывести Эвридику из царства Аида, и наконец, гибель Ормуса в результате выстрела его поклонницы – с эпизодом растерзания Орфея вакханками.

Миф об Орфее и Эвридике задает главные темы романа: тема преодоления разрушения и смерти силами любви и творчества возникает уже с первых строк произведения. В формулировке рассказчика: «Музыка, любовь, смерть. Несомненно, тот еще треугольник, может быть, даже вечный» [Рушди 2008: 32]. Повествование вызывает мучительные воспоминания у героя-рассказчика, заставляет заново пережить его боль утраты, поэтому сам процесс вербализации произошедшего сравнивается со спуском в преисподнюю («И вот я стою у языкового инферно; лающий пес и паромщик ждут; под языком у меня монета – плата за переправу» [там же: 31]). Именно Умид, хороший знаток античной мифологии, сравнивает Ормуса с Орфеем, Вину – с Эвридикой, а себя – с Аристеем. В главе «Повелитель пчел» герой-рассказчик упоминает вариант мифа об Орфее в трактовке Вергилия, представленный в 4-й песне «Георгик», где появляется Аристей-пасечник, преследующий Эвридику, которая, убегая, наступила на змею и умерла. Умид использует в повествовании ту версию мифа, которая предполагает наличие в истории любви Орфея и Эвридики третьего персонажа, соперника Орфея, с точки зрения Рая, не менее значимого, таким образом, определяя свое место в любовном треугольнике. «Вергилий необычно трактует историю Орфея <...> Настоящий герой его поэмы – пасечник, «пастух-аркадиец», способный совершить чудо, далеко превосходящее искусство несчастного фракийского певца, который даже не смог вернуть из царства мертвых свою возлюбленную» [там же: 31–32].

Название романа “The Ground Beneath Her Feet” рефрен из песни Ормуса, в которой есть слова: *All my life, I worshipped her. Her golden voice, her beauty's beat. How she made us feel, how she made me real, and the ground beneath her feet* [Rushdie 2000: 552]. («Я боготворил ее всю жизнь. Ее золотой голос, биение красоты. Боготворил за то, что она разбудила наши чувства, сделала меня настоящим, – и землю под ее ногами. / А теперь я не уверен ни в чем, черное – это белое, холод – это зной, ведь то, чему я поклонялся, украло мою любовь, – земля под ее ногами. / <...> Иди же легко своей темной дорогой, найди свой легкий путь под землю, я буду там через день с тобою, – пока не найду тебя, не успокоюсь. / Позволь любить тебя преданно, позволь спасти тебя, позволь повести туда, где встречаются два пути. О, вер-

нись наверх, здесь только любовь – земля под твоими ногами» [Рушди 2008: 594]).

В самой песне обыгрывается мотив пространственной инверсии, амбивалентности образа земли. Как в песне, так и в самом романе этот образ строится на любимом приеме Рушди – «мерцании», одновременном использовании конкретного, прямого и метафорического, условно-символического смыслов. Поэтому в романе образ земли носит многозначный характер – это родина, родная земля, почва, опора, а также образ разламывающейся земли, бездонный зевок Тартара – это земля, уходящая из-под ног во время землетрясения, и символ, который передает атмосферу ненадежности окружающей реальности в эпоху холодной войны, образ приближающейся мировой катастрофы.

Основная тема песни – мотив спасения возлюбленной из подземного мира – это лирический символ всего произведения. Использование мифа об Орфее в романе во многом носит зеркальный характер. Не только Ормус, но и Вина обладает орфическим даром. Вина, талантливая певица и харизматичная личность, выступает в определенные моменты по отношению к Ормусу Каме в качестве Орфея. Она помогает обрести юноше голос и свою творческую индивидуальность советом петь свои песни, именно она своим появлением в Англии выводит героя из комы, в которую он впадает после автокатастрофы. Феминистка и активный борец за права женщин, Вина не может принять пассивную и страдательную роль Эвридики. В разговоре с Раем героиня с негодованием замечает:

«– Всегда есть мужик, который дергает за ниточки. <...> Мужчина создан для власти, а женщина – для боли. ...Орфей остается в живых, а Эвридика погибает, так ведь?»

– Да-а, но и ты тоже Орфей, – начинаю я. – Это твой голос заставляет зачарованные камни городов стремиться в синеву. Он заставляет танцевать городские огни. Ogaia phone, лучший голос... это твой голос, а не его. И в то же время именно он погружается в этот свой потусторонне-подземный мир, и кто-то должен его спасти» [Рушди 2008: 575–576].

Зеркальная интерпретация орфического мифа подкрепляется упоминанием сюжета из древнеиндийской мифологии о богине Рати, которая спасла своего мужа бога любви Каму из объятий смерти. После его смерти Рати «обратилась с мольбой к Шиве, прося вернуть ему жизнь <...> В этом вывернутом наизнанку мифе об Орфее именно женщина возвала к божеству и вернула Любовь – саму Любовь! – обратно из царства мертвых <...> Так и Ормуса Каму, лишённого любви своих родителей, которых ему не удалось

пронзить стрелой любви, увядавшего без тепла, возвратила в мир любви Вина» [там же: 182].

Миф об Орфее и Эвридке в романе Рушди имеет и культурное измерение, обширную культурную память, которая активизируется автором. Самые различные семантические оттенки и нюансы орфического мифа задаются включением аллюзий и реминисценций из произведений западноевропейского искусства, дающих авторскую интерпретацию этого мифа.

Строки Р. М. Рильке из «Сонетов к Орфею» становятся эпиграфом романа. Эти строки задают тему музыкального творчества и позволяют автору соотнести современного рок-музыканта, который в своем творчестве использует волшебство синтеза слова и мелодии, с мифическим героем. Ормус, поэт и музыкант XX в., характеризуется как легендарный древнегреческий герой: «В музыке он был волшебником, его мелодии заставляли улицы пускаться в пляс, а высотные здания – раскачиваться с ними в унисон; он был золотым трубадуром, чьи неровные поэтические строки были способны отворить врата ада...» [там же: 111].

Стихотворение Рильке «Орфей, Эвридика, Гермес» задает тему забвения: поглощенная смертью Эвридика (читаем у Рильке: «Она была полна своей смертью», «успела стать она подземным корнем» [Рильке. Электронный ресурс]) забывает о радостях земной жизни, о своей любви и о самом Орфее. В романе прямая цитата из стихотворения Рильке и комментариев к ней выступают как иллюстрация боли и страха Ормуса, который, потеряв любовь, постепенно утрачивает живой образ Вины, под натиском лавины информации после ее смерти, когда начинается канонизация Вины в качестве рок-идола. «И его мучает еще более страшная мысль: возможно ли, что опускаясь все глубже в пропасть, скрываясь под лавиной версий, входя в залы подземного мира, чтобы занять место на мрачном троне, – возможно ли, что она забывает его?» [там же: 624].

Тема смелости и трусости влюбленного, которые реализуются в готовности или неготовности Орфея окончательно последовать за своей возлюбленной в царство смерти, т. е. покончить жизнь самоубийством, задается диалогом Платона «Пир» и возникает в перекликающихся между собой эпизодах. Первый эпизод – это самоубийство отца Рая, Ви Ви Мерчанта, после скоропостижной смерти любимой жены. Комментирование и интерпретация художественной репрезентации орфического мифа по отношению к поступку отца становится одним из способов саморефлексии героя-рассказчика: «Любовь больше, чем смерть, или сама – смерть. Некоторые считают,

что песенный мастер Орфей был трусом, потому что не захотел умереть ради любви, не последовал за Эвридикой в загробный мир, а вместо этого пытался вытащить ее оттуда назад в жизнь, что противоречило законам природы, поэтому у него ничего не вышло. Если принять эту точку зрения, то мой отец оказался смелее играющего на лире фракийца...» [Рушди 2008: 250]. Но заканчивается этот пассаж словами, выражающими горькую обиду юноши: «Но Орфей и Эвридика были бездетны. В отличие от моих родителей. Мой отец сделал свой выбор, но жить с этим выбором предоставил мне» [там же: 250]. Этот момент перекликается с эпизодом, где отец Вины обвиняет в трусости Ормуса, который после смерти жены пытается воскресить ее и «всерьез употребляет самые разные наркотики, пытаясь следовать за женой по отмеченным кокаином тропам» [там же: 623], а также ища ее среди многочисленных двойников, зарабатывающих на этом деньги. С грубой откровенностью отец Вины заявляет: «Если он так сильно хочет быть с моей девочкой, почему бы просто по-мужски не выстрелить себе в рот. <...> Тогда уже ничто не разлучит их» [там же: 623]. Далее следует комментарий Рая: отец Вины, «сам того не ведая, повторяет мысли Платона» [там же: 623]. Конкретные события частной жизни Рай осмысляет, пытаясь найти их отражения в зеркале мифа или найти аналогию в широком поле культуры, приобщая свой личный опыт и переживания к универсальному и общечеловеческому.

В романе приводится непосредственная цитата из Платона и комментарий рассказчика, в котором не только дается оценка поведения Ормуса, но и формулируется возможность художника преодолевать границы: «Орфей, презренный кифаред, певец, играющий на лире, или, скажем так, гитарист-хитрец, использующий музыку и всевозможные уловки, чтобы пересечь границу между Аполлоном и Дионисом, человеком и природой, правдой и иллюзией, реальностью и воображением, даже между жизнью и смертью, явно не нравился суровому Платону» [там же: 623]. Мотив способности музыканта, художника преодолевать границу между зримым и невидимым, жизнью и смертью, мирами реальным и вымышленным, который является основной лирической темой шестого сонета из вышеупомянутого цикла Рильке, воплощается в мистической способности Ормуса проникать в параллельный, другой мир. Реминисценции и прямое цитирование произведений западноевропейских модернистов (Рильке, Валери), интерпретирующих орфический миф, не случайны в романе Рушди. В творчестве поэтов и драматургов (Ж. Кокто, Ж. Ануи) первой половины XX в.

Орфей, легендарный поэт и прорицатель, выступает в качестве символического универсального образа, воплощающего уникальные возможности человека, обладающего творческим даром, его возможности в постижении невидимой, духовной сущности мира.

Опираясь на идеи философии орфиков (наличие телесного и духовного начал в человеческой природе), а также используя категории дионисического и аполлонического, наиболее наглядно сформулированные в трудах Ф. Ницше, Рушди выстраивает личностную и творческую судьбу главного героя как сложное взаимодействие, а затем постепенное преодоление иррационально-чувственного начала собственной природы и торжество рационально-духовного.

В романе также присутствует соотношение дионисийского и титанического в человеке («...Ормуса интересует все то, что говорит о двойственной природе человека. Титаническое и дионисийское начала в нем, его земная и божественная природа» [Рушди 2008: 180]), которые определяют самобытность художника. Способность к творчеству рассматривается как амбивалентное качество человека. С одной стороны, вдохновение, способность с помощью воображения преобразовывать реальность, творческий процесс – это результат выхода художника за пределы индивидуального опыта, соприкосновение с беспредельными тайнами мира, что ведет непременно к расплате, мукам Прометея, укравшего огонь у богов. С другой стороны, творческий потенциал, искусство, создаваемое художником, поэтом, музыкантом, – это то, что в некоторой степени уравнивает человека с Богом. «Наши творения не уступают Сотворению мира; более того, наше воображение – порождение образов – это неотъемлемая часть великой работы по созданию реальности» [там же: 583]. Этот дуализм художественной деятельности рассматривается в романе как трагическое противоречие, которое накладывает отпечаток на судьбу творца.

Образ музыканта-творца, Ормуса-Орфея, в душе которого борются рассудок и воображение, рационально-духовное и бессознательно-чувственное, в сознании – образы реального и потустороннего миров, опирается на эллинистическое представление об Орфее как воплощении Аполлона и Диониса. В этой связи стоит обратить внимание на характеристику Орфея, данную В. И. Ивановым: «Но кто же, для эллинов, был Орфей? Пророк тех обоих (Аполлона и Диониса. – Е. В.), и большой пророка: их ипостась на земле, двуликий, таинственный воплотитель обоих. Лирник, как Феб, и устроитель ритма (Eurhythmos), он пел в ночи строй звучащих сфер

и вызывал их движением солнце, сам – ночное солнце, как Дионис, и страстотерпец, как он. Мусaget мистический есть Орфей, солнце темных недр, логос глубинного, внутренне-опытного познания. <...> Орфей – начало строя в хаосе; заклинатель хаоса и его освободитель в строе» [Иванов]. Обогащенный новыми культурными смыслами орфический миф включается Рушди в осмысление современного состояния мира и человеческой жизни, взаимоотношений поэта, музыканта, художника и общества.

Основная орфическая тема сопровождается и другими мифологическими мотивами. Для создания образа всепоглощающей любви главных героев, которая находит реализацию прежде всего в творчестве, в романе используются выразительные сравнения и метафоры. Так, героиня не обращает внимание на провокационные вопросы сторонников феминизма, почему она исполняет только песни Ормуса, являясь инструментом и голосом одного мужчины. «Вина игнорирует всех критиков и продолжает свое плавание – могучий галеон в поисках мифического сокровища. Она «Арго», и Ормус плывет на ней. А музыка – это золотое руно, которое они ищут» [Рушди 2008: 487]. На обложке нового альбома VTO “Doctor Love and the Whole Catastrophe” – «обнаженные Ормус и Вина, прикрывшиеся лишь фиговыми листками, подобно греческим статуям, но в черных очках. Словно любовники древних мифов: Амур и Психея, Орфей и Эвридика, Венера и Адонис. Или как современная пара. Он – Доктор Любовь, а она, в таком прочтении, – Полная катастрофа» [там же: 487]. Юл Сингх, продюсер, занимаясь продвижением музыкантов, считает, что «Ормус снова должен стать этим якорем, недвижимым центром ее крутящегося колеса. Если он – камень, рок, она может привести его в движение, roll. Это будет подпитывать его музыку и ее пение, ибо искусство рождается в тайне, в тишине и спокойствии, в то время как поющему голосу нужен простор для полета и восторга толпы» [там же: 442]. Несмотря на все противоречия и разногласия, Ормус и Вина представляют союз аполлонического и дионисийского, рационально-духовного и бессознательно-чувственного начал.

В романе, конечно, присутствует отсылка к опере К.-В. Глюка «Орфей и Эвридика». Перед самым началом страшного землетрясения в Мексике на гасиенде дона Анхеля, местного производителя текилы, исполняются арии из этой оперы. Сама Вина исполняет финальные партии Амура и Эвридики, которые знаменуют счастливый финал, триумфальную победу любви над смертью. Оптимистический финал оперы контрастирует с происходящими далее событиями,

начинающимся страшным землетрясением, в результате которого погибает главная героиня: «Земля, словно аплодируя ей, содрогнулась как раз в тот момент, когда она умолкла» [там же: 20].

Любовь героев воплощается в музыке Ормуса и песнях Вины, которые созвучны времени и выражают чувства миллионов людей. Еще одним героем романа становится рок-музыка, которая определяется как «музыка города, музыка настоящего, для которой не существовало границ, равно принадлежавшая всем...» [там же: 119]. В одной из первых рецензий на роман «Земля под ее ногами» И. Кормильцев, поэт, автор текстов знаменитых хитов «Наутилуса Помпилиуса», знаток рок-культуры, справедливо замечает, что в первом «толстом» романе о современной музыке «рок-н-ролл не только антураж, в котором разворачивается повествование, но и главное действующее лицо» [Кормильцев 2000: 267]. Являясь голосом молодого поколения конца 60–70-х гг., Ормус и Вина выражают его чаяния и надежды, активное недовольство лицемерием правящих кругов и антигуманностью политической и общественной жизни. В песнях VTO выражается протест против социальной несправедливости, бесчеловечной войны в Индокитае, разочарование тех, кто вернулся с нее физическими и нравственными калеками, протест против расизма и колониальной политики. Вышеупомянутая статья И. Кормильцева называется «Орфей спускается в рок». Используя вполне узнаваемую интертекстуальную отсылку к пьесе Т. Уильямса, критик обозначает важную особенность романа Рушди, в котором причудливым образом не только сочетаются реальность и вымысел, но обретают художественный синтез образы и мотивы высокой, классической культуры и низовой, массовой современной культуры: рок-музыка в период своего становления и расцвета (60–80-е гг.) воспринималась как революционная, протестная культура андеграунда. Роман насыщен не только литературными реминисценциями – в нем присутствуют в равной степени аллюзии на реально произошедшие события в области рок-культуры, тексты песен знаменитых рок-групп [Gorra 1999].

Для самого Рушди рок-музыка не только приятное воспоминание о беспокойной юности, но и важное общественное и культурное явление второй половины XX в. Ее ошеломляющую популярность он объясняет следующим образом: «... наверное, грубоватое, искреннее бунтарство рок-н-ролла и объясняет тот факт, почему полвека назад эта странная, примитивная оглушающая музыка завоевала весь мир, преодолев все границы, все языковые и культурные барьеры, став поистине мировым явлением, третьим по счету после двух мировых войн» [Рушди 2010: 361].

Для самих героев романа музыка в личном плане становится способом преодоления детских психических травм, внутреннего разлада, противоречий, рационально-духовного и бессознательно-чувственного, аполлонического и дионисийского начал человеческой природы. Любовь и музыка – способы собирания расколота личности и самореализации героев, момент обретения свободы и собственной значимости, а также залог личного бессмертия. Последний эпизод романа – это телевизионный экран, по которому на разных каналах показывают поющих солистов ВТО, Винну и Ормуса, и удивленное восклицание маленькой девочки: «Я думала, они умерли, а на самом деле они продолжают петь» [Рушди 2008: 718].

Рай, размышляя о популярности музыкантов и певцов в современной культуре, говорит о музыке как об особом таинстве, священнодействии, которое дает возможность человеку преодолеть границы повседневности и материальности, прикоснуться к невыразимому: «Алхимия музыки – такая же тайна, как математика, вино или любовь... Может быть, мы существа, вечно ищущие высшего восторга. Его и так незаслуженно мало в нашей жизни, которая, согласитесь, до боли несовершенна. Песня превращает ее во что-то иное. Песня открывает нам мир, достойный наших устремлений, она показывает нам, какими мы могли бы стать, если бы нас в него допустили» [там же: 29]. В мгновения любви и смерти, творческого восторга и «наслаждения полетом человеческого голоса» – в «эти мгновения вселенная распаивается перед нами, и мы видим мельком то, что невозможно выразить словами» [там же].

Мифологические аллюзии и реминисценции, цитаты произведений, интерпретирующих орфический миф, становятся особым мостиком, разным переходом от повествования о произошедших событиях из частной жизни героев к рассуждению эссеистического характера, к размышлению о состоянии современной цивилизации и культуры, о природе творчества, о влиянии искусства на общественную жизнь. Эссеизм как характерную особенность западноевропейского романа второй половины XX в. выявляет В. А. Пестерев и анализирует на материале романа «Бессмертие» М. Кундеры [Пестерев 1999]. Эссе, которое «берет предмет со многих сторон, не охватывая его полностью», обладает способностью «охватить бытие в многоявленности, запечатлеть жизнь как процесс» [там же: 208]. В своей монографии отечественный литературовед обращает внимание на такие особенности эссе, как открытость всем явлениям человеческой культуры, способность к синтезу этих явлений, неисчпаемость изменяющейся формы. В произведении Рушди мы видим органичный

синтез романно-художественного и эссеистического начал. Повествование Рая о событиях жизни его друзей и о себе самом сопровождаются отступлениями, которые мы условно обозначим как «лирико-эссеистические», отражающие мысли самого автора.

Таким образом, густонаселенная различными персонажами и насыщенная большим количеством многоплановых событий, охватывающих личную, социально-политическую сферу бытия и сферу искусства, художественная реальность романа организуется различными способами мифологизации, которая предполагает сопряжение современной легендарной истории рок-культуры и классической мифологии Древней Греции в духе постмодернистской игры и мистификации. Свой личный опыт и размышления о культуре герой-рассказчик переводит на универсальный язык мифа, что сопоставимо с авторской повествовательной стратегией С. Рушди – поиск устойчивых универсальных культурных ориентиров в ситуации противостояния таким катастрофическим разрушительным тенденциям современной цивилизации, как кризис духовно-нравственных ценностей, угроза уничтожения всего мира в результате военных конфликтов и природных катаклизмов. Синтез знаковых образов и мотивов античной мифологии, которые играют роль сюжетно-композиционной организации, а также интертекстуальные отсылки к художественной интерпретации орфического мифа в поэтических и музыкальных произведениях используются в романе для художественного анализа состояния культуры второй половины XX в. и ее попыток противостоять катастрофическим тенденциям разрушения и гибели современной цивилизации.

Список литературы

Аверинцев С. С. Мифы. Мифологизм в литературе 20 в. // Литературный энциклопедический словарь / под общ. ред. В. М. Кожевникова и П. А. Николаева. М.: Сов. энциклопедия, 1987. С. 224.

Братухина Л. В. Онтология «иноного» мира в контексте поэтики «магического реализма» (по роману С. Рушди «Два года, восемь месяцев и двадцать восемь ночей») // *Мировая литература в контексте культуры*. 2019. № 8(14). С. 18–31.

Иванов В. И. Орфей. URL.: <http://ivanov.lit-info.ru/ivanov/kritika-ivanova/orfej.htm> (дата обращения: 02.03.20)

Кормильцев И. Орфей спускается в рок // *Иностранная литература*, 2000. № 5. С. 266–268.

Королева О. А. Интерпретация античного мифа об Орфее и Эвридике в романе С. Рушди «Земля под ее ногами» // *Вестник Нижегородско-*

го университета им. Н. И. Лобачевского. 2014. № 4. С. 205–208.

Королева О. А. Близнечный миф в романе С. Рушди «Земля под ее ногами» // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2018. № 3. С. 184–187.

Мелетинский Е. М. Поэтика мифа. М.: Изд. фирма «Восточная литература» РАН: Школа «Языки русской культуры», 1995. 408 с.

Пестерев В. А. Модификации романной формы в прозе Запада второй половины XX столетия. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 1999. 312 с.

Рильке Р. М. Сонеты к Орфею. URL: https://imwerden.de/pdf/rilke_sonety_k_orfeyu_perevod_mirki_noj_2002_ocr.pdf (дата обращения: 10.02.20)

Руднев В. П. Неомифологическое сознание // Руднев В. П. Словарь культуры XX века. М.: Аграф, 1997. 384 с.

Рушди С. Земля под ее ногами. СПб.: Амфора, 2008. 719 с.

Рушди С. Шаг за черту. СПб.: Амфора, 2010. 528 с.

Струкова Е. А. Образ творческой личности в произведениях англоязычных постколониальных писателей Дж. М. Кутзее и С. Рушди: дис. ... канд. филол. наук. М., 2016. 215 с.

Чанцев А. Восход Земли. Салман Рушди. Земля под ее ногами // Новый мир. 2009. № 7. С. 185–189.

Ananth A. G. Traits of Magic Realism in Salman Rushdie's *Midnight's Children* // International Journal of Computer Techniques. 2017, May–June. Vol. 4, issue 3. P. 79–83.

Clark R. Y. *Stranger Gods: Salman Rushdie's Other Worlds*. Montreal: McGill-Queen's UP, 2001. 226 p.

Gorra M. It's Only Rock and Roll but I Like It. Salman Rushdie: *The Ground Beneath Her Feet* // TLS, 1999. April 9. P. 25.

Kluwick U. *Exploring Magic Realism in Salman Rushdie's Fiction*. New York: Routledge, 2011. 234 p.

Reeds K. *Magical Realism: A Problem of Definition* // Neophilologus. 2006. Vol. 90. P. 175–196.

Rushdie S. *The Ground Beneath her Feet*. London: Vintage, 2000. 634 p.

Teverson A. *Salman Rushdie's Metaphorical Words* // Modern Fiction Studies. 2003. Vol. 49, № 2. P. 332–340.

References

Averintsev S. S. *Mify. Mifologizm v literature 20 v. [Myths. Mythologism in the literature of the 20th century]. Literaturnyy entsiklopedicheskiy slovar' [Literary encyclopedic dictionary]. Ed. by V. M. Kozhevnikov and P. A. Nikolaev. Moscow, Sovetskaya entsiklopediya Publ., 1987, p. 224. (In Russ.)*

Bratukhina L. V. *Ontologiya 'inogo' mira v kontekste poetiki 'magicheskogo realizma' (po romanu S. Rushdi 'Dva goda, vosem' mesyatshev i dvadtsat' vosem' nochey')* [The ontology of the 'other' world in the context of the poetics of 'magic realism' (based on 'Two Years, Eight Months and Twenty-Eight Nights' by S. Rushdie)]. *Mirovaya literatura v kontekste kultury* [World Literature in the Context of Culture], 2019, issue 8(14), pp. 18–31. (In Russ.)

Ivanov V. I. *Orfey [Orpheus]*. Available at: <http://ivanov.lit-info.ru/ivanov/kritika-ivanova/orfej-htm> (accessed 02.03.2020). (In Russ.)

Kormil'tsev I. *Orfey spuskaetsya v rok [Orpheus descends into rock]* *Inostrannaya literatura* [Foreign Literature], 2000, issue 5, pp. 266–268. (In Russ.)

Koroleva O. A. *Bliznechnyy mif v romane S. Rushdi 'Zemlya pod ee nogami'* [The twins myth in S. Rushdie's novel 'The Ground Beneath Her Feet']. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo* [Vestnik of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod], 2018, issue 3, pp. 184–187. (In Russ.)

Koroleva O. A. *Iterpretatsiya antichnogo mifa ob Orfee i Evridike v romane S. Rushdi 'Zemlya pod ee nogami'* [The interpretation of the ancient myth of Orpheus and Eurydice in Rushdie's novel 'The Ground Beneath Her Feet']. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo* [Vestnik of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod], 2014, issue 4, pp. 205–208. (In Russ.)

Meletinskiy E. M. *Poetika mifa [Myth poetics]*. Moscow, 'Vostochnaya Literatura' Publ. of the RAS, Shkola 'Yazyki russkoy kul'tury' Publ., 1995. 408 p. (In Russ.)

Pesterev V. A. *Modifikatsii romannoy formy v proze Zapada vtoroy poloviny 20 stoletiya* [Modifications of the novelistic form in western prose of the second half of the 20th century]. Volgograd, Volgograd State University Press, 1999, 312 p. (In Russ.)

Rilke R. M. *Sonety k Orfeyu [Sonnets to Orpheus]*. Available at: https://imwerden.de/pdf/rilke_sonety_k_orfeyu_perevod_mirkinoy_2002_ocr.pdf (accessed 10.02.2020). (In Russ.)

Rudnev V. P. *Neomifologicheskoe soznanie [Neomythological consciousness]*. Rudnev V. P. *Slovar' kul'tury 20 veka* [Dictionary of the 20th-century culture]. Moscow, Agraf Publ., 1997. 384 p. (In Russ.)

Rushdie S. *Zemlya pod ee nogami* [The Ground Beneath Her Feet]. St. Petersburg, Amfora Publ., 2008. 719 p. (In Russ.)

Rushdie S. *Shag za cherty* [Step across this line]. St. Petersburg, Amfora Publ., 2010. 528 p. (In Russ.)

Strukova E. A. *Obraz tvorcheskoy lichnosti v proizvedeniyakh angloyazychnykh postkolonial'nykh pisateley Dzh. M. Kutzee i S. Rushdi*. Diss. ... kand. filol. nauk [Image of a creative personality in works by English-speaking post-colonial writers J. M. Coet-

zee and S. Rushdie. Cand. philol. sci. diss.]. Moscow, 2016. 215 p. (In Russ.)

Chantsev A. Voskhod Zemli. Salman Rushdi. Zemlya pod ee nogami [The rising of the Earth. Salman Rushdie. The Ground Beneath Her Feet]. *Novyy mir* [New World], 2009, issue 7, pp. 185–189. (In Russ.)

Ananth A. G. Traits of magic realism in Salman Rushdie's *Midnight's Children*. *International Journal of Computer Techniques*, 2017, May–June, vol. 4, issue 3, pp. 79–83. (In Eng.)

Clark R. Y. *Stranger Gods: Salman Rushdie's Other Worlds*. Montreal, McGill-Queen's UP, 2001. 226 p. (In Eng.)

Gorra M. It's only rock and roll but I like it. Salman Rushdie: The Ground Beneath Her Feet. *TLS*, 1999. April 9. P. 25. (In Eng.)

Kluwick U. *Exploring Magic Realism in Salman Rushdie's Fiction*. New York, Routledge, 2011. 234 p. (In Eng.)

Reeds K. Magical realism: A problem of definition. *Neophilologus*, 2006, vol. 90, pp. 175–196. (In Eng.)

Rushdie S. *The Ground Beneath Her Feet*. London, Vintage, 2000. 634 p. (In Eng.)

Teverson A. Salman Rushdie's metaphorical words. *Modern Fiction Studies*, 2003, vol. 49, issue 2, pp. 332–340. (In Eng.)

METHODS AND TECHNIQUES OF MYTHOLOGIZATION IN S. RUSHDIE'S NOVEL 'THE GROUND BENEATH HER FEET'

Ekaterina V. Vasiljeva

Associate Professor in the Department of Russian Language, Modern Russian and Foreign Literature
Voronezh State Pedagogical University

86, Lenina st., Voronezh, 394043, Russian Federation. vevvrn@mail.ru

SPIN-code: 8859-5329

ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-5455-7910>

ResearcherID: Y-7542-2018

Submitted 17.09.2020

The study is devoted to the analysis of methods and techniques of mythologization in the novel *The Ground Beneath Her Feet* written by the British author of Indian origin S. Rushdie. The paper explores the narrative organization of the novel, in which images and motifs of ancient mythology are used as a special code for artistic interpretation of European culture of the second half of the 20th century. The article examines the artistic reality of the novel, which combines the modern history of rock culture and classical mythology of Ancient Greece. S. Rushdie addresses problems related to the nature of creativity using as the main plot-forming motifs such mythologemes as the love story of Orpheus and Eurydice, the myth of all-devouring Tartarus, twin myths. The study shows that a typical technique for creating expressive three-dimensional multivocal images in Rushdie's novel is a combination of real facts from the world of rock culture and mythological allusions, intertwining, overlapping and collision of various motifs and plots of Greek mythology, which, taken all together, generates the original artistic reality. The article analyzes how the myth of Orpheus and Eurydice acquires a cultural dimension in the novel and what techniques are used by the author to activate the extensive cultural memory of the Orphic myth. The concentration and interpretation of iconic images and motifs of ancient mythology are used in the novel for artistic analysis of the state of culture in the second half of the 20th century and of its attempts to counter the catastrophic tendencies of destruction and death of the modern civilization.

Key words: myth; S. Rushdie; *The Ground Beneath Her Feet*; Orphic myth; classical mythology; intertextuality.

УДК 821.161.1(09)
doi 10.17072/2073-6681-2021-1-83-89

О НЕСКОЛЬКИХ «ЭРМИТАЖНЫХ» ЭКФРАСИСАХ ВИКТОРА КРИВУЛИНА¹

Александр Анатольевич Житенев

д. филол. н., доцент кафедры русской литературы XX и XXI веков,
теории литературы и гуманитарных наук

Воронежский государственный университет

394042, Россия, г. Воронеж, Университетская площадь, 1. superbia@mail.ru

SPIN-код: 1243-3144

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-6365-4138>

ResearcherID: A-6088-2016

Статья поступила в редакцию 26.10.2020

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Житенев А. А. О нескольких «эрмитажных» экфрасисах Виктора Кривулина // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2021. Т. 13, вып. 1. С. 83–89. doi 10.17072/2073-6681-2021-1-83-89

Please cite this article in English as:

Zhitenev A. A. O neskol'kikh «ermitazhnykh» ekfrasisakh Viktora Krivulina [On Several 'Hermitage' Ekphrases by Viktor Krivulin]. Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2021, vol. 13, issue 1, pp. 83–89. doi 10.17072/2073-6681-2021-1-83-89 (In Russ.)

В практике советского литературного андеграунда важное значение имело восстановление связей с традицией, скрытой или отредактированной в соответствии с идеологическими моделями. Диалог с традицией осознавался как условие обретения творческой независимости и культурной идентичности. Закономерным образом многие тексты, создававшиеся вне официальной советской литературы, обладают широким слоем интертекстуальных и интермедиальных отсылок, нередко указывающих на не соотносимые друг с другом пласты культуры и семантические области. Характерный пример такой аллюзивной многослойности и полиреферентности – поэтические экфрасисы. Одной из самых важных литературных фигур советского самиздата был поэт Виктор Кривулин. В его самиздатских книгах многие тексты имеют очевидные маркеры экфрастических описаний, соотносимых с изобразительным искусством, музыкой и кино; частой приметой его практики оказывается «сложный экфрасис», в котором соединяются отсылки к разным произведениям. В данной статье рассматриваются несколько его стихотворений, связанных с собранием живописи в Эрмитаже, в частности, анализируются тексты, посвященные картинам Мурильо и Тициана. Установлено, что рецепция изобразительного искусства у В. Кривулина опосредуется опытом чтения: интерпретация живописи соотносится с другими примерами культурной рецепции того же художника. Экфрасис тем самым представляет собой не только описание того или иного произведения, но и опыт рефлексии над историей восприятия художника в культуре, а также опыт самосоотнесения с другими экфрасисами. Форма экфрастического текста, таким образом, оказывается для поэта средством историософской и культурологической рефлексии.

Ключевые слова: экфрасис; интермедиальность; литература самиздата; аллюзия; Виктор Кривулин.

Во «второй культуре» 1970–1980-х гг. диалог с традицией осознавался как условие обретения творческой независимости и культурной идентичности. Закономерным образом многие тексты, создававшиеся вне официальной литературы, обладают широким слоем интертекстуаль-

ных и интермедиальных отсылок. Поэтические экфрасисы – одна из самых ярких иллюстраций этого тезиса.

Одной из самых важных литературных фигур советского самиздата был поэт Виктор Кривулин (1944–2001). Многие из его текстов 1970–

1980-х гг. являются экфрасисами, и некоторые из них уже были исследованы с этой точки зрения [Марков 2019а; Марков 2019б; Марков 2019в; Марков 2019г]. При этом экфрасис, как мы имели возможность отмечать ранее [Житенев 2014; Житенев 2020], хорошо фундирован в системе историософских и эстетических представлений поэта и является, вероятно, образцом наиболее последовательной их реализации.

В экфрастической поэзии В. Кривулина определяющую роль играет диалог с живописью, при этом нередко точкой отсчета для создания текста оказывается конкретный музейный опыт. В число «эрмитажных» текстов поэта входят стихотворения «Сон Иакова» и «Бегство в Египет». В обоих случаях восприятие картины оказывается феноменологическим открытием, значимым и экзистенциально, и мировоззренчески. В нашей работе ставится задача исследовать эти тексты, принимая во внимание современный опыт теоретического и историко-литературного осмысления экфрасиса как явления культуры [Экфрасис в русской литературе 2002; «Невыразимо выразимое» 2013; Экфрастические жанры в классической и современной литературе 2014; Теория и история экфрасиса 2018].

В основе стихотворения «Сон Иакова» (1975), на что впервые было указано О. Кушлиной [Кушлина 2011], – две работы Бартоломео Мурильо из эрмитажного собрания: «Благословение Иакова» (ок. 1660) и «Сон Иакова» (ок. 1660), одноформатные и размещенные в одном зале. Их единство и взаимосвязь прямо отмечены в тексте: «Две темы: возвращенья и ухода»; «Две картины, зеркально симметричные друг другу» [Кривулин 1988: 138].

Маркированность «возвращенья и ухода», составляющая видеть в этих работах диптих, условна: Е. О. Ваганова отмечает, что эрмитажные картины входили в цикл из пяти картин, посвященных истории Иакова и созданных по заказу маркиза Аймонте-и-Вильяманрике. Одна из работ не сохранилась, две другие находятся в Музее испанской живописи Мэдоус в Далласе («Иаков со стадом Лавана») и Музее искусств в Кливленде («Лаван ищет похищенных идолов») [Ваганова 1988: 138–139].

А. Марков, рассуждая о сложном экфрасисе и о рецепции испанских картин в русской поэзии XX в., вспоминает и об этом стихотворении Кривулина: «Стихотворение Виктора Кривулина “Сон Иакова” (1975) дает парный экфрасис двух эрмитажных картин Мурильо, причем они названы “темными”, что соответствует упреку Бенуа <...>. Мотивы стихотворения, зеркальности событий, явления ангела Иакову как встречи Иакова с собой, напряженного ожидания, погружения

в землю, “как плуг”, и при этом быстрой смены событий, передвижения во тьме, когда сам человек, встретивший ангела или ангелов, становится светом в окружающей тьме, повторяются потом и в ряде стихов книги О. Седаковой “Дикий шиповник” (1976)» [Марков 2019а: 96].

Кривулин отталкивается от нескольких живописных деталей, которым придает символическое значение; при этом стремление развернуть истолкование создает образ, выходящий за пределы зримого: «Две темные картины, / где глиняные движутся кувшины / вокруг источника, до сердцевины / расколотого» [Кривулин 1988: 138]. «Источник» здесь оказывается общим для двух картин, и он истолкован как центр притяжения. Сюжетно значимой является и его «расколотость», о которой еще раз будет сказано ниже: «Гримаса расколотой скалы».

Совпадения-несовпадения вполне очевидны. В «Благословении Иакова» «источник» – это колодец, в «Сне Иакова» – водопад у расщепленной скалы. В обеих картинах «источник» сдвинут к краю картины; в «Сне» он помещен на затененный второй план, в «Благословении» – обрзан рамой слева. Для художника это периферийная подробность, создающая эффект достоверности, а вовсе не центр.

Кувшин в «Сне» около Иакова – реалистическая деталь, которая, как и посох, характеризует быт путешественника. В «Благословении» кувшин держит в руке служанка, старающаяся скрыться из виду прежде, чем к дому приблизится Исаав; еще один кувшин стоит у стены дома, в котором Исаак благословляет Иакова. Это тоже бытовые подробности – как ведро у колодца или брошенный таз.

У Кривулина зримое подвергается метафоризации: и «глиняная», и «водяная» семантика оказываются соотнесены с человеком, но выражают разные стороны его сущности. «Глина» напоминает о бренности и в каждом человеке позволяет видеть Адама: «Иаков спит, уйдя подобно плугу, / до половины в почву. И по кругу / гончарному – движенье смертной глины, // вращение аморфной вязкой массы / под любящими пальцами Творца / творится в теле спящего». «Источник», как можно предположить, связан с духовностью, сущностным признаком которой оказывается «расколотость» («скалы») и переменчивость («потока»): это одновременно и «поток темный», и «сладостный источник лица».

«Источник» оказывается «источником лица», только если в него смотрится «ангел златовласый», что делает актуальным для стихотворения два момента: подлинность эпифании и благость «ангела». В этой связи текст приобретает вид артикулированного убеждения, переходяще-

го в прямую речь Иакова, который стремится к уверенности в подлинности того, что он видит: «И ангел над источником крыло / неловко поднял. Ангел, а не птица. / Не человек, но ангел отразится / в потоке темном тихо и светло. // Ты светел? о, скажи! ты светел?».

Таким образом, деталь из «Благословения» – «движущийся кувшин» – «монтажно» накладывается на деталь из «Сна Иакова»: «источник, до сердцевины / расколотый». При этом в сюжет сна внесен элемент, которого нет у Мурильо – разговор Иакова с ангелом. Такая «драматизация» сюжета отвечает двум нюансам, выделяющим эрмитажные картины на общем фоне наследия Мурильо.

Первую из них Е. О. Ваганова характеризует как «кинематографичность». Описывая «Благословение Иакова», она отмечает совмещение в этой картине разножанровых элементов: это и «пейзаж во фламандском духе», и «анималистика», и «вариант натюрморта», и «сцена в интерьере, выдержанная в характере бытового жанра». При этом все планы изображения объединены общей «эмоциональной напряженностью», связанной с историей обмана [Ваганова 1988: 140].

О второй, не предлагая никакого термина, пишет Д. А. Шмидт. Комментируя «Сон Иакова», он отмечает диссонанс между мистическим сюжетом и его реалистической детализацией: «...мы чувствуем <...> некоторое несоответствие между требуемой сказочностью сновидения и назойливой реалистичностью лестницы, уходящей в какую-то дыру среди облаков, точно в люк чердака» [Шмидт 1926: 10].

Эти и другие особенности живописи Мурильо были предметом рефлексии уже в XIX – начале XX в., что вписывает стихотворение Кривулина в драматичную историю рецепции художника на русской почве. Х. Лопес Крус, восстанавливая ее основные вехи, ставит зрительскую оценку в зависимость от «предпочтения академических или реалистических параметров в эстетической концепции искусства» и связывает общий успех «испанского Рафаэля» с русской «идеей всеобщего братства и сочувствия судьбе человеческого рода», отражение которой видели в его творчестве [Лопес Крус 2001: 241–242].

В первой половине XIX в., в соответствии с общеевропейской модой, Мурильо воспринимается как один из важнейших мастеров в истории искусства, и в его работах акцентируется стремление к духовному и идеальному. Характерна в этом отношении оценка В. П. Боткина в его «Письмах об Испании» (1847–1848): «Этому человеку все доступно: и самая глубокая, сокровенная мистика души, и простая вседневная жизнь <...>; все представляет он в поразительной истине

и реальности. <...> Никто в мире не выражал лучше его религиозного экстаза, мистического стремления души к божеству» [Боткин 1976: 69].

Во второй половине столетия отмечается свойственный Мурильо интерес к повседневности. Достоинства художника связываются с его жанровой живописью, и здесь один из самых показательных отзывов принадлежит А. Фету в его очерках «Из-за границы» (1856–1857): «Но истинная жемчужина галереи – небольшая картина Мурильо “Мальчик”, казнящий перед распахнутой грудью, на внутренней складке рубашки, насекомое, получившее у Гоголя прозвание зверя. <...> Если б тупое жеманство могло перестать быть тупым и жеманным, то это случилось бы здесь, перед картиной Мурильо, возбуждающей своим грязным сюжетом самые чистые, духовные наслаждения» [Фет 2007: 77].

На рубеже XIX–XX вв. живопись Мурильо, уступая в своей значимости работам других мастеров, прежде всего Д. Веласкеса, уже требует апологии. Двойственная оценка, в частности, появляется в «Путеводителе по картинной галерее императорского Эрмитажа» А. Бенуа: «Мурильо для нас слишком нежен, деликатен, “благовоспитан”, “надушен”. <...> И все же современное отношение к Мурильо несправедливо. Ведь это просто огромный, первоклассный мастер и <...> прелестный, если не захватывающий, поэт» [Бенуа 1911: 136–137]. В. Розанов видит эту двойственность в самом Мурильо: «Точно в нем <...> вдруг прорвался грек, замигал глазок Фидия сквозь всю толщу католицизма, аскетизма, фантастики и “невозможного, но сладкого”» [Розанов 1994: 139].

«Сладкое» как «сладостное» появляется и в стихотворении В. Кривулина, в некоторых моментах «точно» совпадающего с разными моментами рецепции Мурильо. Акцентируя «глиняную» сторону живописи мастера, он следует его трактовке как выдающегося «реалиста»; подчеркивая осязаемость видения, продолжает традицию его интерпретации как религиозного художника.

В противоположность мнению, что в эрмитажной истории Иакова Мурильо проявляет себя прежде всего как колорист, увлеченный «декоративностью и эффектностью» [Левина 1966: 241], Кривулин видит в этих двух работах размышление над провиденциальным в жизни человека. При этом «две темы: возвращенья и ухода» оказываются соотнесены с еще одной, неназванной: с битвой Иакова с ангелом: у Мурильо ангелов множество – в тексте он один, и с ним завязывается разговор. Экфрасис, таким образом, не только синтезирует впечатления от разных живописных работ, но и размыкает их сюжеты в новую смысловую перспективу, в которой на

первом плане оказывается событие обретения своего «я», своей судьбы, и, возможно, ритуальная смена имени.

Недатированное стихотворение «Бегство в Египет» из цикла «Стихи подряд» примечательно тем, что в нем тематизировано само событие пребывания в музее. «Бегство» – не только живописный, но и жизненный сюжет, и посещение музея – возможность «обрести / в апреле – воздух кватроченто / и вдох и отдых на пути / в Египет» [Кривулин 1988: 38]. Интенсивность времени восприятия, однако, задана не только сюжетом «преследования», заставляющим узнать себя в героях картины, но и близостью закрытия музея: «дежурный // хранитель, торопясь домой, / глядит на зрителей последних / настойчиво».

В начале стихотворения хронотопические признаки «своего» и «чужого» мира неразделимы; описывая стремление к цели и ее близость, субъект не различает собственного и созерцаемого «бегства»: «почти во времени почти / на месте – в центре перекрестья / прицельного – почти на месте / но трудно дух перевести!» Целью движения оказывается перемещение из безвременья во время, из периферии – в центр; хронотоп стихотворения – это пауза накануне пересечения границы.

Однако далее координаты изменяются: «переводя дух», субъект переключает внимание со своего «бегства» на то, что перед глазами, и оказывается, что движение в картине обращено вовсе не к «центру перекрестья», а прочь от него: «край картины / тенистый и непроходимый // родник и ангел и осел / семья, бегущая за раму» [там же]. Фокусировка внимания смещает приоритеты: предметом интереса оказывается уже не святое семейство, обозначенное суммарно, «семья», а другие детали – «родник и ангел и осел», сам «край картины».

Учитывая тесную связь поэта с Ленинградом, естественно предположить, что в стихотворении описывается конкретная работа из эрмитажного собрания, однако ни одна из картин музея с вынесенным в заглавие сюжетом не отвечает в полной мере предложенному описанию.

Упоминание о «воздухе кватроченто» почти однозначно указывает на «Бегство в Египет» молодого Тициана (1508). Это самая масштабная и самая эффектная из картин на этот сюжет в Эрмитаже, однако «родник и ангел и осел», присутствующие в этой работе, не согласуются с другими подробностями – и прежде всего с указанием на находящийся в центре архитектурный образ: «ну а прямо / по центру – чистый произвол / руин оптических, античных».

«Тенистый и непроходимый» край картины со святым семейством «сбоку» есть в более поздней

эрмитажной работе Херри Мет де Блеса (первая половина XVI в.), где, действительно, в композиционный центр помещен находящийся на заднем плане архитектурный мотив, но это не античный пейзаж, а голландская деревня.

С другими деталями описания согласуется еще одно эрмитажное «Бегство» – «Тирольский пейзаж (Бегство в Египет)» Роланта Мартенса Саверея (1606). В этой работе действительно есть «семья, бегущая за раму»: святое семейство почти неразличимо в «тенистом и непроходимом» правом углу картины, и здесь тоже ближе к центру есть архитектурное сооружение – но это опять не «античные колонны» и «оптические руины», а водяная мельница.

«Произвол руин оптических» или то, что может быть так названо, появляется в маленькой недатированной работе Пауля Бриля (1554–1626), но это не кватроченто. На заднем плане картины почти в гризайльной технике изображены наполовину призрачные постройки с античными фронтонами, куполами и обелисками, однако здесь нет ни «ангела», ни деталей центра: «на скульптурах симметричных / змей виноградный, винт пурпурный / бедро горячее оплел».

Присутствие в картине на этот сюжет античных руин, если судить по эрмитажному собранию, – вообще примета гораздо более позднего времени, нежели «кватроченто». Однако и в этом случае весь набор элементов текста ни с одной из картин не соотносим.

В работе Пьера Франческо Мола «Отдых святого семейства на пути в Египет» (конец 1650-х гг.) появляется сугубо египетский «аксессуар» – это статуя сфинкса, нависающая над святым семейством, отдыхающим посреди заросших лесом развалин. В картине Клода Лоррена «Пейзаж со сценой отдыха на пути в Египет» (1654) появляется фрагмент античной колоннады, но он далеко не в центре, нет здесь и «скульптур симметричных», а вместо «ручья» изображена полноводная река.

Ближе всего к тексту Кривулина оказывается не атрибутированная немецкая работа «Отдых на пути в Египет», относимая к XVII в. Здесь действительно по центру размещена оплетенная плющом или виноградом античная колонна, слева от которой – руина со статуей, изображающей две обнимающиеся фигуры. Однако здесь семья вовсе не «бежит за раму» и нет ни «ручья», ни «ангела».

Эти наблюдения заставляют либо предположить у текста не-эрмитажный источник, либо допустить, что текст Кривулина может быть охарактеризован как «сложный экфрасис» [Марков 2019а], комбинирующий элементы разных работ одного собрания. Доводом в поль-

зу последнего вывода является совмещение деталей, обозначающих разные этапы развития европейского пейзажа.

«Бегство за раму», соотносимое с образцами Саверея или Мет де Блеса, указывает на то, что пейзаж уже приобрел статус самоценного предмета, но еще формально связан с библейским сюжетом. «Произвол руин», сопоставимый с работами Мола или Лоррена, указывает на внесение в пейзаж знаков культурной ретроспекции, которые делают пейзаж вторичным по отношению к ней. Перечисление «родник и ангел и осел» заставляет предположить эффект повествовательного «фриза», оправдывающего пейзаж значимостью истории, которая разворачивается на его фоне, что снова возвращает к работе Тициана.

Этот вариант кажется тем более убедительным, что именно Тициан, по выражению А. Бенуа, – «отец современного, то есть самоценного, пейзажа» [Бенуа 1912: 400]. Это мнение поддерживается и современными исследователями, отмечаящими в его живописи переход от «линейно-графической проработки формы, характерной для периода кватроченто <...> к решению проблемы передачи воздействия свето-воздушной среды на тон объекта» [Артамонов 2013: 115]. Эрмитажная работа примечательна тем, что эта закономерность в ней уже вполне отчетливо обозначена: «Тициан <...> ставит задачу пространственно-пластической гармонизации цветов и тональных раскладок в пределах каждого плана, а также общего колористического взаимодействия планов через распределение интенсивности цвета» [там же: 114].

Возвращаясь к тексту Кривулина, следует отметить странность для субъекта рецепции того, что он видит: архитектурный мотив – это «чистый произвол», привнесенный художником без ясного мотива, и «произвол» миражный: «чистый произвол руин оптических». «Руины» здесь маркированы как воображаемые или галлюцинационные, они связаны с эффектами зрения, а не видимых вещей.

Если «семья, бегущая за раму» странствует в пространстве, то художник – во времени: «руины» в своем антураже явно отсылают к сцене грехопадения, если не прямо ее изображают: «и на скульптурах симметричных / змей виноградный, винт пурпурный / бедро горячее оплел» [Кривулин 1988: 38]. Символическая программа картины, тем самым, связывает историю грехопадения и историю искупления, «тенистый и непроходимый» лес земного странствия и «виноград» из райского сада.

Это движение сквозь зримое в глубь символических связей заставляет переосмыслить свое собственное «бегство». Если в зачине стихотворения оно уже длится какое-то время и нужно

«дух перевести», то в его конце оно лишь начинается и превращается в «путь»: «И в зале / перед картиной теневой / осталось трое. Мы в начале неочевидного пути». Картина оказывается «Картой», которая и перед глазами, и за спиной – в зрителе, который ее однажды увидел: «почти во времени, почти / с лучистой Картой за плечами». Стихотворение заканчивается той же формулой, которой начинается, но топос вытесняется хроносом, важным остается лишь временное измерение странствия. Меняется и статус увиденного: «теневая картина» оказывается «картой Лучистой».

Таким образом, в «эрмитажных» стихотворениях В. Кривулина рецепция изобразительного искусства опосредуется опытом чтения: интерпретация живописи соотносится с другими примерами культурной рецепции того же художника. Экфрасис, тем самым, представляет собой не только произведения, но и опыт рефлексии над историей восприятия художника в культуре, а также опыт самосоотнесения с другими экфрасисами. Форма экфрасического текста, таким образом, оказывается для поэта средством историко-философской и культурологической рефлексии.

Примечание

¹ Исследование выполнено в рамках проекта Университета Трира «Русскоязычная поэзия в транзите» (DFG-Gruppe “Russischsprachige Lyrik in Transition“ (FOR 2603)).

Список литературы

Артамонов Ю. С. Особенности живописно-колористических приемов организации пространства в пейзажных мотивах картин Тициана // Вестник Череповецкого государственного университета. 2013. № 1.1 (45). С. 114–117.

Бенуа А. Путеводитель по картинной галерее императорского Эрмитажа. СПб.: Община св. Евгении. 1911. 446 с.

Бенуа А. История живописи. СПб.: Шиповник, 1912б. Т. II. 502 с.

Боткин Л. Письма об Испании. Л.: Наука, 1976. 344 с.

Ваганова Е. О. Мурильо и его время. М.: Изобразит. искусство, 1988. 221 с.

Житенев А. Виктор Кривулин как теоретик «неофициальной» культуры (1976–1984). 2014. URL: <http://textonly.ru/case/?issue=41&article=38-795> (дата обращения: 10.10.2019).

Житенев А. Об одном киноэкфрасисе Виктора Кривулина // Новое литературное обозрение. 2020. № 4. С. 286–294.

Кривулин В. Стихи. II. Париж: Беседа, 1988. 150 с.

Кушлина О. «Возвращаясь к сюжету одного стихотворения...». URL: <https://sart27.livejournal.com/2011/03/18/> (дата обращения: 10.10.2019).

Левина И. М. Искусство Испании XVI–XVII веков. М.: Искусство, 1966. 268 с.

Лопес Крус Х. Мурильо и Веласкес в русской художественной культуре XIX – начала XX веков: дис. ... канд. искусствоведения. М., 2001. 312 с.

Марков А. Сложный экфрасис в русской поэзии: основы теории и один пример // Вестник Костромского государственного университета. 2019а. № 2. С. 91–97.

Марков А. В. Что мы делаем, чтобы научиться чувствовать? // Экфрасис: опыт несуществующего. Поэтическая серия Арсенала. Нижний Новгород: Арсенал, 2019б. С. 4–11.

Марков А. В. Кинематографический смысл стихотворения В. Кривулина «На мотив Достоевского» в контексте развития достоевковедения // Вестник Удмуртского университета. 2019в. Т. 29, № 2. С. 227–233.

Марков А. В. Кривулин и Кант: к интерпретации стихотворения «Вид на родное село» // Культура слова. 2019г. № 1(2). С. 23–27.

«Невыразимо выразимое»: экфрасис и проблемы репрезентации визуального в художественном тексте: сб. ст. / сост. и науч. ред. Д. В. Токарева. М.: Новое лит. обозрение, 2013. 572 с.

Розанов В. В. Собрание сочинений: Среди художников. Итальянские впечатления. М.: Республ. изд-во, 1994. 493 с.

Теория и история экфрасиса: итоги и перспективы изучения. Siedlce: Wydawnictwo Naukowe ICR[i]BL, 2018. 703 с.

Фет А. А. Из-за границы // Фет А. А. Сочинения и письма: в 20 т. Т. 4. Очерки: Из-за границы. Из деревни. СПб.: Фолио-Пресс, 2007. С. 7–120.

Шмидт Д. А. Мурильо. Л.: Ком. популяризации худож. изд. при Гос. акад. истории материальной культуры, 1926. 32 с.

Экфрасис в русской литературе: труды Лозаннского симпозиума / под ред. Л. Геллера. М.: Изд-во «МИК», 2002. 216 с.

Экфрастические жанры в классической и современной литературе / Н. С. Бочкарева, К. В. Загороднева, Е. О. Пономаренко, А. Г. Рогова, И. А. Табункина, Д. С. Туляков, И. И. Тулякова; под общ. ред. Н. С. Бочкаревой. Пермь: Перм. гос. нац. исслед. ун-т, 2014. 204 с.

References

Artamonov Yu. S. Osobennosti zhivopisno-koloristicheskikh priemov organizatsii prostranstva v peyzazhnykh motivakh kartin Titsiana [The features of the pictorial-coloristic technique of spatial organization in landscape images of Titian]. *Vestnik Cherepovetskogo gosudarstvennogo universiteta*

[Cherepovets State University Bulletin], 2013, issue 1.1(45), pp. 114–117. (In Russ.)

Benois A. *Putevoditel' po kartinnoy galeree imperatorskogo Ermitazha* [Guidebook to the Imperial Hermitage Picture Gallery]. St. Petersburg, Obshchina svyatoy Evgenii Publ., 1911. 446 p. (In Russ.)

Benois A. *Istoriya zhivopisi* [The history of art]. St. Petersburg, Shipovnik Publ., 1912, vol. 2. 502 p. (In Russ.)

Botkin L. *Pis'ma ob Ispanii* [Letters about Spain]. Leningrad, Nauka Publ., 1976. 344 p. (In Russ.)

Vaganova E. O. *Muril'o i ego vremya* [Murillo and his time]. Moscow, Izobrazitel'noe iskusstvo Publ., 1988. 221 p. (In Russ.)

Zhitenev A. Viktor Krivulin kak teoretik 'neofitsial'noy' kul'tury (1976–1984). [Victor Krivulin as a theorist of 'informal' culture (1976–1984)]. 2014. Available at: <http://textonly.ru/case/?issue=41&article=38795> (accessed 10.10.2019). (In Russ.)

Zhitenev A. Ob odnom kinoekfrasisе Viktora Krivulina [On one film ekphrasis in Victor Krivulin]. *Novoe literaturnoe obozrenie* [The New Literary Observer], 2020, vol. 4, pp. 286–294. (In Russ.)

Krivulin V. *Stikhi* [Verses]. Paris, Beseda Publ., 1988, vol. 2. 150 p. (In Russ.)

Kushlina O. 'Vozvrashchayas' k syuzhetu odnogo stikhotvoreniya...' ['Revisiting the plot of one poem...']. Available at: <https://sart27.livejournal.com/2011/03/18/> (accessed 10.10.2019). (In Russ.)

Levina I. M. *Iskusstvo Ispanii 16-17 vekov* [Spanish art of the 16th–17th centuries]. Moscow, Iskusstvo Publ., 1966. 268 p. (In Russ.)

Lopez Kruz J. *Muril'o i Velaskes v russkoy khudozhestvennoy kul'ture 19 – nachala 20 vekov*: Dis. kand. ... iskusstvovedeniya [Murillo and Velazquez In Russian artistic culture of the 19th – early 20th centuries. Cand. art criticism diss.]. Moscow, 2001. 312 p. (In Russ.)

Markov A. Slozhnyy ekfrasis v russkoy poezii: osnovy teorii i odin primer [Complex ekphrasis In Russian poetry: basics of theory and one case]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta* [Vestnik of Kostroma State University], 2019а, issue 2, pp. 91–97. (In Russ.)

Markov A. V. Chto my delaem, chtoby nauchit'sya chuvstvovat'? [What do we do to learn to feel?]. *Ekfrasis: opyt nesushchestvuyushchego. Poeticheskaya seriya Arsenala* [Ekphrasis: Experience of the nonexistent. Arsenal poetic series]. Nizhny Novgorod, Arsenal Publ., 2019b, pp. 4–11. (In Russ.)

Markov A. V. Kinematograficheskiy smysl stikhotvoreniya V. Krivulina 'Na motiv Dostoevskogo' v kontekste razvitiya dostoevskovedeniya [Cinematic meaning of V. Krivulin's poem 'On Dostoevsky's motif' in the context of Dostoevsky studies]. *Vestnik Udmurtskogo universiteta* [Bulletin of Udmurt

University], 2019c, vol. 29, issue 2, pp. 227–233. (In Russ.)

Markov A. V. *Krivulin i Kant: k interpretatsii stikhotvoreniya 'Vid na rodnoe selo'* [Krivulin and Kant: On the interpretation of the poem 'View of the native village']. *Kul'tura slova* [Word Culture], 2019d, issue 1(2), pp. 23–27. (In Russ.)

'Nevyrazimo vyrazimoe': *ekfrasis i problemy reprezentatsii vizual'nogo v khudozhestvennom tekste: Sbornik statey* ['Inexpressibly expressible': Ekphrasis and issues of visual representation in literary text: Collection of articles]. Comp. and ed. by D. V. Tokarev. Moscow, New Literary Observer Publ., 2013. 572 p. (In Russ.)

Rozanov V. V. *Sobranie sochineniy: Sredi khudozhenikov. Ital'yanskii vpechatleniya* [Collected works: Among artists. Italian impressions]. Moscow, Respublika Publ., 1994. 493 p. (In Russ.)

Teoriya i istoriya ekfrasisa: itogi i perspektivy izucheniya [Theory and history of ekphrasis: Results and prospects of study]. Siedlce, Wydawnictwo Naukowe IKRiBL Press, 2018. 703 p. (In Russ.)

Fet A. A. *Iz-za granitsy* [From abroad]. *Sochineniya i pis'ma: v 20 t.* [Works and letters: in 20 vols.]. St. Petersburg, Folio-Press, vol. 4. Ocherki: *Iz-za granitsy. Iz derevni* [Essays: From abroad. From the countryside], 2007, pp. 7–120. (In Russ.)

Shmidt D. A. *Muril'o* [Murillo]. Leningrad, Commission for the Popularization of Fiction Literature under the State Academy of the History of Material Culture Publ., 1926. 32 p. (In Russ.)

Ekfrasis v russkoy literature: trudy Lozannskogo simpoziuma [Ekphrasis In Russian Literature: Proceedings of the Lausanne Symposium]. Ed. by L. Geller. Moscow, 'MIK' Publ., 2002. 216 p. (In Russ.)

Ekfrasticheskie zhanry v klassicheskoy i sovremennoy literature: monografiya [Ekphrastic genres in classical and modern literature: a monograph]. N. S. Bochkareva, K. V. Zagorodneva, E. O. Ponomarenko, A. G. Rogova, I. A. Tabunkina, D. S. Tulyakov, I. I. Tulyakov; ed. by N. S. Bochkareva. Perm, Perm State University Press, 2014. 204 p. (In Russ.)

ON SEVERAL 'HERMITAGE' EKPHRASES BY VIKTOR KRIVULIN

Aleksandr A. Zhitenev

Associate Professor in the Department of Russian Literature of the 20th and 21st Centuries,
Theory of Literature and the Humanities

Voronezh State University

1, Universitetskaya ploshchad, Voronezh, 394018, Russian Federation. superbia@mail.ru

SPIN-code: 1243-3144

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-6365-4138>

ResearcherID: A-6088-2016

Submitted 26.10.2020

In the practice of the Soviet literary underground, it was important to restore connections with tradition, hidden or edited according to the ideological models. Dialogue with tradition was recognized as a condition for achieving creative independence and cultural identity. Naturally, many texts created outside official Soviet literature have a wide layer of intertextual and intermedial references, often pointing to cultural layers and semantic areas that are not related to each other. A typical example of such an allusional multi-layeredness and polyreferentiality is poetic ekphrasis. One of the most important literary figures of the Soviet samizdat was the poet Viktor Krivulin. In his samizdat books, many texts have obvious markers of ekphrastic descriptions referring to fine art, music, and cinema; a typical feature of his poetry is 'complex ekphrasis', which combines references to different works. This article deals with several of his poems related to the collection of paintings at the Hermitage, in particular the texts devoted to the paintings by Bartolomeo Murillo and Tiziano Vecellio. Krivulin's reception of fine art was found to be influenced by his reading experience: the interpretation of the paintings is correlated with other examples of cultural reception of the same artist. Thus, ekphrasis is not only a description of a particular work but also the experience of reflection on the history of perception of an artist in culture, as well as the experience of self-relation with other ekphrases. The form of ekphrastic text thus appears for the poet as a means of historical and culturological reflection.

Key words: ekphrasis; intermediality; samizdat literature; allusion; Viktor Krivulin.

УДК 821.111–312.9

doi 10.17072/2073-6681-2021-1-90-98

ТРАНСФОРМАЦИЯ ТРАДИЦИОННЫХ ПЕРСОНАЖЕЙ ФЭНТЕЗИ В ТРИЛОГИИ ДЖО АБЕРКРОМБИ «ПЕРВЫЙ ЗАКОН»

Елизавета Андреевна Иванова**к. филол. н., старший преподаватель кафедры гуманитарных дисциплин****Саратовская государственная консерватория им. Л. В. Собинова**

410012, Россия, г. Саратов, просп. Кирова, 1. elivan1988@gmail.com

SPIN-код: 4246-7986

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-8861-4925>

Статья поступила в редакцию 27.04.2020

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Иванова Е. А. Трансформация традиционных персонажей фэнтези в трилогии Джо Аберкромби «Первый закон» // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2021. Т. 13, вып. 1. С. 90–98. doi 10.17072/2073-6681-2021-1-90-98

Please cite this article in English as:

Ivanova E. A. Transformatsiya traditsionnykh personazhey fentezi v trilogii Dzho Aberkrombi «Pervyy zakon» [Transformation of Traditional Fantasy Characters in Joe Abercrombie's 'The First Law' Trilogy]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2021, vol. 13, issue 1, pp. 90–98. doi 10.17072/2073-6681-2021-1-90-98 (In Russ.)

Джо Аберкромби – современный британский автор, известный романами в популярной ныне разновидности фэнтези *grimdark*. Важной отличительной чертой его произведений является осознанная игра с традициями и штампами классического фэнтези. Статья посвящена анализу образов нескольких центральных героев трилогии Аберкромби «Первый закон». Цель анализа – выявить, каким образом эта характерная особенность творчества автора проявляется на уровне персонажей, путем сопоставления с классическими образцами. Методологической базой выступают работы Л. Гинзбург, Е. Мелетинского, Ф. Мендельсон, Б. Аттебери. Анализ показал, что при создании образов персонажей Аберкромби использует классические архетипы (мудрый наставник, молодой положительный герой и другие), которые восходят, как и сама литература фэнтези, через приключенческую литературу и рыцарский роман к волшебной сказке и мифу. Однако в отличие от авторов классического фэнтези, таких как Дж. Р. Р. Толкин и его многочисленные последователи, Аберкромби наполняет воплощения этих архетипов в своих книгах психологическим содержанием, которое непривычно сочетается или даже напрямую противоречит их традиционным функциям в сюжете. Более того, он также подменяет и видоизменяет смысл самих этих функций, создавая в результате не оптимистически-сказочную, а сложную, мрачно реалистическую картину фантастического мира. Персонажи Аберкромби не только отличаются психологической сложностью и достоверностью, но и имеют усложненную структуру образа по сравнению с классическим фэнтези, демонстрируя возможности его развития.

Ключевые слова: фэнтези; Джо Аберкромби; «Первый закон»; герой фэнтези; персонаж фэнтези; архетип в фэнтези; литературный герой; британское фэнтези.

Джо Аберкромби – один из ведущих авторов современного фэнтези. Журнал «Мир фантастики» отмечает его книги среди самых ожидаемых новинок [Невский 2018], многочисленные хвалебные отзывы читателей и критиков подтверждают данное мнение [Moher 2007; Злотницкий

2019]. Одна из причин этого – мастерское владение жанром, которое позволяет Аберкромби играть с его конвенциями и штампами и управлять читательскими ожиданиями и эмоциями.

На данный момент Аберкромби обойден вниманием российских литературоведов. Западные

исследователи упоминают его произведения в работах о подтипах фэнтези [Castro Balbuena, Meteling, Schmeink] или отражении в нем отдельных явлений, таких как медиевализм и насилие [Wilkins 2016, Borowska-Szerszun 2019]. Несколько статей посвящены непосредственно анализу книг Аберкромби, чертам *grimdark* фэнтези и проблематизации понятия героя в них [Petzold, Polack].

В данной статье мы обратимся к трилогии «Первый закон», чтобы рассмотреть, как характерный для Аберкромби подход к фэнтези проявляется на уровне персонажей.

Для фэнтези как разновидности приключенческой литературы характерен герой авантюрно-героического сверхтипа. Он «проявляет свою сущность в активных поисках и решительной борьбе, в приключениях и свершениях» [Хализев 2002: 198]. С другой стороны, Ю. П. Хорошевская в статье о «Песнях Гипериона» Д. Симмонса отмечает, что в глобальном фэнтезийном квесте участвует предельно индивидуализированный «маленький человек» [Хорошевская 2017: 36]. Это перекликается с более общим наблюдением Б. Аттебери, что характерной чертой фэнтези является несовпадение актанта и актора, использование восходящих к мифу архетипических функций персонажей и наполнение их несвойственным им сложным реалистическим психологическим содержанием [Attebery 1992: 72–73].

Как пишет в книге «О литературном герое» Л. Гинзбург, «первая же встреча с литературным героем должна быть отмечена узнаванием, некоей мгновенно возникающей концепцией», имея в виду проводимую читателем типологическую и психологическую идентификацию героя, вызывающую определенную установку на восприятие его в дальнейшем [Гинзбург 1979:16]. Исследовательница отмечает, что именно появление этой установки у читателя позволяет персонажу выполнять эстетическую функцию в тексте.

Один из способов идентификации персонажа – соотнесение его с традицией жанра или направления. Трилогия «Первый закон» во многом строится на трансформировании традиционного квестового фэнтези, чьим образцовым текстом является «Властелин колец» Дж. Р. Р. Толкина, а сюжетную основу составляет путешествие-квест [Mendelsohn 2008]. Его типичные сюжетные ходы в трилогии «Первый закон» переосмысляются и поворачиваются неожиданной стороной. Мы рассмотрим четырех героев, чьи образы очевидно опираются на ключевые для традиционного фэнтези модели, чтобы узнать, что происходит при этом с персонажами.

Представляя героев, Аберкромби задействует первой социально-психологическую идентификацию, жанрово-типологическая активизируется в

сознании читателя позднее, благодаря использованию типичных сюжетных ходов и взаимодействию персонажей. Также и в интервью автор обращается к социально-психологическим характеристикам, говоря, что его протагонисты – «калека – пыточных дел мастер, насмешничающий и ноющий бесхребетный дворянин и варвар-психопат» (пер. наш. – Е. И.) [Moher 2007]. Когда эти характеристики сочетаются с проецируемыми на тех же персонажей традиционными для фэнтези ролями, возникают противоречия, и читатель принужден сам решать, какой из характеристик верить и чего от персонажей ожидать.

Первым в «Крови и железе» читатель встречает Логена Деятипалого. Начало романа характеризует его как опытного воина, привыкшего выживать в любых условиях. Он сожалеет об ошибках прошлого, ценит друзей и соратников, никогда не сдаётся, приобрел за свою жизнь житейскую мудрость.

Эту экспозицию можно считать истинной в терминах Л. Гинзбург, эти качества Логен будет проявлять на протяжении всей трилогии. Но текст дает также два других представления об этом персонаже, ставящих под вопрос такое восприятие.

Логен – северянин, т. е. принадлежит к воинственному народу, похожему на викингов. В других государствах их считают варварами, и в Адуе, столице одной из наиболее развитых стран этого мира, Союза, на Логена смотрят именно так, ожидая от него воинственности и дикости. Это сочетается и с рядом его объективных характеристик. Он могучий воин, крупный и сильный, в то же время ловкий и подвижный. Он лидер, за которым следуют другие именитые бойцы, на время он становится королем Севера, но не слишком успешен в этой роли, в итоге свергнут и вынужден бежать. Все это напоминает о самом известном варваре в фэнтези – Конане. Произведения о нем составляют ядро так называемого фэнтези меча и магии, для которого характерны «мускулистые герои в конфликте с разнообразными злодеями... силы которых, в отличие от способностей героя, имеют сверхъестественное происхождение» (пер. наш. – Е. И.) [The Encyclopedia 1999: 927] и композиционный принцип нанизывания несвязанных эпизодов [Mendelsohn, James 2009: 52]. Биография Логена на первый взгляд развивается так же: он сражался вместе с другими знаменитыми бойцами и против них, руководил отрядом, выступал за вождя Бетода, теперь призван участвовать в походе, после волен уйти дальше. Но если в фэнтези меча и магии такое нанизывание эпизодов безоценочно, потенциально бесконечно и не ведет к изменениям личности героя, то для Логена это далеко не

так. К началу трилогии он ощущает такую жизнь бессмысленной и хочет выйти за ее рамки. Но для него это особенно трудно.

Важным элементом культуры северян являются прозвища, даваемые отличившимся воинам. Логена прозвали Девять Смертей, но для него самого Девять Смертей – это отдельная сущность, которая подчиняет его себе в критических ситуациях. Оказавшись в тяжелом положении в схватке, Логен впадает в боевое безумие: перестает чувствовать боль и усталость, действует с невероятной силой и скоростью, но при этом испытывает непреодолимое желание убивать, делает это с кровожадной радостью и не отличает своих от чужих. «Логен мог бы пожалеть человека. Но Логен был далеко, а Девять Смертей имел не больше жалости, чем зимняя выюга» [Аберкромби 2018а: 524]. По ходу трилогии Логен в этом состоянии убивает одного своего друга и едва не убивает второго. Впервые Девять Смертей появляется в самом конце первого тома, когда уже вполне сформировано представление читателя о Логене как персонаже положительном, и вносит в него неожиданные коррективы.

Сам Логен устал от убийств и бессмысленного насилия, но не может избавиться от них. Мрачная слава идет впереди него, вызывая страшные воспоминания и мрачные ожидания; драться – единственное, что он по-настоящему умеет, и жизнь постоянно дает ему поводы; а над приходами Девяти Смертей он не властен. Сам Логен говорит об этом так: «Кровь не дает тебе ничего, кроме новой крови. Теперь она преследует меня, ходит за мной повсюду как тень. Так же, как от тени, я не могу от нее избавиться. <...> Я заслужил ее, я получил по заслугам. Я всюду искал ее, и таково мое наказание» [там же: 151]. Такое отношение к насилию и воинской славе совершенно не характерно ни для Конана, ни для традиционного фэнтези меча и магии в целом. Однако оно типично для произведений Аберкромби, где, несмотря на обилие красочных описаний боев разного масштаба, насилие оценивается всегда негативно.

Другой центральный персонаж «Первого Закона», Джекзаль дан Лифар – молодой дворянин-прожигатель жизни. С первого появления в тексте он охарактеризован как малоприятная личность: изнеженный, тщеславный, эгоцентричный, насмехающийся над теми, кто слабее и беднее. Однако быстро становится понятно, что при этом он выступает в роли традиционного молодого героя приключенческого романа, т. е. героя положительного и восходящего к архетипам эпического и сказочного протагонистов [Мелетинский 1994: 35]. Для подобного персонажа, например, у Вальтер Скотта характерны искрен-

ные юношеские неопытность и наивность в сочетании с идеализмом, в то время как у Джекзала они порождены ленью и эгоизмом. Однако в дальнейшем, как пишет Б. Г. Реизов о героях Скотта, «герой попадает в новую для него среду, в его существование неожиданно врывается история. Если вначале действительность представлялась ему слишком простой и серой, то теперь события, мелькающие с необычайной быстротой, кажутся непостижимыми и абсурдными» [Реизов 1960] – это полностью применимо к Джекзалю.

Он оказывается втянут в интриги мага Байяз и странный поход на край мира. Здесь в полной мере активизируется сюжетная схема квестового фэнтези. В “Short History of Fantasy” так описана его «классическая траектория»: молодой герой «узнает о большом мире, искалеченном боге, принципах работы магии и глобальном пророчестве, которое касается его семьи. В конце третьей книги он обнаруживает, что является Верховным Королем мира» (пер. наш. – Е. И.) [Mendelsohn, James 2009: 159]. Герой взрослеет и мужает, становясь достойным занять принадлежащий ему по праву престол. Именно это происходит с Джекзалем: он видит незнакомые края, узнает древнюю историю мира, учится судить людей не по внешности, а по реальным качествам. Впервые в жизни он сталкивается с лишениями, дерется насмерть, получает тяжелую рану. Байяз также поучает его, каким должен быть великий правитель. Джекзаль еще не понимает, зачем ему это, но для читателя уже очевидно, что Джекзаль вписан в сюжет о воспитании магом будущего короля.

Внутренние изменения Джекзала обусловлены также развитием любовной линии. Влюбленность совершает в нем первый переворот: он признает свои недостатки, впервые задумывается, как его поступки отражаются на других: «Погубить женщину лишь для того, чтобы немного поразвлечься? Какой эгоизм! Джекзаль поразился: никогда раньше это не приходило ему в голову» [Аберкромби 2018а: 334]. Но если романтические мечтания Джекзала стандартны, то его возлюбленная никак не похожа на Прекрасную Даму, и это несоответствие подтачивает его чувства и желание за них бороться. Изменения в характере Джекзала под действием любви реальны, но не глубоки, любовь оказывается ненастоящей.

То же верно и для сюжетной линии о возвращении короля. Король Союза умирает, наследника нет, и когда Байяз объявляет Джекзала внебрачным сыном покойного, молодой человек немедленно получает корону. Это ложь, никакого отношения к королевскому роду он не имеет, а маг заранее подкупил или запугал наиболее влиятельных дворян и создал Джекзалю положитель-

ный образ в глазах народа. Байяз сажает юношу на трон исключительно в качестве марионетки. Сам Аберкромби охарактеризовал Байяза и Джекзаль как «испорченных Мерлина и Артура» (пер. наш. – Е. И.) [Meet the Author], традиционный сюжетный ход переосмыслен им в ключе *grimdark* – разновидности фэнтези, «где провокационность преобладает над более светлыми элементами» (пер. наш. – Е. И.) и персонажи и мир показываются подчеркнуто грязными, физически и морально [Polack: 81]. Молодой человек чувствует себя на троне не на своем месте, что помогает Байязу манипулировать им. «От него ждут решений, что повлияют на судьбы тысяч людей. Он выйдет биться на политическую арену, арену закона и дипломатии, тогда как сам он смыслит только в фехтовании, выпивке и женщинах...» [Аберкромби 2018в: 173]. Постепенно Джекзаль осознает, что не имеет никакой свободы и вынужден во всем соглашаться с «ужасными стариками», реально правящими страной. В первом томе на празднике в честь Джекзали как победителя турнира он чувствовал себя восковой куклой, безынтесной собравшимся якобы чувствовать его людям [там же: 423] – и это оказалось предвосхищением его правления. Но в то же время неожиданно дают всходы семена поучений Байяза: Джекзаль пытается подражать великим королям прошлого и стать достойным правителем. «Город Великий ни за что не покинул бы город в час нужды. К несчастью, бежать не мог и Джекзаль» [там же: 311]. Когда вражеская армия угрожает столице, Джекзаль совершает правильные и смелые поступки: отказывается сразу сдать большую часть Адуи, открывает ворота внутренней крепости для горожан; оказавшись с личной стражей свидетелем прорыва стены, бросается в атаку и останавливает врагов. Старые привычки, эгоизм и слабость сочетаются в нем теперь с новыми состраданием и чувством ответственности. При этом сам он считает себя «самым негодным королем, которого только могла породить земля Союза» [там же: 399].

Окончательное преображение Джекзали происходит после того, как использованная Байязом чудовищная магия уничтожает врагов, но разрушает половину столицы, приводит к огромным жертвам и вызывает в городе смертельную болезнь, похожую на лучевую. Джекзаль собственноручно помогает разгрести завалы, ходит по госпиталям, навещая раненых. «Кто бы ни был этот странный призрак, так похожий на Джекзали дан Лифара, говорил он, как истинный монарх. Весту даже захотелось сползти с койки и преклонить колена» [там же: 516]. Он ободряет, сочувствует раненым, старается помочь. Эта сцена, несомненно, переключается с приходом Арагорна

в Палаты Исцеления во «Властелине Колец». Джекзаль становится здесь подлинным воплощением архетипа государя, заботящегося о своих подданных и стране. Но в отличие от Арагорна, Джекзаль не имеет силы исцелять наложением рук, он не может спасти умирающих. И возможности реализовать себя как государя у него тоже нет: когда он восстает против Байяза, возмущаясь отношением мага к простым людям, тот с помощью магии вызывает во всем теле молодого человека ужасную боль, объясняет, что короля легко заменить, и требует полного повиновения. Унижение и физическая мука ломают Джекзали, и, хотя он по-прежнему хочет позаботиться о народе, противоречить Байязу он уже не смеет.

Классические схемы вывернуты наизнанку. Воспитывающий избалованного юнца поход не приводит к спасению мира и оказывается напрасным, а обретение Джекзалем качеств истинного короля бесполезно, так как ему не дают их проявить. Парадоксальным образом построенные на лжи события приводят к подлинному преображению героя, но это не приносит сказочного исцеления королевству, а оказывается трагически неважно в глобальной картине вещей.

Еще один герой «Первого закона» производит шокирующее впечатление при первом знакомстве. Это инквизитор Занд дан Глокта. Инквизиция в мире Аберкромби – тайная полиция, занимающаяся вопросами коррупции, политического недовольства и шпионажа. Название выбрано, безусловно, ради мрачных ассоциаций. Инквизиция может арестовать любого, пытки – ее стандартный метод дознания. Инквизитор в роли главного героя выглядит неожиданно, тем более что читатель быстро убеждается: Глокта – мастер своего дела. Он умеет получить признание вины от кого угодно, а в одной из первых глав лично рубит пленнику пальцы. И это выглядит еще более странно, притом что Глокта и сам – калека, изувеченный в пыточной. У него выкрошены зубы, так что он не может есть твердую пищу, он с трудом ходит. И он сам, и другие персонажи не раз задают вопрос: как человек, переживший пытки, может пытать других. Циничный ответ Глокты – «боль не дает ничего, кроме жалости к самому себе» [Аберкромби 2018б: 102]. Он иронизирует над самой возможностью оправдывать себя: «Каждый человек находит себе оправдание, и чем более подлым он становится, тем трогательнее у него история» [Аберкромби 2018в: 167]. Если присказка Логена «Я еще жив», то Глокта регулярно задает вопрос «Зачем я делаю это?» и никогда не находит ответа. Но он не раз заявляет, что отказывается проигрывать, и это заставляет его упорно вести расследование, даже когда ему угрожают. Если

учесть, что в славе Глокта разочарован, богатство не может ничего ему дать, а в политической игре он ищет скорее возможность выжить и освободиться от хозяев, чем власть, его упрямый поиск истины оказывается почти самоцелью. Он демонстрирует редкий ум и силу воли, запоминающееся едкое чувство юмора, а ряд встреч с другими персонажами показывает, что при всем цинизме и жестокости Глокте далеко не чужды добрые чувства и благородные поступки. Все это вызывает у читателя симпатию, и факт, что Глокта единственный не намерен сдаваться и будет искать способы ослабить власть Байяза, становится одним из немногих проблесков надежды в шокирующе мрачном для фэнтези конце трилогии. Но последнее, что делает на ее страницах Глокта – приходит пытаться бывшего главу инквизиции из ненависти к нему.

Аберкромби создает этот сложный и цельный в своей противоречивости образ, никак не облегчая читателю задачу решить, как к нему относиться. Не помогает и тот факт, что только на первый взгляд Глокта занимает позицию типичного антагониста. До попадания в плен он был блестящим молодым офицером, объектом восхищения и зависти. Бросив свой полк в самоубийственную атаку, он спас остальную армию – но вместо славной смерти получил два года плена и пыток. Прежний Глокта не раз сопоставляется с Джезалем. Это подчеркивает, что он также прожигал жизнь, но в то же время означает, что Глокта начинал как еще один молодой герой, «предназначенный для великих дел» [Аберкромби 2018а: 482]. Однако его сюжет сделал внезапный разворот, демонстрируя, как герой может лишиться большинства делающих его таковым качеств и возможности играть эту роль. При традиционном для классического фэнтези жестком делении на добро и зло это значило бы, что для него остались только роли злодеев. В мире Аберкромби он становится проблематичной фигурой, на которую невозможно навесить однозначный ярлык.

Один из самых впечатляющих персонажей «Первого закона» – маг Байяз. Это единственный случай, когда Аберкромби использует полностью ложную экспозицию героя. Долгое время он выдает Байяза за положительного персонажа – и только в конце открывается его истинное лицо беспринципного кукловода, обрекающего на смерть тысячи людей ради своей выгоды. Такой поворот тем более поразителен, что Байяз воплощает в «Первом законе» архетип мудрого наставника, традиционно не только абсолютно положительного, но и заслуживающего полного доверия в квестовом фэнтези. Ф. Мендельсон отмечает в текстах этого типа негласное правило:

«протагонист квестового нарратива должен доверять тем, кто интерпретирует мир для него» (пер. наш. – Е. И.) [Mendelsohn 2008: 54], что и является основной функцией наставника.

Представляя читателю Байяза, Аберкромби использует двойную ложную экспозицию. Первый ее слой очевиден: когда Логен приезжает к магу, навстречу выходит старик с длинной бородой, крючковатым носом и белыми волосами, в белых одеждах – но это слуга. Магом оказывается «старый лысый мясник в заляпанном кровью переднике» [Аберкромби 2018а: 100]. Читатель воспринимает это как еще одно из многих в тексте нарушений фэнтезийных стереотипов и не обращает внимание на конкретную метафору, но в свете дальнейших событий скрытое сравнение Байяза именно с мясником выглядит не случайным.

Первые намеки на истинную сущность Байяза появляются почти сразу. Когда приезжает с угрозами сын новоявленного короля Севера Бетода, Байяз душит его на расстоянии – действие, в популярной культуре ассоциирующееся прежде всего с Дартом Вейдером, антагонистом из «Звездных войн». Но читатель уже знает, что Бетод – враг Логена, который выглядит положительным персонажем, а принц ведет себя оскорбительно, и эта деталь не привлекает внимания. Затем на переговорах уже с самим Бетодом Байяз обвиняет того в неумном желании войны, гордыни и жестокости и отказывается иметь с ним дело, и читатель окончательно убеждается, что Байяз на «нашей» стороне. Но Бетод – лишь один из антагонистов, небольшого масштаба, в то время как реальный противник Байяза – другой маг, Кхалюль, в роли пророка по сути руководящий рабовладельческой империей фанатично религиозных гурков. Он и его ученики нарушают Второй закон – едят человечину, что дает им поразительные и жуткие способности. Людоедство, рабство и фанатизм – такой набор автоматически делает их в глазах читателя злодеями, а Байяза, раз он их враг, – положительным героем.

Кроме того, Аберкромби наполняет текст мелкими деталями, которые, даже если читатель не обращает на них осознанного внимания, постоянно создают отсылки не просто к архетипу мудрого наставника, а непосредственно к эталонному для фэнтези его воплощению – образу Гэндальфа из «Властелина Колец». Гэндальф носил огненное эльфийское кольцо Нарья – Байяз специализацией выбрал огонь. Байяз – первый среди двенадцати учеников легендарного Иувина, один из древнего ордена магов. Другие погибли или удалились в другие страны, и о них мало известно, только Юлвей поддерживает Байяза, не стремясь к такому же могуществу.

Гэндальф прибыл в Средиземье как один из пятых духов майар, посланных противостоять Саурону. Саурон также изначально один из майар, как и главный противник Байяза Кхалюль – один из учеников Иувина. О судьбе двоих магов в Средиземье ничего не известно, Радагаст предпочитает разумным расам животных, но помогает Гэндальфу [Толкин 1992а: 400–411]. Как Гэндальф был наиболее обеспокоен растущим могуществом Саурона и призывал к борьбе с ним, так и Байяз настаивает на невозможности дожидаться, пока Кхалюль захватит весь мир. Юлвей говорит, что немного найдется людей, таких же мудрых, как Байяз, но не утверждает, что ему надо доверять. Это напоминает слова Гэндальфа: «опасней меня ты в жизни никого не встретишь, разве что тебя приволокут живьем к подножию трона Черного Владыки» [Толкин 1991: 116].

Сообщая Джекзалю, что они отправляются в поход, Байяз обещает «эпохальное путешествие» и «грандиозное приключение», а на вопрос о цели отвечает: «На край мира, мой мальчик, на край мира! И обратно, конечно... будем надеяться» [Аберкромби 2018а: 504]. Это звучит как явная пародийная аллюзия на знакомство Гэндальфа и Бильбо в «Хоббите» [Толкин 1992б].

Но по ходу путешествия неприятные черты Байяза проявляются все ярче. Он легко раздражается на спутников, жестоко расправляется с теми, кто пытается им помешать. Кроме того, читатель узнает больше о магии этого мира, связанной с демоническими, а не с божественными силами, как в Средиземье. Наконец, Байяз открыто заявляет, что зло – слово для детей, которое используют только невежды.

Выполняя функцию гида по открываемому героями миру, Байяз рассказывает о могущественных братьях Иувине и Канедиасе и ордена магов, учеников Иувина. Для людей это полузабытые легенды, но Байяз – непосредственный участник тех событий. Среди ключевых моментов этой древней истории было то, что Канедиас убил Иувина, а затем маги отомстили за учителя. Байяз убил Канедиаса, а тот сбросил с крыши своей башни предавшую его ради Байяза дочь Толомею. По крайней мере, такова самая распространенная версия, но чем дальше, тем чаще и очевиднее она ставится под сомнение. В конце Байяз охотно соглашается, что не важно, кто кого убил тысячу лет назад – и это звучит как признание вины. Все его рассказы спутникам – в лучшем случае полуправда.

Заполучив Семя, камень с демонической стороны, средоточие магии, он проверяет свою теорию, как объединить три ветви магии в одну. Вызванная им сила уничтожает учеников Кхалюля, но приносит катастрофические разрушения и

жертвы. Байязу это безразлично, он упивается своим величием. «У кого сила, тот и праведен, тот и вершит справедливость. Это мой первый и последний закон», – заявляет он [Аберкромби 2018в: 534].

В двух разговорах затем он озвучивает свои реальные принципы. Союз, Север, все живущие там люди совершенно не интересуют его. Он создал Союз и всегда держал во главе его марионеток, чтобы иметь под рукой армию в противовес гуркам Кхалюля. Когда умер предыдущий подчинившийся ему канцлер Союза, маг был занят, и события временно развивались независимо от него. Поэтому впоследствии он срежиссировал всю цепочку событий, приведшую к воцарению марионетки Джекзала. «Меня интересует только важное и значимое. Участь отдельного крестьянина меня не волнует» [там же: 549], – поясняет Байяз. Люди для него – не более чем фигуры на доске – прозрачная метафора, которую Аберкромби визуализирует во время разговора Байяза с Глоктой.

«Мне нравилась идея дать людям что-то, выглядящее знакомым, чтобы они думали, что знают, чего ожидать, а потом дать им нечто, категорически отличное от их ожиданий» (пер. наш. – Е. И.), – заметил Аберкромби на встрече с читателями [Meet the Author]. Для привычного к добрым и правдивым наставникам традиционного фэнтези читателя превращение этой фигуры в антагониста становится шоком. Мир «Первого закона» оказывается поделен между двумя враждующими магами, из которых сложно выбрать более ужасного, и, вероятно, главный вопрос, с которым остается читатель, это возможно ли в принципе выйти из-под их жестокой и безразличной власти. Толкин в свое время показал возможность, что Гэндальф поддастся искушению Кольца, как один из самых мрачных возможных вариантов развития событий. Можно сказать, что Аберкромби воплощает его в действительность, и стремящийся подчинить весь мир своей воле Байяз – это Гэндальф, взявший Кольцо.

Именно соотнесение Байяза с образом Гэндальфа, знакомым и близким большинству любителей фэнтези с детства, делает трансформацию особенно впечатляющей, буквально подрывающей привычную картину мира.

При этом единственная цель Байяза – доказать свое превосходство. Его вражда с Кхалюлем началась из-за ревности Байяза ко второму ученику. Мага не интересует возможность править, богатство или слава как таковые, у него нет идеи, которую он стремился бы воплотить, он не является воплощением абсолютного зла или разрушения. Поведение Байяза в большинстве эпизодов подчеркнуто буднично: он рубит туши, отчитывает ученика, не умеет готовить, недоволен

дождем. Для фэнтезийного антагониста он совершенно лишен романтизированных черт и достаточно зауряден.

Если Б. Аттебери, опираясь на А. Ж. Греймаса, писал о типичном для фэнтези несовпадении двух элементов, персонажа как функции истории (актанта) и персонажа как личности (актера), то Аберкромби усложняет эту схему, создавая противоречие одновременно между тремя сторонами: архетипом, несвойственной ему сюжетной ролью (функцией) и психологическим портретом. Молодой герой оказывается в роли злодея, но стремится к свободе и истине (Глокта). Не подающий надежд как герой, юноша преобразуется в походе за сокровищем, но весь его путь оказывается ложью, и он не находит себе применения (Джезаль). Герой действует в нехарактерном для своего типажа сюжете и стремится перестать быть героем в принципе (Логен). Заботливый наставник оказывается главным злодеем и при том мелким человеком (Байяз). Каждый из них выписан как сложная и яркая индивидуальность, но именно сочетание и противоречие их психологических характеристик с задействуемыми традиционными типажами и функциями создает напряжение и непредсказуемость сюжета. Это не только делает персонажей Аберкромби в высшей степени запоминающимися, но и демонстрирует продолжающееся развитие и усложнение литературы фэнтези.

Список литературы

Аберкромби Дж. Первый закон. Книга первая. Кровь и железо / пер. О. Орлова, А. Питчер, Н. Абдуллин. М.: Эксмо, 2018а. 542 с.

Аберкромби Дж. Первый закон. Книга вторая. Прежде чем их повесят / пер. О. Орлова, А. Питчер, Н. Абдуллин. М.: Эксмо, 2018б. 542 с.

Аберкромби Дж. Первый закон. Книга третья. Последний довод королей / пер. О. Орлова, А. Питчер, Н. Абдуллин. М.: Эксмо, 2018в. 590 с.

Гинзбург Л. О литературном герое. Л.: Советский писатель, 1979. 224 с.

Злотницкий Д. Джо Аберкромби «Немного ненависти»: в темное фэнтези пришел капитализм // Мир фантастики. 2019. URL: <https://www.mirf.ru/book/dzho-aberkrombi-nemnogo-nenavisti> (дата обращения: 21.04.2020).

Мелетинский Е. М. О литературных архетипах / Рос. гос. гум. ун-т. М., 1994. 136 с.

Невский Б. Что почитать из фантастики в 2019? Самые ожидаемые переводные книги: от Н. К. Джемисин до Джо Аберкромби // Мир фантастики. 2018. URL: <https://www.mirf.ru/book/samye-ozhidaemye-perevodnye-knigi-fantastika-2019> (дата обращения: 21.04.2020).

Реизов Б. Вальтер Скотт // Вальтер Скотт. Собрание сочинений: в 20 т. Т. 1 / под общ. ред. Б. Г. Реизова, Р. М. Самарина, Б. Б. Томашевско-го. М.; Л.: ГИХЛ, 1960. URL: http://lib.ru/PRIKL/-SKOTT/scott0_1.txt (дата обращения: 21.04.2020).

Толкиен Дж. Р. Р. Две твердыни / пер. В. Муравьев. М.: Радуга, 1991. 414 с.

Толкин Дж. Р. Р. Сильмариллион / пер. Н. Эстель. М.: Гиль Эстель, 1992а. 416 с.

Толкин Дж. Р. Р. Хоббит. Минск: Вышэйшая школа, 1992б. 333 с.

Хализев В. Е. Теория литературы: учебник. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Высшая школа, 2002. 437 с.

Хорошевская Ю. П. Герой фэнтези в художественном мире science fiction: Рауль Эндимион в тетралогии Дэна Симмонса «Песни Гипериона» // В поисках границ фантастического: на пути к методологии / под науч. ред. А. В. Сивичевой, Е. А. Нестеровой. Вроцлав, 2017. 220 с.

Attebery B. Strategies of Fantasy. Indiana University Press, 1992. 152 p.

Borowska-Szerszun S. Representation of Rape in George R. R. Martin's A Song of Ice and Fire and Robin Hobb's Liveship Traders // Extrapolation. 2019. Vol. 60, № 1. P. 1–22.

Castro Balbuena A. De hobbits, tronos de hierro y vikingos. Desarrollo narrativo y cronológico de la fantasía épica. URL: <http://www.tonosdigital.es/ojs/index.php/tonos/article/view/1509/854> (дата обращения: 15.08.2020).

Meet the Author: Joe Abercrombie [Видеозапись]. URL: https://vk.com/literary_criticism/video?z=video-52788417_165988975%2F7d1f46a993a0-38d6c4%2Fpl_post_-2672569_3636 (дата обращения: 21.04.2020).

Mendelsohn F. Rhetorics of Fantasy. Wesleyan University Press, 2008. 306 p.

Mendelsohn F., James E. A Short History of Fantasy. Middlesex University Press, 2009. 285 p.

Meteling A. Krieg und Kartographie. Einführung in die epische Fantasy // Vergemeinschaftung in Zeiten der Zombie-Apokalypse: Gesellschaftskonstruktionen am fantastischen Anderen / ed. by M. Dellwing, M. Harbusch. Springer VS, 2015. P. 37–68.

Moher A. Interview / Joe Abercrombie // A Dribble of Ink: blog, 2007. URL: <http://aidanmoher.com/blog/2007/07/interviews/interview-joe-abercrombie> (дата обращения: 21.04.2020).

Petzold J. Constructing and Deconstructing the Fantasy Hero: Joe Abercrombie's "First Law" Trilogy // Heroes and Heroism in British Fiction since 1800: Case Studies / ed. by Korte B., Lethbridge S. Palgrave Macmillan, 2016. P. 135–150.

Polack G. Grim and grimdark // Fantasy and Science Fiction Medievalisms: From Isaac Asimov to

A Game of Thrones / ed. by Young H. Cambria Press, 2015. P. 77–96.

Schmeink L., Müller H.-H. *Fremde Welten: Wege und Räume der Fantastik im 21. Jahrhundert*. Walter de Gruyter, 2012. 470 S.

The Encyclopedia of Fantasy / Ed. by J. Clute, J. Grant. Orbit, 1999. 1076 p.

Wilkins K. *From Middle Earth to Westeros: Medievalism, Proliferation and Paratextuality // New Directions in Popular Fiction: Genre, Distribution, Reproduction*. Palgrave Macmillan, 2016. P. 201–221.

References

Abercrombie J. *Pervyy zakon. Kniga pervaya. Krov' i zhelezo* [The First Law trilogy. Book one. The blade itself]. Transl. by O. Orlova, A. Pitcher, N. Abdullin. Moscow, Eksmo Publ., 2018a. 542 p. (In Russ.)

Abercrombie J. *Pervyy zakon. Kniga vtoraya. Prezhde chem ikh povesyat* [The First Law trilogy. Book two. Before they are hanged]. Transl. by O. Orlova, A. Pitcher, N. Abdullin. Moscow, Eksmo Publ., 2018b. 542 p. (In Russ.)

Abercrombie J. *Pervyy zakon. Kniga tret'ya. Posledniy dovod koroley* [The First Law trilogy. Book three. Last argument of the kings]. Transl. by O. Orlova, A. Pitcher, N. Abdullin. Moscow, Eksmo Publ., 2018c. 590 p. (In Russ.)

Ginzburg L. *O literaturnom geroe* [On a literary hero]. Leningrad, Sovetskiy pisatel' Publ., 1979. 224 p. (In Russ.)

Zlotnitskiy D. *Dzho Aberkrombi 'Nemnogo nenvavisti': v temnoe fentezi prishel kapitalizm* [Joe Abercrombie 'A Little Hatred': capitalism has come to the dark fantasy]. *Mir fantastiki* [The world of fantasy], 2019. Available at: <https://www.mirf.ru/book/dzho-berkrombi-nemnogo-nenvavisti> (accessed 21.04.2020). (In Russ.)

Meletinskiy E. M. *O literaturnykh arkhetypakh* [On literary archetypes]. Moscow, Russian State University for the Humanities Press, 1994. 136 p. (In Russ.)

Nevskiy B. *Chto pochitat' iz fantastiki v 2019? Same ozhidaemye perevodnye knigi: ot N. K. Dzhe-misin do Dzho Aberkrombi* [What to read in 2019? The most anticipated foreign books: from N. K. Jemisin to Joe Abercrombie]. *Mir fantastiki* [The world of fantasy], 2019. Available at: <https://www.mirf.ru/book/same-ozhidaemye-perevodnye-knigi-fantastika-2019> (accessed 21.04.2020). (In Russ.)

Reizov B. *Val'ter Skott* [Walter Scott]. *Sobranie sochineniy: v 20 t.* [A collection of works in 20 vols.]. Ed. by B. G. Reizov, R. M. Samarin, B. B. Tomashvskiy. Leningrad, Gosudarstvennoe izdatel'stvo khudozhestvennoy literatury Publ., 1960, vol. 1. Available at: http://lib.ru/PRIKL/SKOTT/scott0_1.txt (accessed 21.04.2020). (In Russ.)

Tolkien J. R. R. *Dve tverdiny* [Two Towers]. Transl. by V. Murav'ev. Moscow, Raduga Publ., 1991. 414 p. (In Russ.)

Tolkien J. R. R. *Sil'marillion* [The Silmarillion]. Transl. by N. Estel'. Moscow, Gil' Estel' Publ., 1992a. 416 p. (In Russ.)

Tolkien J. R. R. *Khobbit* [The Hobbit]. Minsk, Vysheyshaya shkola, 1992b. 333 p. (In Russ.)

Khalizev V. E. *Teoriya literatury: uchebnik* [Theory of literature: a course book]. 3rd ed., revised and expanded. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 2002. 437 p. (In Russ.)

Khoroshevskaya Yu. P. *Geroy fentezi v khudozhestvennom mire science fiction: Raul' Endimion v tetralogii Dena Simmonsa 'Pesni Giperiona'* [The fantasy hero in the world of science fiction: Raul Endymion in Dan Simmons's 'Hyperion Cantos']. *Poszukiwaniu granic fantastyki: w drodze ku metodologii*. [In search of the borders of fantasy: On the way to methodology]. Ed. by A. V. Sinitskaya, E. A. Nesterova. Wrocław, 2017. 220 p. (In Russ.)

Attebery B. *Strategies of Fantasy*. Indiana University Press, 1992. 152 p. (In Eng.)

Borowska-Szerszun S. *Representation of rape in George R. R. Martin's 'A Song of Ice and Fire' and Robin Hobb's 'Liveship Traders'*. *Extrapolation*, 2019, vol. 60, issue 1, pp. 1–22. (In Eng.)

Castro Balbuena A. *De hobbits, tronos de hierro y vikingos. Desarrollo narrativo y cronológico de la fantasía épica* [Hobbits, iron thrones and the Vikings. Narrative and chronological development of the epic fantasy]. Available at: <http://www.tonosdigital.es/ojs/index.php/tonos/article/view/1509/854> (accessed 15.08.2020). (In Span.)

Meet the author: Joe Abercrombie [Video]. Available at: https://vk.com/literary_criticism/video?z=video-52788417_165988975%2F7d1f46a993a038d6c-4%2Fpl_post_-2672569_3636 (accessed 21.04.2020). (In Eng.)

Mendelsohn F. *Rhetorics of Fantasy*. Wesleyan University Press, 2008. 306 p. (In Eng.)

Mendelsohn F., James E. *A Short History of Fantasy*. Middlesex University Press, 2009. 285 p. (In Eng.)

Meteling A. *Krieg und Kartographie. Einführung in die epische Fantasy* [War and mapping: Introduction to the epic fantasy]. *Vergemeinschaftung in Zeiten der Zombie-Apokalypse: Gesellschaftskonstruktionen am fantastischen Anderen* [Communalization in time of zombie-apocalypse: Social construction of the fantasy other]. Ed. by M. Dellwing, M. Harbusch. Springer VS, 2015, pp. 37–68. (In Ger.)

Moher A. *Interview with Joe Abercrombie. A Dribble of Ink: blog*. 2007. Available at: <http://aidanmoher.com/blog/2007/07/interviews/interview-joe-bercrombie> (accessed 21.04.2020). (In Eng.)

Petzold J. *Constructing and deconstructing the fantasy hero: Joe Abercrombie's 'First Law' trilogy*.

Heroes and Heroism in British Fiction since 1800: Case Studies. Ed. by B. Korte, S. Lethbridge Palgrave Macmillan, 2016, pp. 135–150. (In Eng.)

Polack G. Grim and grimdark. *Fantasy and Science Fiction Medievalisms: From Isaac Asimov to A Game of Thrones*. Ed. by Young H. Cambria Press, 2015, pp. 77–96. (In Eng.)

Schmeink L., Müller H.-H. *Fremde Welten: Wege und Räume der Fantastik im 21. Jahrhundert* [Alien

worlds: Ways and spaces of the fantastic in the 21st century]. Walter de Gruyter, 2012. 470 p. (In Ger.)

The Encyclopedia of Fantasy. Ed. by J. Clute, J. Grant. Orbit, 1999. 1076 p. (In Eng.)

Wilkins K. From Middle Earth to Westeros: Medievalism, proliferation and paratextuality. *New Directions in Popular Fiction: Genre, Distribution, Reproduction*. Palgrave Macmillan, 2016, pp. 201–221. (In Eng.)

TRANSFORMATION OF TRADITIONAL FANTASY CHARACTERS IN JOE ABERCROMBIE'S 'THE FIRST LAW' TRILOGY

Elizaveta A. Ivanova

Senior Lecturer in the Department of the Humanities

Saratov State Conservatoire

1, prospekt Kirova, Saratov, 410002, Russian Federation. elivan1988@gmail.com

SPIN-code: 4246-7986

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-8861-4925>

Submitted 27.04.2020

Joe Abercrombie is a prominent contemporary British author famous for working in such a currently popular branch of fantasy as grimdark. The characteristic feature of Abercrombie's novels is a conscious play with conventions, traditions and clichés of classical fantasy. This article is devoted to analysis of some central figures of Abercrombie's *The First Law* trilogy: infamous warrior Logen Ninefingers, young nobleman Jezal dan Luthar, inquisitor Sand dan Glokta, and Bayaz, First of the Magi. The study aims to reveal, through comparison with classical models, how the mentioned characteristic feature of Abercrombie's books manifests itself at the level of character development. The analysis shows that for creating his characters Abercrombie employs classical archetypes (a wise mentor, a young protagonist on a long journey to find treasure), which have roots, as much as fantasy literature itself, through adventure fiction and chivalric romance, in the fairy tale and mythos. However, in distinction from the authors of classical fantasy such as J.R.R. Tolkien and his numerous less talented followers, Abercrombie fills the characters who impersonate those archetypes in his works with psychological content that is not in accord with or even contradicts their traditional plot functions. Moreover, the writer changes and transforms the meaning of those functions, thus creating a complex, shadowy realistic image of his grimdark fantasy world instead of an optimistic fairy-tale one typical of earlier fantasy books. Abercrombie's characters are not only realistic and impressive, they are built upon a three-element structure, more complex than that of characters in classical fantasy, which demonstrates the development of this kind of literature in general.

Key words: fantasy; Joe Abercrombie; The First Law trilogy; fantasy hero; fantasy character; archetype in fantasy, British fantasy.

УДК 81'42
doi 10.17072/2073-6681-2021-1-99-108

СОВРЕМЕННЫЙ ПОЭТИЧЕСКИЙ ДИСКУРС: ЯЗЫКОВАЯ ПРИРОДА ГЕРМЕТИЗМА

Галина Васильевна Кучумова

д. филол. н., профессор кафедры немецкой филологии

Самарский национальный исследовательский университет им. акад. С. П. Королёва

443086, Россия, г. Самара, Московское шоссе, 34. gal-kuchumova@mail.ru

SPIN-код: 1072-4633

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-8699-0484>

ResearcherID: S-2848-2017

Статья поступила в редакцию 04.11.2020

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Кучумова Г. В. Современный поэтический дискурс: языковая природа герметизма // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2021. Т. 13, вып. 1. С. 99–108. doi 10.17072/2073-6681-2021-1-99-108

Please cite this article in English as:

Kuchumova G. V. Sovremennyy poeticheskiy diskurs: yazykovaya priroda germetizma [Modern Poetic Discourse: the Linguistic Nature of Hermeticism]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2021, vol. 13, issue 1, pp. 99–108. doi 10.17072/2073-6681-2021-1-99-108 (In Russ.)

Рецензируется монография Екатерины Евграфкиной «Семиотическая природа смысловой неопределенности в современном поэтическом дискурсе (на материале немецкоязычной и русскоязычной поэзии)», опубликованная на русском языке в серии NEUERE LYRIK. Interkulturelle und interdisziplinäre Studien. Herausgegeben von Henrieke Stahl, Dmitrij Bak, Hermann Korte, Hiroko Masumoto und Stephanie Sandler. BAND 5. Berlin: Peter Lang, Internationaler Verlag der Wissenschaften, 2019. 173 с. ISBN 978-3-631-78193-7.

Монография освещает основные направления и художественные ориентиры немецко- и русскоязычной поэзии последних десятилетий. В центре внимания – герметическая поэзия, выступающая как литературная школа или как особое направление в искусстве. Герметическая поэзия требует тщательного и сложного приближения к пониманию текста. Современные авторы сознательно выбирают стратегии письма: литературная импровизация, языковая игра и различные интермедийные включения.

В основе смыслопорождения в герметичном поэтическом дискурсе лежат процессы подвижного семиозиса, в котором отношения стабильности между означающим и означаемым поставлены под вопрос. Проводится творческое исследование семиотических возможностей языка и поля функционирования сложных нетривиальных смыслов. Рассматриваются разнообразные проявления поэтического герметизма в актуальной поэзии, выявляются семантико-синтаксические механизмы и прагматический потенциал смысловой неопределенности – от неуловимого намека до неразрешимой двусмысленности.

Основная значимость рецензируемой монографии определяется теоретическим осмыслением отдельных поэтических практик и анализом конкретного эмпирического материала – новейших немецко- и русскоязычных поэтических текстов.

Ключевые слова: феномен «герметическая поэзия»; языковая природа герметизма; «подвижный семиозис»; смысловая неопределенность; поэтические практики; новейшая русскоязычная и немецкоязычная поэзия.

Монографию молодого исследователя из Трирского университета (Германия) можно рассматривать как смелую попытку отклониться от современного поэтического мейнстрима, критериями существования которого выступают смысловая доступность и литературный конформизм. Автора интересует недостаточно исследованный в современной словесности второй половины XX в. и нового рубежа веков феномен поэтического герметизма, представляющий собой квинт-эссенцию творческой работы над языком.

Поэтический герметизм, ставший популярной формой творчества и интеллектуального досуга еще со времен Ренессанса, приобщает современного читателя к изысканной словесности, требующей медленного и глубокого прочтения. В эпоху массмедийного торжества и скоростных средств коммуникации такая форма познания и открытия мира становится достойным ответом на клиповое мышление и неизбежное языковое обеднение.

Истоки поэтического герметизма автор монографии связывает с европейским модернизмом: от герметичной поэзии французских авторов (С. Малларме, отчасти Ш. Бодлер и А. Рембо) к современным поэтическим формам. «Герметичной» эта поэзия названа по сходству с эзотерическими средневековыми учениями, транслирующими закрытые, «герметичные» знания для посвященных. Герметичная поэзия, рассматриваемая как художественная практика современных поэтов, требует тщательного и сложного приближения к пониманию герметичного текста. Современные авторы сознательно выбирают такие стратегии письма, как литературная импровизация, языковая игра и различные интермедийные включения.

Екатерина Евграфкина ставит перед собой амбициозную задачу – на материале новейшей немецко- и русскоязычной поэзии исследовать семиотическую природу и формы реализации смысловой неопределенности, лежащей в основе поэтического герметизма, разобраться в многочисленных проявлениях и языковой природе герметизма и тем самым вернуть в научное поле *poetry studies* проблему разноплановой художественной коммуникации.

Предложенная автором концепция в русле своеобразного симбиоза лингвистики и литературоведения созвучна как классике отечественного языкознания (идеи Р. Якобсона и А. Потебни), так и современным исследованиям новой природы художественного текста, создаваемого при помощи знаков различной семиотической природы и языковой игры с нарушением

языковых конвенций и высокой степенью креолизации.

В первой главе «Проблема поэтического смысла» делается основательная теоретическая разметка поля исследования. Подробно рассматриваются разные определения дискурса, начиная с его самой ранней интерпретации («языковые игры») [Витгенштейн 1994] до современных, противопоставляющих поэтический и институциональный дискурсы. Разводятся понятия «текст / дискурс», структурный текст-как-продукт и функциональный дискурс-как-процесс [Макаров 2003: 88–89], определяются понятия «текст» и «произведение» [Гальперин 2006: 18]. Гальперин концентрируется на тексте как готовом продукте письма, что затрудняет рассмотрение динамического аспекта скрытых в тексте дискурсивных стратегий. Французский исследователь Р. Барт находит принципиальные различия между произведением и текстом. Если произведение может быть определено как естественно разрастающийся, развивающийся организм, то текст – это сеть, расширение которой происходит в результате комбинирования и систематической организации элементов [Барт 1989: 419]. Важен тезис: текст как релевантный элемент дискурса включается в активный процесс смыслопорождения. Важна дихотомия: статика языковой структуры / динамика смысла, линейность последовательности языковых единиц / нелинейность смысла.

Автор монографии акцентирует диалогические измерения поэтического текста: диалог с самим собой («Я – Я другой»), «диалог с ближним собеседником» (Я – Ты), «диалог с дальним собеседником» (Я – Другой, в структуре текста – это взаимодействие своего и чужого высказывания, интертекстуальные или интермедийные включения) [Бахтин 1979]. В терминологии Р. Барта: текст – это диалог в аспекте диалогических внутритекстовых и диалогических внетекстовых отношений [Барт 1989].

Рассмотрение диалогического измерения в поэтическом герметизме звучит несколько парадоксально. Ведь герметическая поэзия ставит под вопрос саму возможность диалога. О некоммуникативности (*Inkommunikativität*) герметичной поэзии говорит немецкий исследователь Г. Корте [Korte 2004: 47]. Вслед за М. Хайдеггером, он отмечает это особое качество поэтического текста, отставив полноценное онтологическое слово, которое коммуникативным не является, поскольку в каждом слове есть главный смысл, не нуждающийся в передатчике или приемнике. Этот момент в монографии оговари-

вается особо. Указывается, что специфика поэтического текста заключается в том, что в нем означивается сфера субъективного и моделируются сложные психологические процессы, и поэтому диалогические формы здесь не столь очевидны [Евграфкина 2019: 26].

Характер поэтического герметизма определяется наличием в тексте зон смысловой неопределенности [Воробьева 1993: 57]. Элементы неоднозначности связаны с точками контакта автора и читателя. Они возникают там, где существует рецептивная трудность. Лирика герметизма представляется наиболее закрытой, сконцентрированной на различных нарушениях конвенционального использования языковых единиц, что в значительной степени затрудняет декодирование текста. Читателю необходимо преодолеть эту неоднозначность, реконструировать единое с автором смысловое поле. Помимо этого, сам текст задает некоторую программу восприятия, своего рода инструкцию, направляющую читательское восприятие и его интерпретацию.

Во второй главе исследования «**Семиотика современной поэзии**» автор обращается к семиотической природе поэзии, освещая понятия «подвижный семиозис», «дискурс соблазна» (Ж. Бодрийяр), поле «со-вращения» самого лирического текста и читателя и отрицая возможность конечной интерпретации текста. Здесь терминологическая смелость молодого филолога свидетельствует о достойном авторском кураже и может только приветствоваться.

Поэтический дискурс рассматривается как особого рода семиозис, для которого характерны творческая работа с семиотическим потенциалом естественного языка. В фокус исследования попадают различные процессы означивания, которые ведут к потенциальной множественности смыслов, что в конечном итоге заостряет проблему понимания и наделяет ее особым статусом в рамках поэтического дискурса. Таким образом, проблема понимания помещается в широкий контекст разнообразных теорий интерпретаций и возможных модусов ее решения.

Поэтический дискурс отождествляется с семиотическим процессом, а все множество семиотических фактов (отношений, единиц, операций и т. д.), располагающихся на синтагматической оси языка, рассматривается как относящееся к теории дискурса [Греймас, Курте 1983: 488]. Если естественные языки с точки зрения семиотики представляют собой первичные знаковые системы, то вторичными моделирующими системами могут быть названы «коммуникационные структуры как надстройка над естественно-языковым

уровнем» [Лотман 1998: 18]. Словесное искусство может быть описано как некоторый вторичный язык, а произведение этого искусства – как текст на этом языке.

Художественный текст уклончив, он «работает» в сфере означающего, означаемое же бесконечно откладывается на будущее. Сама этимология слова «текст» («ткань») объясняет в некотором смысле его онтологический статус: в тексте осуществляется множественность смысла за счет пространственной многолинейности означающих, из которых он соткан. В нем не происходит «мирного сосуществования смыслов» – текст движется сквозь них, пересекает их, а прочтение текста, таким образом, становится «одноразовым актом» [Барт 1989: 416-417].

Естественные языки универсальны и потому неоднозначны, или неопределенно-значны [Евграфкина 2019: 39]. Данная онтологическая характеристика языка в разной степени учитывается в институциональном (бытовом) и поэтическом дискурсах. Институциональный дискурс, имеющий своим назначением ориентировать человека в мире, будет искать средства преодоления языковой неопределенно-значности. В поэтическом дискурсе языковая неопределенно-значность, существующая априори, не только не преодолевается, но культивируется и становится условием существования этого дискурса. В этом случае речь идет о смысловом потенциале языковой неопределенно-значности, которая в поэтическом дискурсе выводится на передний план, создавая особый вид семиозиса – «подвижный семиозис» (удачная метафора Ж. Бодрийяра). Связь между означающим и означаемым подвижна и неоднозначна, она ориентирована на конкретную вторичную знаковую систему, в которой происходит вращение составляющих знака и постоянная подмена одних знаков другими. «Совращенный» дискурс в своем «поверхностном» аспекте «обращается на глубинный распорядок, чтобы аннулировать его, подменив чарами и ловушками видимостей – оболстить сами знаки оказывается важнее, чем дать проступить наружу какой-то там истине...» [Бодрийяр 2000: 106].

Герметический поэтический дискурс, дискурс «совращенный», дискурс соблазна, вовлекает в игру видимостей, предлагает свои коды и смыслы. Зачастую он становится самой дискурсивной репрезентацией процесса смыслопорождения, возникновения всевозможных ассоциаций, путей спонтанного означивания как элемента ориентирования в мире. Основным правилом любой интерпретации Х.-Г. Гадамер, представитель направления «герменевтика бытия», считает то, что

текст должен быть понят из самого себя (*aus sich selbst*). При его чтении происходит не «таинственная коммуникация душ», а нечто, что можно обозначить как соучастие в смысле данного конкретного. В процессе чтения возникают определенные ожидания, которые могут направлять читателя, но могут стать и помехой на пути истинного понимания текста [Gadamer 2008: 57].

Итальянский семиотик У. Эко в своей фундаментальной работе «Роль читателя» описывает две модели читателя – наивного, понимающего текст семантически, складывающего смысл из суммы высказываний текста, и читателя критического, способного выявить и объяснить стратегию текстовых высказываний, и анализирует интерпретативную деятельность этих категорий читателя [Эко 2007].

Нельзя не назвать и теории, которые ставят под сомнение или вовсе отрицают возможность интерпретации. Так, например, Барбара Джонсон, критикуя герменевтику, утверждает деконструктивистский тезис о потенциальной ошибочности любого прочтения [Johnson 2008: 81]. Сьюзен Зонтаг отрицает возможность конечной интерпретации текста. По ее мнению, интерпретация – как особая форма «культурного» насилия – делает искусство предметом потребления. Интерпретативные усилия читателя она помещает в эротические координаты, сходным образом, как и Р. Барт («удовольствие от текста»). «Вместо герменевтики нам нужна эротика искусства» [Sontag 2008: 189].

Отметим, что данная глава исследования несколько смущает своим названием. Элементы подвижного семиозиса встречаются не только в современной поэзии, но в значительной степени они присутствуют в текстах Венского модерна, в немецкой лирике начала XX в. (К. Моргенштерн, К. Швитгерс и др.).

Третья глава «**Языковые инсталляции: смысловой потенциал материализации языкового знака**» обращается к опыту конкретной и визуальной поэзии на немецком языке, к ее современным векторам развития. Здесь анализируются поэтические практики, экспериментирующие с усложнением смысловых пластов конкретного и визуального текстов за счет включения их в иные семиотические системы, рассматривается процесс деавтоматизации рецепции языкового знака на примере современной немецкоязычной конкретной поэзии.

Языковые эксперименты, продолжающие традиции дадаизма, характеризуют новое явление в литературе – конкретную поэзию. Наряду с визуальной поэзией, это наиболее востребованное

направление в экспериментальной литературе второй половины XX в. Конкретная поэзия «работает» с языком, который перестает быть медиумом, средством описания, передачи мыслей и эмоций. Язык выполняет референциальную функцию по отношению к самому себе. Конкретная поэзия использует фонетическое, визуальное и акустическое измерения языка в качестве объекта поэтизации. Пунктуационные знаки изолируются от их конвенционального языкового употребления. В процесс смыслопорождения вовлекаются новые элементы – главным образом это графическое представление языковой игры.

Отправной точкой данного исследования становятся классические тексты конкретной поэзии: *ordnung / unordnung* Тима Ульрикса (*Timm Ulrichs*, p. 1940), *schweigen* Ойгена Гомрингера (*Eugen Gomringer*, p. 1925), *ein wort stirbt aus* Вернера Хербста (*Werner Herbst*, 1943–2008).

На стыке конкретной и визуальной поэзии работает современный австрийский художник Анатолий Кнотек (*Anatol Knotek*, p. 1977). В его текстах *sich entwickeln* (развиваться), *treffen-trennen* (встретиться-расстаться), *zurück* (назад) используется игра с языковыми значениями, дополнительно усиливаемыми разнообразными визуальными эффектами за счет привлечения семиотического потенциала неязыковых знаков. В первом случае это центробежно развертывающаяся глагольная спираль, во втором – х-образное схождение, пересечение и расхождение слогов, в третьем – «теневое» смещение умлаута.

В ряде случаев авторы конкретной поэзии прибегают и к семантическому обновлению слова: ложная этимологизация, подсказанная графико-фонетической формой самого слова, как это происходит в тексте А. Кнотек: M U S E U M / MUSS SEHN / M U S E E N. Интересны примеры, когда конкретная поэзия выходит в иные семиотические пространства и в процесс смыслопорождения вовлекаются более сложные знаковые системы неязыковой природы. Так, в поэтических проектах Клауса Петера Денкера (*Klaus Peter Dencker*, p. 1941) ирония в качестве ведущего художественного приема создается как языковыми, так и неязыковыми средствами. К примеру, креолизованный текст *goethe* [гёте] выстраивается на анаграмме имени немецкого поэта-классика, а в тексте *dead* (мертвый) визуально воспроизводится форма судoku.

Говоря о векторах развития визуальной поэзии, автор монографии рассматривает «магический квадрат» Барбары Кёлер (*Barbara Köhler*, p. 1959). Ее текст *The Promised Rosegarden* (Обещанный сад роз): R O S E / O S E R / S E R O /

Е R O S – пример графического представления языковой игры.

Необычным образом комбинирует визуальные и текстовые элементы Герта Мюллер (*Herta Müller*, p. 1953). В своих интермедиальных проектах она выступает одновременно в качестве поэта, художника и фотографа. Ее тексты – *Die blassen Herren mit den Mokkatassen* (Бледные господа с чашками мокко) и *Im Haarknoten wohnt eine Dame* (В узле волос живет одна дама), выполненные из газетных вырезок *Schnipseltechnik*, – это яркая иллюстрация постмодернистского «анонимного письма» («исчезновение» автора в густоте интертекстуальных связей) [Müller 2000, 2005].

В следующей главе «**Саморефлексирующий**» дискурс: смысловой потенциал трансформации языкового знака» констатируется тенденция современной поэзии к отказу от рифмы и метра и предпочтению верлибра классическому стиху, отказ от приоритета графико-звуковой формы и перенос акцента на конструирование новых сложных поэтических форм и смыслов. На многочисленных примерах из немецко- и русскоязычной поэзии представлено исследование широкого спектра универсальных трансформаций языковых знаков (от вариаций графики и орфографии до релятивизации знаков субъекта и включения метаконцептов в смысловое поле поэтического текста). Языковые знаки получают в поэтическом контексте дополнительную смысловую нагрузку и ведут к текстовой полисемии.

В условиях нелинейности поэтического высказывания смысловое резонирование оказывается возможным на самых разных уровнях – от графем до сложных синтагм. Так, в стихотворении *fleisch I* (мясо) Томаса Клинга (*Thomas Kling*, 1957–2005) присутствует ряд трансформаций языкового знака: пропуск букв, нарушение дистрибутивных связей и грамматического согласования, раздельное написание частей сложного слова и проч. Полисемия здесь становится качественной характеристикой текста и его конституирующим элементом.

В поэтическом тексте графическая система наравне с системой пунктуационной приобретает характер дискурсивно значимой величины. Отказ от прописных букв практиковали еще немецкие авторы Э. Яндль, Т. Клинг, У. Дреснер, Л. Зайлер и др. Для современной русской поэзии также характерен полный отказ от прописной буквы в начале строки и создание гомогенного графического пространства (тексты А. Глазовой, П. Андрукович, Н. Азаровой и др.).

Отказ от пунктуации усиливает тенденцию распада синтаксиса. Подобные примеры можно найти в текстах Лутца Зайлера (*Lutz Seiler*, p. 1963). Нарушение грамматических связей и создание смысловой неопределенности и поиска смысла через обнажение нонсенса обнаружим в текстах Полины Андрукович (p. 1969). Тенденция к отказу от деления на стиховые отрезки в текстах Александра Уланова (p. 1963) часто сопровождается полным отказом от прописных букв совокупно со знаками пунктуации, что становится непосредственным фактором нелинейного письма, технически напоминающего «поток сознания» или автоматическое письмо.

«Подмешивая» неправильность орфографии, авторы вырабатывают свой индивидуальный почерк письма. Особый случай изобретения «почерка» представляют собой тексты Герты Мюллер. Вкупе с коллажами-иллюстрациями они образуют своеобразные интермедиальные проекты [Müller 2000, 2005].

В современном поэтическом дискурсе знак & (амперсанд) претендует на статус особого пунктуационного знака. Союзная семантика *und* позволяет ему связывать между собой однородные члены и целые грамматические основы предложения. Амперсанд разрушает графическое единство текста, развивая ряд возможностей собственного прочтения и интерпретации. Он появляется в текстах Л. Зайлера, С. Лафлёра и др. Как гетерогенный элемент, амперсанд нарушает семиотическую однородность текста, привнося целые комплексы дополнительных смысловых нюансов.

Примечателен знак «скобки». В поэтическом тексте этот знак – как знак потенциально подразумеваемого – может отмечать пространство комментария, выступать творческой ремаркой, паратекстом либо текстовым элементом, графически маркирующим множественное прочтение. Примеры: стихотворения немецкоязычных авторов *white horse song* (песня белой лошади) Райнхарда Присница (*Reinhard Priessnitz*, 1945–1985) и <...> *O hätt ich nicht Todesfurcht!* Ингеборг Бахман (*Ingeborg Bachmann*, 1926–1973).

Скобки становятся характерным приемом в поэтике немецкого поэта Константина Амеса (*Konstantin Ames*, p. 1979). Широкое распространение менее употребительных пунктуационных знаков (косых и обратных косых скобок, включая фигурные) характерно и для поэтики Ники Скандиаки (p. 1978), живущей в Британии и пишущей на русском языке.

Особенно богатым смысловым потенциалом с точки зрения поэтического дискурса в немецком

языке обладают генитивные цепочки и окказионализмы. В поэзии Лиобы Хаппель (*Lioba Happel*, р. 1957) создаются окказиональные лексемы, сочетающие в себе потенциально несочетаемые слова, лексическое или даже контекстуальное значение новообразования часто оказывается затемнено. Например, процесс окказионального словообразования в стихотворении *Zimt gekauft* Томаса Бёме (*Thomas Böhme*, р. 1955) становится частью вызова привычному и знакомому.

Одной из особенностей авторского дискурса Л. Зайлера стало раздельное написание частей сложного слова. Грамматическая форма эпитета *haut & knochenleichtes* (очень легкий) потенциально согласуется с существительным среднего рода (*glocken*)*läuten* (звон колоколов), однако раздельное написание частей сложного отглагольного существительного позволяет прочесть эту строку не только как фигуру перечисления, но и как предложение, содержащее предикат (колокола звонят). Генитивные цепочки присутствуют в ряде текстов Александра Уланова, образуя своеобразные метафорические фракталы, означающие соотнесенность, сопричастность и взаимообратимость многого со многим.

Проблема смысловой неопределенности в поэтическом дискурсе затрагивает и проблему субъекта поэтического текста. Значимая роль в герметических текстах отводится местоимениям, указывающим на субъект. Как универсальные знаки-шифтеры, как операторы неопределенности, они «хоть и подчиняются коду, но предстают как изошренное, самим же языком данное средство прервать коммуникацию» [Барт 2002: 141].

Поэтико-перформативный потенциал местоимений в герметичной поэзии реализуется посредством метаязыковых элементов. Герметичную поэзию Пауля Целана (*Paul Celan*, 1920–1970) можно с определенной точки зрения назвать поэзией знаков-шифтеров. В его текстах шифтеры парадоксально двойственны: они указывают на референта, однако лишены функции прямой номинации. Универсальными знаками-шифтерами представляются личные и неопределенные местоимения. Они связывают между собой текстовые пассажи и указывают на ранее упоминавшийся референт. Однако нелинейность герметичного поэтического текста предполагает отказ от прямого указания на определенный денотат. Местоимение может занять и доминантную позицию в синтагме, не восстанавливая связи с собственным референтом, как это иллюстрируется на примере текста *Kassiber* Вольфдитриха Шнурре (*Wolfdietrich Schnurre*, 1920–1989).

В сборнике *Deutsches Roulette* (1991) Барбары Кёлер местоимение «Я» выступает как поэтический артефакт и дезинтеграция субъекта. Субъект и характер его присутствия становятся предметом поэтической рефлексии в текстах Лутца Зайлера и Полины Андрукович. Нередко знаки субъекта в поэтическом тексте отсутствуют или само присутствие и необходимость субъекта подвергаются сомнению: поэтический сборник «Зимняя медицина» (2015) русскоязычного автора Дмитрия Воробьева (р. 1979) [Воробьев 2015].

Таким образом, в поэтическом дискурсе конституирование поэтического субъекта коррелирует с другими явлениями смысловой неопределенности: он неопределен, неясен, недостоверен, дезинтегрирован или вовсе устранен, он – своеобразный Протей в текучем «возможном мире» поэтического текста. Введение новых элементов культуры в поэтические тексты – подобного рода новации приводят не к механическому приращению элементарного смысла, а к структурному преобразованию всей картины в целом.

В заключительной главе «**В поисках смысла: поля поэтических референций**» приводится ряд интерпретативных анализов индивидуальных поэтических дискурсов, демонстрирующих многообразие форм проявлений смысловой неопределенности: от намека и игры с двусмысленностью до герметизма, вскрываемого посредством авторских комментариев к тексту.

Рассматривается поэтический дискурс Барбары Кёлер, в котором языковые знаки трансформируются на разных уровнях. Детально анализируется чрезвычайно плодотворный для ее творчества концепт «зеркало». Концепт «зеркало» у Б. Кёлер входит в одно концептуальное поле с концептом «маска». Пример тому – цикл стихотворений *Elektra. Spiegelungen* (Электра. Отражения), в котором субъект примеряет роль древнегреческой героини трагедий. В текстах сборника Б. Кёлер *Deutsches Roulette* (Немецкая рулетка, 1991) представлена сложная «география» изменения конвенциональной графики: отказ от прописных букв и часто полный отказ от пунктуации, местоимения в качестве знаков-шифтеров, которые участвуют в изменении перспективы и постоянных «превращениях» субъекта высказывания. Зеркало обозначает дезинтеграцию субъекта, умножает количество отражений. В тексте Б. Кёлер *Selbstportrait* (автопортрет) концепт «зеркало» реализует себя посредством неязыковых графических средств.

Интересен пример и с другим текстом Б. Кёлер *Das Ende ist* (Конец...). Сильная позиция поэтической графики в нем в некоторой сте-

пени напоминает эксперименты конкретной поэзии, графически показывая границу *перехода* в зазеркалье. В тексте *ich sitze im spiegel* (я сижу в зеркале) три из четырех строф начинаются соответствующей анафорой. Здесь субъект живет и по ту сторону зеркала, причем не всегда полностью идентифицирует себя со своим *живым* отражением, дистанцируясь от него.

Интертекстуальность как механизм приращения смысла прослеживается в стихотворении *fin de siècle* (2000) Лутца Зайлера. Уже благодаря своему заглавию текст автоматически включается в систему культурных координат и образует устойчивые ассоциативные и культурные связи с эпохой декаданса. В диалогические отношения с текстами декаданса вступает и *botanischer garten* (ботанический сад) Яна Вагнера (*Jan Wagner*, p. 1971). Здесь свою языковую репрезентацию находят концепты *одиночество, болезнь, сомнамбулия, насилие, смерть* и др.

Необычный интермедиаальный эксперимент представлен в двуязычном сборнике немецких текстов и их перевода на французский язык *Übergangenes* (2011). Это совместный поэтический проект двух авторов – фотографа Манфреда Коха (*Manfred Koch*, p. 1956) и поэта, литературного критика Рольфа-Бернхарда Эссига (*Rolf-Bernhard Essig*, p. 1963). Смелый поэтический эксперимент продолжает традиции интермедиаальных проектов *Klecksographien* (Кляксографии, 1890) Ю. Кернера и *Kleine Fleckenkunde* (Малое пятноведение, 1982) П. Рюмкорфа, утверждающих кляксографию в качестве художественного метода. В их книгах картинки-кляксы становятся релевантным паратекстуальным элементом и вместе с текстами образуют синтетическое единое смысловое целое.

Юстинус Кернер (*Justinus Kerner*, 1786–1862) создавал из чернильных клякс абстрактные рисунки, а потом при помощи нескольких дополнительных росчерков пера пытался сделать их предметом наррации. Он стал первым художником в немецкоязычном пространстве, кто интерпретировал кляксы определенным образом. По его мнению, кляксы «оставляют фантазии пространство игры», напоминая собой фигуры «из давно ушедших времен – истуканов, мумии» [Kerner 1980: III].

В стихотворениях Петера Рюмкорфа (*Peter Rühmkorf*, 1929–2008) очевидной становится игровая рефлексия. Примеры языковой игры: *Klecksogravieh* – окказиональное слово, основанное на фонетическом сходстве части слова *Klecksographie* и существительного *Vieh* (скот), *Arschroch* – сложное слово, содержащее два кор-

ня: *Arsch* (задница) и *-roch* (от *riechen*) – нюхать. Другая часть текстов немецкого автора содержит графически выделенные слова-палиндромы, устанавливающие определенные связи с соответствующими картинками-кляксами: *Radar* (радар), *nie sein* (никогда не быть) и т. д. Особенно интересны картинка-клякса, напоминающие по форме насекомых. П. Рюмкорф утверждает, что *In jedem Klecksler ruht versteckt / ein Ur-Insekt* (В каждой кляксе затаилось пра-насекомое). Это вырастает до масштабов обобщающей рефлексии о существах органического мира [Rühmkorf 1982: 64].

Герметичные тексты Р.-Б. Эссига содержат сложные комбинации из отсылок к различным кодам (музыкальным, биографическим, относящимся к семиотике моды и т. д.), в том числе к неязыковым знаковым системам (например, к изобразительному искусству и его частным «языкам»). Они требуют от реципиента обширных познаний во многих областях культуры, истории и искусства. Но для наивного читателя почти к каждому тексту предлагаются небольшие авторские примечания, которые также носят игровой характер и дают *minimum minimorum* информации, восстанавливающей текстовые референции. Примечателен текст *Jedem die Seine* (Каждому своя) [Essig 2011: 51]. Он строится на графико-фонетической игре, омографическом наложении французского названия реки Сены (*Seine*) и выражения *Jedem das Seine* (каждому свое) с его прямой отсылкой к теме Холокоста (надпись при входе в концентрационный лагерь Бухенвальд).

Важный вектор исследования герметической поэзии прослеживается в русскоязычных поэтических текстах, затрагивающих проблему гендера поэтического субъекта. Об «осциллирующем» гендере поэтического субъекта размышляет наша современница Марианна Гейде (p. 1980). В ее текстах субъект вне пола и гендера, вне оппозиции «мужское / женское». М. Гейде лишь формально выбирает мужское «Я» с целью избежать женского поэтического «Я», которое в современной русской литературе, к сожалению, дискредитировано и маркировано своей пока еще не преодоленной маргинальностью.

Ги́ла Лоран (псевдоним Галины Зелениной, p. 1978) тоже делает выбор в пользу «мужского» письма. Двусмысленность ситуации с гендерной идентификацией субъекта иронически обыгрывается в книге ее стихов «Первое слово съела корова» [Лоран 2004]. В целом сложный дискурс Г. Лоран характеризуют смена языков и интонаций, обценная лексика и новояз, тонкие лирические напевы, высокая доля цитатности, зачастую

вызывающая брутальность в духе «жесточкого романа» и мощный культурный бэкграунд: библейские аллюзии, поэзия Серебряного века, «проклятые поэты» и немецкий экспрессионизм.

Поэтический дискурс Наили Ямаковой (р. 1982) эксплицитно битекстуален. Субъект «осциллирует» между двумя полюсами мужского и женского (формула «девочкамальчик») [Ямакова 2006]. Примечательно, что термин «битекстуальность» может быть соотнесен с «женским» письмом, представляющим собой дискурс бисексуальный, т. е. в одинаковой степени принадлежащий и мужчине, и женщине, присутствие которых ощутимо в нем на равных, что усиливает наслаждение от текста (*Le rire de la méduse*, Хохот медузы) [Сиксу 2001].

Рассматриваемые в данной монографии поэтические тексты призваны продемонстрировать разнородность и разноприродность феномена «современная герметическая поэзия». Анализ современных поэтических текстов позволяет указать на имеющиеся существенные различия в поэтических практиках немецкоязычных и русскоязычных авторов. Обобщающими характеристиками этих текстов являются разнообразие потенциальных семантических связей, отказ от широкого диапазона языковых норм, подвижность границ слова и синтагм, кумулятивная динамика смыслов. Все это требует сложной интерпретативной работы, медленного чтения и порождает смысловую неопределенность, которая становится фактором удовольствия от текста.

Небольшого объема (160 с.) монографию Екатерины Евграшкиной отличает плотный текст и «теснота» мыслей, стимулирующих научную дискуссию по проблемам поэтического герметизма. Отдельные научные и аналитические позиции автора могут быть развернуты в самостоятельные исследования монографического или диссертационного уровня.

Список литературы

Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика / пер. с франц. сост., общ. ред. и вступ. ст. Г. К. Косикова Автор: Ролан Барт. М.: Прогресс, 1989. 616 с.

Барт Р. Ролан Барт о Ролане Барте / пер. с франц. и послесл. Сергея Зенкина. М.: Ad Marginem; Сталкер, 2002. 188 с.

Бахтин М. Эстетика словесного творчества / сост. С. Г. Бочаров; Текст подгот. Г. С. Бернштейн и Л. В. Дерюгина; Примеч. С. С. Аверинцева и С. Г. Бочарова. М.: Искусство, 1979. 424 с.

Бодрийяр Ж. Соблазн / пер. с фр. А. Гараджи. М.: Ad Marginem, 2000. 319 с.

Витгенштейн Л. Философские работы. Ч. 1 (1994) / пер. с нем. М. Козловой и Ю. Асеева. М.: Гнозис, 1994. 612 с.

Воробьев Д. Зимняя медицина. Чебоксары: Ариэль, 2015. С. 178–180.

Воробьева О. Текстовые категории и фактор адресата. Киев: Выща шк., 1993. 199 с.

Гальперин И. Текст как объект лингвистического исследования. М.: КомКнига, 2006. 144 с.

Греймас А., Курте Ж. Семиотика. Объяснительный словарь теории языка // Ю. Степанов (сост.): Семиотика: сб. ст. М., 1983. С. 483–551.

Евграшкина Е. Семиотическая природа смысловой неопределенности в современном поэтическом дискурсе (на материале немецкоязычной и русскоязычной поэзии / Hrsg. von Henrieke Stahl, Dmitrij Bak, Hermann Korte, Hiroko Masumoto und Stephanie Sandler. Berlin: Peter Lang, Internationaler Verlag der Wissenschaften, 2019. 173 с.

Лоран Г. Первое слово съела корова // Voila: Антология жанра. М.: АРГОРИСК; Тверь: Колонна, 2004. 75 с.

Лотман Ю. Структура художественного текста // Лотман Ю. Об искусстве. СПб.: Искусство-СПБ, 1998. С. 14–285.

Макаров М. Основы теории дискурса. М.: Гнозис, 2003. 280 с.

Сиксу Э. Хохот медузы // Введение в гендерные исследования. Ч. II: Хрестоматия / под ред. С. В. Жеребкина. Харьков: ХЦГИ, 2001; СПб.: Алетейя, 2001. С. 799–821.

Эко У. Роль читателя: исследования по семиотике текста / пер. с итал. С. Серебряного. СПб.: Symposium; М.: Изд-во РГГУ, 2007. 501 с.

Ямакова Н. Приручение. СПб., 2006. URL: <https://www.netslova.ru/yamakova/priruchenie.html> (дата обращения: 30.10.2020).

Essig R.-B. Übergangenes: Gedichte. Bamberg: Erich Weiß Verlag, 2011. 61 S.

Kerner J. Kleksographien. Stuttgart / Leipzig / Berlin / Wien, Deutsche Verlagsanstalt, 1980. 80 S.

Korte H. Deutschsprachige Lyrik seit 1945. Stuttgart: Verlag J. B. Metzler, 2004. 354 S.

Müller H. Die blassen Herren mit den Mokkatasen. München: Carl Hanser Verlag, 2005. Без пагинации.

Müller H. Im Haarknoten wohnt eine Dame. Hamburg: Rowohlt Verlag, 2000. Без пагинации.

Rühmkorf P. Kleine Fleckenkunde. Zürich: Haffmanns Verlag AG, 1982. 111 S.

Sontag S. Gegen Interpretation // Kindt T. Moderne Interpretationstheorien. / Köppe T. (Hrsg.). Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 2008. S. 172–190.

References

- Barthes R. *Izbrannye raboty: Semiotika. Poetika* [Selected works: Semiotics. Poetics]. Transl. from French. Comp., ed., introd. by G. K. Kosikov. Moscow, Progress Publ., 1989. 616 p. (In Russ.)
- Barthes R. *Rolan Bart o Rolane Barte* [Roland Barthes by Roland Barthes]. Transl. from French and afterword by Sergey Zenkin. Moscow, Ad Marginem Publ., Stalker Publ., 2002. 188 p. (In Russ.)
- Bakhtin M. *Estetika slovesnogo tvorchestva* [The aesthetics of verbal creativity]. Comp. by S. G. Bocharov; text prep. by G. S. Bernstein and L. V. Deryugina; notes by S. S. Averintseva and S. G. Bocharova. Moscow, Iskusstvo Publ., 1979. 424 p. (In Russ.)
- Baudrillard J. *Soblazn* [The temptation]. Transl. from French by A. Garadzha. Moscow, Ad Marginem Publ., 2000. 319 p. (In Russ.)
- Wittgenstein L. *Filosofskie raboty* [Philosophical works]. Transl. from German by M. Kozlova and Yu. Aseev. Moscow, Gnozis Publ., 1994, pt. 1. 612 p. (In Russ.)
- Vorob'ev D. *Zimnyaya meditsina* [Winter medicine]. Cheboksary, Ariel' Publ., 2015, pp. 178–180. (In Russ.)
- Vorob'eva O. *Tekstovye kategorii i faktor adresata* [Text categories and the addressee factor]. Kiev, Vyshchashk. Publ., 1993. 199 p. (In Russ.)
- Gal'perin I. *Tekst kak ob'ekt lingvisticheskogo issledovaniya* [Text as an object of linguistic research]. Moscow, KomKniga Publ., 2006. 144 p. (In Russ.)
- Greimas A., Courtes J. *Semiotika. Ob'yasnitel'nyy slovar' teorii yazyka* [Semiotics. Explanatory dictionary of language theory]. *Semiotika: sb. st.* [Semiotics: collection of articles]. Comp. by Yu. Stepanov. Moscow, 1983, pp. 483–551. (In Russ.)
- Evgrashkina E. *Semioticheskaya priroda smyslovoy neopredelennosti v sovremennom poeticheskoy diskurse (na materiale nemetskoyazychnoy i russkoyazychnoy poezii)* [Semiotic nature of semantic uncertainty in modern poetic discourse (based on the material of German and Russian poetry)]. Ed. by von Henrieke Stahl, Dmitrij Bak, Hermann Korte, Hiroko Masumoto und Stephanie Sandler. Berlin, Peter Lang, Internationaler Verlag der Wissenschaften, 2019. 173 p. (In Russ.)
- Loran G. *Pervoe slovo s'ela korova* [The first word was eaten by a cow]. *Voila: Antologiya zhanra* [Voila: Genre anthology]. Moscow, ARGORISK Publ., Tver, Kolonna Publ., 2004. 75 p. (In Russ.)
- Lotman Yu. *Struktura khudozhestvennogo teksta* [The structure of a literary text]. *Ob iskusstve* [About the art]. St. Petersburg, Iskusstvo-SPB Publ., 1998, pp. 14–285. (In Russ.)
- Makarov M. *Osnovy teorii diskursa* [The fundamentals of discourse theory]. Moscow, ITDGGK 'Gnozis' Publ., 2003. 280 p. (In Russ.)
- Siksu E. *Khokhot meduzy* [Laughter of a jellyfish]. *Vvedenie v gendernye issledovaniya. Ch. II: Khrestomatiya* [Introduction to gender studies. Pt. II: Reader]. Ed. by V. Zherebkin. Kharkiv, Kharkiv Center for Gender Studies Publ., 2001; St. Petersburg, Aleteyya Publ., 2001, pp. 799–821.
- Eko U. *Rol' chitatelya: issledovaniya po semiotike teksta* [The role of the reader: Explorations in the semiotics of texts]. Transl. from Italian by S. Serebryanny. St. Petersburg, Symposium Publ., Moscow, RSUH Press, 2007. 501 p. (In Russ.)
- Yamakova N. *Priruchenie* [Taming]. St. Petersburg, 2006. Available at: <https://www.netslova.ru/yamakova/priruchenie.html> (accessed 30.10.2020). (In Russ.)
- Essig R.-B. *Übergangenes: Gedichte* [Transient: Poems]. Bamberg, Erich Weiß Verlag, 2011. 61 p. (In Ger.)
- Kerner J. *Kleksographien* [Flexography]. Stuttgart, Leipzig, Berlin, Wien, Deutsche Verlagsanstalt, 1980. 80 p. (In Ger.)
- Korte H. *Deutschsprachige Lyrik seit 1945* [German lyrics from 1945]. Stuttgart, Verlag J. B. Metzler, 2004. 354 p. (In Ger.)
- Müller H. *Die blassen Herren mit den Mokkatasen* [The pale gentlemen with mocha cups]. Munich, Carl Hanser Verlag, 2005, without pagination. (In Ger.)
- Müller H. *Im Haarknoten wohnt eine Dame* [A lady lives in a knot of hair]. Hamburg, Rowohlt Verlag, 2000, without pagination. (In Ger.)
- Rühmkorf P. *Kleine Fleckenkunde* [The brief history of flexography]. Zurich, Haffmanns Verlag AG, 1982. 111 p. (In Ger.)
- Sontag S. *Gegen Interpretation* [Against interpretation]. In: Kindt T., Köppe T. (eds.) *Moderne Interpretationstheorien* [Modern theories of interpretation]. Göttingen, Vandenhoeck & Ruprecht, 2008, pp. 172–190. (In Ger.)

MODERN POETIC DISCOURSE: THE LINGUISTIC NATURE OF HERMETICISM

Galina V. Kuchumova

Professor in the Department of German Philology

Samara National Research University

34, Moskovskoye shosse, Samara, 443086, Russian Federation. gal-kuchumova@mail.ru

SPIN-code: 1072-4633

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-8699-0484>

ResearcherID: S-2848-2017

Submitted 04.11.2020

The paper provides review of the monograph by Ekaterina Evgrashkina *The Semiotic Nature of Semantic Uncertainty in Modern Poetic Discourse (based on German and Russian poetry)*, published in the Russian language as part of the series *NEUERE LYRIK. Interkulturelle und interdisziplinäre Studien*. Herausgegeben von Henrieke Stahl, Dmitrij Bak, Hermann Korte, Hiroko Masumoto und Stephanie Sandler. BAND 5. Berlin: Peter Lang, Internationaler Verlag der Wissenschaften, 2019. 173 s. ISBN 978-3-631-78193-7.

The monograph deals with the main trends of German and Russian poetry of the last decades. The focus is on the phenomenon of hermetic poetry. Modern authors consciously choose writing strategies such as literary improvisation, language play, and various intermedial inclusions.

The first chapter 'The problem of poetic meaning' provides a theoretical framework for the field of research. It introduces the definitions of discourse, the concepts 'language games' (developed by L. Wittgenstein), 'text / discourse', 'text / work', dialogical dimensions of poetic text.

The second chapter 'Semiotics of modern poetry' covers the concept 'mobile semiosis' (J. Baudrillard) and some others. In hermetic poetic discourse, generation of meaning is based on mobile semiosis, in which the relationship of stability between the signifier and the signified is called into question. In *The Role of the Reader*, Umberto Eco describes two models of the reader, different strategies for interpreting text. Susan Sontag denies the possibility of final interpretation of a text, she suggests eroticism of art instead of hermeneutics.

The third chapter 'Linguistic installations' considers various manifestations of poetic Hermeticism in modern poetry, the experience of concrete and visual poetry in German: Timm Ulrichs (1940), Klaus Peter Dencker (1941), Barbara Köhler (1959), Werner Herbst (1943–2008), Anatol Knotek (1977), Herta Müller (1953).

The final chapter 'The self-reflexive discourse' deals with the trend of modern poetry towards free verse and construction of new complex poetic forms. The process of occasional word formation is shown in the lyrical texts by German poets Thomas Kling (1957–2005), Lutz Seiler (1963), Konstantin Ames (1979), Lioba Happel (1957), Thomas Böhme (1955), and by Russian authors Polina Andrukovich (1969), Alexander Ulanov (1963), Dmitry Vorobyov (1979). In poetic discourse, the constitution of the poetic subject correlates with the introduction of new elements of culture into the poetic text. Such innovations do not lead to a mechanical increment of the elementary meaning, but to a structural transformation of the whole picture.

The reviewed monograph is significant in that it provides theoretical understanding of individual poetic practices and the analysis of specific empirical material – the latest German and Russian poetry.

Key words: 'hermetic poetry' phenomenon; linguistic nature of hermeticism; 'mobile semiosis', semantic ambiguity, poetic practices; latest German and Russian poetry.

УДК 82–95
doi 10.17072/2073-6681-2021-1-109-118

«НАРРАТИВ ОБ АВТОРЕ» В КОНТЕКСТЕ ПРОБЛЕМЫ САМОИДЕНТИФИКАЦИИ ПИСАТЕЛЯ В СОВРЕМЕННОМ ЛИТЕРАТУРНОМ ПРОЦЕССЕ

Елена Александровна Селютина

к. филол. н., доцент, ведущий научный сотрудник,
доцент кафедры литературы и русского языка

Челябинский государственный институт культуры

454091, Россия, г. Челябинск, ул. Орджоникидзе, 36а. L22502@yandex.ru

SPIN-код: 2873-9060

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-5982-6208>

ResearcherID: T-2113-2017

Статья поступила в редакцию 22.09.2020

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Селютина Е. А. «Нарратив об авторе» в контексте проблемы самоидентификации писателя в современном литературном процессе // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2021. Т. 13, вып. 1. С. 109–118. doi 10.17072/2073-6681-2021-1-109-118

Please cite this article in English as:

Selyutina E. A. «Narrativ ob avtore» v kontekste problemy samoidentifikatsii pisatelya v sovremennom literaturnom protsesse [‘Narrative about the Author’ and the Problem of Writers’ Self-Identification in Modern Literary Process]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2021, vol. 13, issue 1, pp. 109–118. doi 10.17072/2073-6681-2021-1-109-118 (In Russ.)

Исследование посвящено анализу «нарратива об авторе» в интервью современных писателей. Литературно-художественные практики в современном литературном процессе переживают момент реконфигурации и переоценки системы писатель – читатель – текст. Происходит реактуализация авторской персоны, его прямой речи, рассчитанной на разные типы читательских публик. В интервью формируется особый «нарратив об авторе» (определение, идентификация себя как писателя). Автор статьи приходит к выводу, что писатель сталкивается с необходимостью публичной саморефлексии, автокомментирования, т. е. формирования метатекста – текста второго порядка о своем творчестве, становится самоинтерпретатором, получая возможность влиять на читательские векторы восприятия, при этом переходя из сферы сакральной в сферу потребления. Текст как коммуникативный акт перестает быть отчужденным от автора (отношения автора-текста-читателя становятся горизонтальными), читатель воспринимает произведение через модель личности, которую писатель представил публике. Необходимо исследовать авторский нарратив самопрезентации как систему добровольно или репрессивно принятых автором конвенций (нарративная рамка), наложенных на себя ограничений и способов их репрезентации, с учетом проблемы верификации этой самопрезентации. Оформление «нарратива об авторе» определяется множеством факторов, описание которых может служить иллюстрацией динамики взглядов современных писателей на сущность литературного творчества и миссию литератора в момент окончательного распада литературоцентричности. Исследование нарратива об авторе актуально в контексте понимания сложности определения магистральных художественных тенденций современности. Материалом исследования являются интервью писателя Е. Водолазкина, посвященные роману «Лавр».

Ключевые слова: автор; нарратор; «нарратив об авторе»; нарративная рамка; интервью; современный литературный процесс; Е. Водолазкин; «Лавр».

Активное присутствие автора в информационном пространстве (писатель, дающий интервью и прочие формы его означивания в литературной среде в конце XX – начале XXI в.) изменило читательскую культуру и требует нового языка описания этой ситуации. Литературно-художественные практики в России находятся в пространстве свободного движения довольно длительное время (с конца XX в. и по сей день), индоктринированные формы (т. е. формы, целенаправленно созданные теми или иными институтами власти) существования литературы оказались в прошлом, творчество все чаще не институционально и не зависит от государственной политики. Поэтому мы можем видеть, с одной стороны, десакрализацию персоны автора-творца (комментирование и вообще любой отклик на событие вокруг текста от читателей, представляющих разные типы публик), а с другой – изменение отношения к тексту, который перемещается в область элитарного досуга, доступного только тем, у кого есть свободное время, что доказал еще Ж. Бодрийяр [Бодрийяр 2006]. В этом случае фигура автора – живого участника диалога и его прямая речь начинают иметь заместительное значение, позволяя быть в курсе литературных новинок и даже вектора рефлексии о ней, иногда без чтения собственно произведения (см. подробнее [Селютина, Селютин 2016]). Пользуясь терминологией Ж. Женнета, мы можем говорить, что «“нарратив нехудожественный” начинает превалировать над “нарративом литературным”» [Женнет 1998]. И если «нарратив литературный» в отечественном литературоведении изучается активно (исследуется нарратив А. П. Чехова, Ф. М. Достоевского, писателей советского времени, нарративы авторов новейшего времени, например, В. Сорокина, В. Пелевина), то «нарратив нехудожественный», важный для понимания современного института авторства, не имеет такой богатой исследовательской истории. Важными, на наш взгляд, являются выводы о социокультурном конструировании эго-нарративов в статьях И. Л. Савкиной, которая полагает, что анализ эго-нарратива невозможен без апелляции к культурной традиции автобиографии и учета новых условий публичности и приватности [Савкина 2018; 2019]. Проблеме определения позиции автора в сложном меняющемся мире, когда на литературу воздействуют новые медиатехнологии, что приводит к трансформации состава художественной словесности под воздействием цифровизации, посвящены направления работы значимых научных проектов, таких как регулярная конференция «Культ-товары»: например, конференция «Культ-товары: массовая литерату-

ра современной России между буквой и цифрой» (Санкт-Петербург, 2018), организованная учеными Санкт-Петербурга, Перми, Екатеринбурга, Темпере (Финляндия) и др. (см. подробнее [Даниленко, Крендель 2019]).

В разработанной теории М. М. Бахтина о проблеме автора и героя в эстетической деятельности дается принципиальная позиция «внеаходимости» автора, даже в том случае, когда автор в тексте явно автобиографичен: автор смотрит на себя глазами «другого» [Бахтин 1979]. На наш взгляд, эта проекция оказывается рабочей в отношении нехудожественного текста, например, авторских слов и интервью, в том случае, если автору приходится формулировать реакцию интерпретации. «Что вы имели в виду, сказав это в своем произведении?» – этот условный вопрос интервьюера связан с помещением себя в позицию «другого» – критика, ученого, но не собственно автора. Такая позиция предполагает конструирование собственной истории авторства, оперирование определенными тезисами этико-эстетического характера: автор транслирует правила прочтения самого себя. Сошлемся на слова исследовательницы русского авангарда Л. Пановой, которая говорит о стандартном общественном договоре, «который предписывает художнику очаровывать, гипнотизировать, создавать иллюзии, обманывать; читателю – восхищаться, верить (в смысле *suspension of disbelief*) и обманываться» [Панова 2017: 63]. Продолжая мысль исследовательницы, скажем, что предписательность этого договора в современном литературном процессе может распадаться на множество вариаций, а в случае возможности открытого влияния на читателя породить нового типа нарратив.

Проблема «я-высказывания» (эго-нарратива) активно рассматривается как философская, психологическая, социологическая и языковая, но нас интересует нарратив, возникающий внутри самопрезентационной ситуации, который мы называем «нарратив об авторе» и понимаем под ним нарратив, содержащий в себе определение, идентификацию себя как писателя. Исследование нарратива об авторе актуально и в контексте понимания сложности определения магистральных художественных тенденций современности, что заставляет ученых говорить о «текучести» культурной ситуации [Бауман 2008], а также о «парадигмальных сдвигах», которые происходят под воздействием цифровизации в отечественных и зарубежных словесных практиках [Абашев, Абашева 2018]. Для современного автора представляет сложность момент соотношения себя с художественными системами (постмодерн, мета-

модерн и все его субпарадигмы), а также с теми ценностями, которые ранее могли бы считаться константными, но в современности активно пересматриваются (гендер, религия, политика, этика и т. п.). Неслучайно П. С. Гуревич и Э. М. Спирина ставят вопрос о «нулевой» идентичности как об одном из феноменов современной цивилизации: с одной стороны, определить границы себя самого является естественной человеческой потребностью, а с другой – нестабильность и смена конвенций приводят к тому, что человек хочет «изъять себя из всех определений» [Гуревич, Спирина 2015: 15].

Настоящее исследование посвящено анализу «нарратива об авторе» в интервью современных писателей, в которых они презентуют (продвигают) собственные труды. Специфика этого материала выражается, во-первых, в нарративной рамке, в которой оказывается писатель за счет диалоговой структуры, во-вторых – в рекуррентности, т. е. в многочисленном повторении информации о себе (интервью по поводу одного текста даются различным изданиям, рассчитанным на разные типы читающих публик, причем повторяемость информации не говорит о ее верификации, но обеспечивает частотность присутствия указанного нарратива и ставит перед нами проблему мнимой спонтанности); в-третьих – сочетание речевых жанров разного типа внутри интервью, моделируемых нарративной рамкой («воспоминание», «случай» и т. п.), а также его устный и разговорный характер. Нас интересует «нарратив об авторе», данный в аспекте самопрезентации, т. е. исследование структурно-семантического и коммуникативного аспектов данного нарратива (интенции моделирования нарратива, его композиционная структура, коммуникативные задачи). Поэтому методология исследования должна быть междисциплинарной, учитывать достижения современной когнитологии, медиалингвистики, социологии литературы, а также общий антропологический поворот в гуманитарном знании. В качестве эмпирической базы исследования использованы интервью писателя Е. Водолазкина, данные по поводу выхода романа «Лавр» (2012), отобранные вручную методом простой выборки, опубликованные в изданиях «Российская газета», «Ведомости», «Новая газета», «Афиша.Daily», «Известия» и др. (2012–2013 гг.), а также фрагменты телеинтервью, доступные в сети интернет (до 2014 г., так как в 2013 г. вышла новая книга писателя «Совсем другое время», и дискуссии изменились). Мы работали только с так называемыми классическими интервью, где взаимодействуют два субъекта – интервьюер и интервьюируемый. Критерием отбора интервью является их

направленность на максимально широкий и разнообразный круг воспринимающих субъектов (адресованы неспециалистам). В анализируемом материале важен момент концентрированности вокруг события (выхода книги), так как необходимо учитывать первичную рефлексию автора: интервью после 2016 г. уже учитывают момент писательской известности автора, построены на сравнении с опытом «Лавра», что является вторичной рефлексией.

Специалисты, изучающие теорию массовой коммуникации, полагают, что именно интервью «как составляющая сложной системы средств массовой коммуникации занимает одну из самых высоких позиций по частоте использования и технике исполнения» [Иванова 2009: 3]. В понимании интервью как жанра важно учитывать, что это изначально публичный диалог – особый вопросно-ответный комплекс (содержащий инициальные и реактивные реплики), в котором пронизана граница устной (спонтанной) и письменной (кодифицированной) речи, тесна связь с ситуацией, и, следовательно, на него активно влияют экстралингвистические факторы [там же: 9–10]. И. В. Иванова отмечает, что интервьюируемый – это общественно значимая фигура [там же]. Поэтому логично, что серия интервью сопровождает презентацию каждой новой книги и является частью маркетинговых стратегий издательств.

Внутри классического интервью, выстраиваемого как интервью-знакомство, мы можем выделить некоторое количество нарративов, которые оформляются как ряд относительно автономных микротем, сменяющих друг друга в зависимости от нарративной рамки, предложенной писателем автором интервью. В связи с максимально широким употреблением термина «нарратив» и его трансфером из одной теоретической сферы в другую требуется уточнить, что мы имеем в виду, говоря о выделении специфического «нарратива об авторе». Исследователи отмечают, что наполнение понятия «нарратив» не может быть однозначно понимаемым в связи с разницей методологических позиций авторов определений. Но общим методологическим основанием можно считать понимание нарратива в контексте анализа идентичности, проблем ее формирования и индивидуализации стратегий личностного развития. По словам Й. Брокмейера и Р. Харре, под нарративом стоит понимать «имя некоторого ансамбля лингвистических и психологических структур, передаваемых культурно-исторически, ограниченных уровнем мастерства каждого индивида и смесью его или ее социально-коммуникативных способностей» [Брокмейер, Харре 2000: 30]. Поскольку мы работаем только с уст-

ным нарративом (или с фиксацией устной речи, что, как мы указывали выше, должно рассматриваться именно в контексте устных высказываний), для нас особое значение имеют следующие теоретические положения теории нарратива. Под нарративом мы, вслед за Лабовым и Валетски, понимаем не только повествование в общем смысле (событие в жизни человека, изложение которого можно считать частью дискурса), но и схему организации опыта, имеющую определенную структуру, которую можно описать через ряд операций [Labov, Waletzky 1966]. Кроме того, мы опираемся на исследования М. Флудерник о «свободном непрямом дискурсе» («FID»), позволяющие объединить семиотический подход в изучении нарратива с когнитивным [Postclassical narratology 2010]. Понимая, что анализ нарратива писателя связан с проблемами психологии творчества, мы учитывали положение Дж. Брунера о «двойном ландшафте нарратива» (ландшафт сознания и ландшафт действия) и его связи с культурной традицией [Брунер 2005].

Специфика интервью по поводу выхода книги заключается в том, что писатель рассуждает в рамках рефлексии над собственной биографией (писательской и человеческой), что в терминологии Лабова должно рассматриваться как «нарратив личного опыта». Но если структурно нарратив об авторе совпадает с общими признаками нарратива повседневных историй, что дает основания для его формального выделения, то семантически он будет серьезным образом отличаться. В теории нарратива используются термины «малый нарратив» и «большой нарратив». Под «малым нарративом» понимают или рассказ о себе [Глаголев 2015], или незначительный эпизод жизни [Бамберг 2006, Тивьяева 2020]. Под «большим нарративом» – группу рассказов нарратора о себе, историю жизни субъекта [Труфанова 2010] или группу жизнеопределяющих событий [Бамберг 2006, Тивьяева 2020]. С точки зрения данных подходов, с учетом разницы в понимании объема события наррации, его смысловой полноты и включенности в широкий контекст жизни говорящего субъекта, мы должны определять «нарратив об авторе» как «малый нарратив»: это ответ на нарративную рамку, содержащую модальность долженствования (что должен делать автор в современном литературном мире, как должно писать современному автору и подобные вопросы). Но, на наш взгляд, более корректным термином в отношении сакрального вопроса о самоидентификации автора как творца будет термин «метатекстуальный нарратив». В классических исследованиях об авторской речи были выделены два уровня текста: собственно выска-

зывание и высказывание о высказывании [Вежбицкая 1978]. В тех случаях, когда оценочность и комментаторство играют значимую роль, ученые говорят о метатекстуальности как об особом свойстве текста [Балабин 2008], понимая под метатекстуальностью прежде всего интерпретационный аспект. И если мы говорим о художественных феноменах, например о литературе постмодерна, то признаками метатекстуальности будут пояснения, комментарии, сноски, соотносимые с основным предметом высказывания. Выделяя в особую категорию авторского высказывания «нарратив об авторе», определяя его как историю о самоидентификации, мы можем проследить формирование метатекстуального уровня: предмет рефлексии в данном нарративе обладает повышенной значимостью для нарратора, что приводит к иннективному комментированию его позиции. В ядре нарратива находится мысль об интенции: почему я пишу. В нарративе об авторе репрезентируется событие осознания авторства как специфической особенности собственной личности, и в зависимости от личности оно будет оформляться в варианты нарратива.

Структурно схема нарратива, предложенная У. Лабовым, может быть резюмирована так: тезисы (суть); ориентация (время, место, ситуация, участники); комплекс действий (последовательность) и осложняющее событие (что же все-таки случилось?); оценка (значимость и смысл действия, оценка рассказчика); резолюция (итоговое объяснение); кода (итог, завершение повествования, возврат к настоящему) [Labov, Waletzky 1966]. Но ученые отмечают, что части нарратива могут меняться местами, осложняющее событие может совпасть с оценкой и резолюцией. Специфика положения «нарратива об авторе» в интервью в том, что его введение зависит не от интервьюируемого, а от интервьюера, т. е. он существует внутри нарративной рамки, выражаемой вопросами. Кроме того, мы не можем зафиксировать текстовую связность, так как нарратив может быть фрагментарен, разорван, если интервьюер активно вводит уточняющие вопросы активного слушания. Описание этого нарратива возможно благодаря интерпретационным методам и связанному сюжету о писательстве, который позволяет говорить о едином нарративе. То, что Лабов называет «тезисами», в «нарративе об авторе» может оказаться как в начале, так и в конце интервью, совпадая с «оценкой» и «резолюцией».

С содержательной точки зрения перед нами нарратив, апеллирующий не только к личному, но и коллективному опыту (например, направленческим и стилистическим тенденциям, национальным, культурным и цивилизационным кон-

венциям о творческом акте). Эта многополярность позволяет нарратору постоянно соизмерять опыт субъектный с устойчивыми константами должностного, необходимого и т. п. Поэтому его рефлексия связана не только с идентификацией как субъекта профессии, но и с осмыслением себя самого как сакрального субъекта (легитимность самоназывания) – я-автор (я-поэт и т. п.). Другое отличие – это пространственно-временная локализация нарратива об авторе. Если в теории У. Лабова это формальный критерий, обладающий признаками реальной локальной и темпоральной обусловленности, то в данном случае нарратив эти границы может нарушать. Автор может определить условный временной и пространственный пуант, точку отсчета, с которой он начинает считать себя «настоящим автором» (или совершает первые творческие шаги), но при этом его рефлексия будет связана с институтом авторства как такового (авторами древних времен или Золотого века, например), который может охватывать не одно столетие, а в пределе и вечность. Таким образом, ретроспективность такого нарратива, естественная для авторкомментирования, может быть направлена не в прошлое нарратора, а в прошлое нации. Эти флуктуации между персональным-внеперсональным необходимы для верификации себя на литературной карте и выхода в резюме: «я писатель».

Как мы уже указывали выше, в классическом интервью «нарратив об авторе» выделяется благодаря нарративной рамке, которую формирует интервьюер. Специфика нарративной рамки в интервью с писателем Е. Водолазкинским связана с противопоставлением (или сопоставлением) его научной и писательской карьеры, «переменной участи»: большинство интервьюеров побуждают автора определиться, ученый он или писатель («Вы начали писать прозу. Означает ли это, что научные методы познания истины представляются вам недостаточно продуктивными?» [Кучерская 2012]; «Что для вас литература, жена или любовница – или же чеховское сравнение тут не работает?» [Варламов 2013]). Высока частота упоминания, что писатель – ученик Д. С. Лихачева. И это действительно имеет значение, так как нарратив о себе самом у Водолазкина всегда соизмеряется с авторами Древней Руси, входящими в сферу его научных интересов (см., например, его высказывания о «профессиональной деформации» в интервью с критиком Л. Данилкиным [Данилкин 2013]). Поэтому, говоря о специфике репрезентации Е. Водолазкиным своего творчества, необходимо учитывать, что он в «нарративе об авторе» выступает в двух ролях сознательно («Как литературовед, я (и не

только я) фиксирую...» [Варламов 2013]), как рассказчик и как исследователь большой истории литературы, частью которой он стал (то, что М. Флудерник анализировала как «свободный непрямой дискурс»). Часть нарратива, которая У. Лабовым названа «ориентация», в данном случае оказывается темпорально в современности (хотел описать то, что отсутствует в современности), и наоборот, соотносена с глубокой древностью, авторами-летописцами (и во многих интервью автор сравнивает «кабинетного ученого» с келейником-летописцем). И потому смысловым ядром «нарратива об авторе» у Водолазкина является вопрос об истине в творчестве, понимаемой в древнерусском ключе (отсутствие лжи) – столкновение истинного и ложного в современной культуре («современный культ успеха» [Токарева 2013]). Поэтому данный «нарратив об авторе» связан с возвратом писателя в сферу сакрального, но не в отношении возвышения, как это было в классической традиции нового времени (автор-пророк), а как повторение средневековой модели авторства-служения («я ведь пытался писать внутренне смиренно» [Данилкин 2013]). С точки зрения локализации, также входящей в ориентационную часть нарратива, в «нарративе об авторе» Водолазкина важна мысль об альтернативности его авторского пути, напрямую зависящего от места писания – Санкт-Петербурга, где он живет и работает, Большой Москве, где успех литературный часто оказывается равным гонорару: «Всякий желающий “достичь успеха” понимает, что в полной мере эта цель осуществима лишь в Москве. За исключением науки и литературы, к которым мне посчастливилось иметь отношение» [Варламов 2013]; «многих, как и меня, раздражает сегодняшний культ успеха, причем понятого не только в финансовом отношении, но и в смысле принадлежности к определенному кругу» [Токарева 2013].

Водолазкин позиционирует себя как автор, подключенный к сфере сакрального, вневременного: «Хороший писатель всегда должен быть немножко не здесь, должен быть менее сиюминутным» [Кучерская 2012]; автор-медиатор высших смыслов: «Я чувствовал себя не столько писателем, сколько переводчиком, транслятором» [Токарева 2013]. «Тезисом» нарратива является сообщение, что труд литератора – поиск истины, поэтому литература работает в сфере иррационального (чувства, интуиция, вера), «возникает некий надтекстовый смысл. Это в некотором смысле взгляд за горизонт» [там же]; это сфера эмоций («Те эмоции, которые не помещаются в науку, я отдаю литературе» [Варламов 2013]; «появилась потребность в том языке выражения,

который включает в себя иррациональное» [Данилкин 2013]. И в труде автора заложена энергия вопроса: «Я скорее ставил вопросы, чем отвечал на них. Иногда правильно поставить вопрос важнее, чем на него ответить. Собственно, лучший случай – это когда на вопрос отвечают читатели: каждый по-своему. Это и есть тот надтекстовый смысл, о котором я говорил» [Кучерская 2013]. Поэтому оценочной частью «нарратива об авторе» («оценка») является отказ от дидактики и установка на внутреннюю работу писателя в ходе творческого акта: «Пока писал книгу – сам учился, мы с ней делали друг друга» [там же]; «Мы с этим текстом делали друг друга: я его писал, он, насколько это возможно, исправлял меня. Его влияние на меня было очень большим; когда описываешь человека с бесспорными достоинствами, немножко приближаешься к нему и сам» [Токарева 2013]; «у меня нет права на учительство – ни духовного, ни морального, ни тем более литературного, – потому что не дело литературы учить» [Данилкин 2013]. В данной интерпретации роли писателя сталкиваются две традиции осмысления функций литературы в современности: с одной стороны, есть понимание, что литература способствует формированию личности или «формовке читателя» (Е. Добренко), с другой – сам аспект дидактики дискредитирован идеологической составляющей, существовавшей до недавнего времени в комбинации с учительством в советском литературоведении, хотя сам по себе он имеет древнюю традицию равнодушного отношения к судьбе текстов, берущую начало в древнерусской литературе.

Важной частью анализируемого нарратива является точка начала писания, входящая в «ориентацию». Автор раз за разом отмечает, что писать художественные тексты он начал поздно, после сорока лет, поэтому авторство – результат взросления. На вопрос о том, изменила ли литературная известность его жизнь, он отвечает, что, с одной стороны, он слишком взрослый, чтобы всерьез наслаждаться славой, а с другой (в соответствии с древнерусской традицией самоуничтожения в зачине агиографических и иных текстов) – известность к нему пришла в «литературном мире», который не имеет всеобъемлющего характера и его известность локальна [Издательство АСТ 2013]. «Осложняющее событие» («что же все-таки случилось») в «нарративе об авторе» комментирует момент переоценки произведений Водолазкина, которые были написаны и изданы до «Лавра». Признание его как одного из лучших авторов художественной литературы произошло после выхода в шорт-лист премии «Большая книга» (2010) романа «Соловьев и Ла-

рионов», но общественное внимание пришло только после победы в премиях «Большая книга» и «Ясная поляна»-2013 (первая премия) с романом «Лавр». Автор интерпретирует собственный успех через общие тенденции современного литературного процесса (он ответил на внутрилитературную тенденцию к анализу не внешних обстоятельств существования героя, а «внутренних ресурсов персонажа» [Смирнова, Толстая 2013]) и национальный запрос на литературу с нравственной проблематикой, связанной с персональной ответственностью личности («Но литературное произведение все-таки не об истории семьи и государства, а об истории личности» [Симакова 2013]). В оценочную часть также входит анализ собственной художественной стратегии (метода). Выработка персонального нарратива в романе «Лавр» связана с «воскрешением слова» [Данилкин 2013] (в противовес деконструкции), «специально для этой книги я изобрел новый язык» [там же].

Итак, анализ «нарратива об авторе» на примере интервью писателя Е. Водолазкина позволил показать, каким образом конструируется персональная история авторства и какими тезисами этико-эстетического характера оперирует писатель. Важной чертой «нарратива об авторе» нужно считать самоописательность и верификацию себя как творца, что принципиально отличает «нарратив об авторе» от эго-нарратива в целом (предмет рефлексии в данном нарративе обладает повышенной значимостью для нарратора). «Нарратив об авторе» имеет метатекстовый характер, реконструкция которого продуктивна в контексте анализа внутренней рефлексии писательского сообщества над ролью и местом писателя в новейшей культуре, когда авторство осознается как специфическая особенность личности, в зависимости от которой оно оформляется в варианты нарратива (у Е. Водолазкина в ядре нарратива – столкновение истинного и ложного в творчестве). Данный тип нарратива зависим от нарративной рамки жанра интервью и условий его представления. Необходимость исследовать этот нехудожественный нарратив обуславливается особенностями восприятия фигуры писателя современными читателями. Формально-содержательное единство «нарратива об авторе» позволяет говорить о типичном и индивидуальном в идентификационном процессе.

Список литературы

Абашев В. В., Абашева М. П. Поверх барьеров: трансфикциональность, интермедиальность, трансмедиальность как стратегии современной культуры // Культ-товары: массовая литература

современной России между буквой и цифрой: сб. науч. ст. СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2018. С. 19–37.

Балабин В. В. Метатекстуальность и интертекстуальность в исследованиях дискурса // Вестник МГИМО-Университета. 2008. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/metatekstualnost-i-intertekstualnost-v-issledovanii-diskursa/viewer> (дата обращения: 29.08.2020).

Бахтин М. М. Автор и герой в эстетической деятельности // Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979. С. 7–181.

Бауман З. Текущая современность / пер. с англ. С. А. Комарова. СПб.: Питер, 2008. 240 с.

Бодрийяр Ж. Общество потребления. Его мифы и структуры / пер. с франц. Е. А. Самарской. М.: Республика; Культурная революция, 2006. 269 с.

Брокмейер Й., Харре Р. Нарратив: проблемы и обещания одной альтернативной парадигмы / пер. с англ. Е. А. Мамчур // Вопросы философии. 2000. № 3. С. 29–42.

Брунер Дж. Жизнь как нарратив / пер. с англ. М. В. Соколовой; под ред. А. М. Корбута // Постнеклассическая психология. 2005. № 1(2). С. 9–29.

Варламов А. Лавр непросто открывался: интервью // Российская газета. 2013. 11 янв. URL: https://evgenyvodolazkin.ru/614_evgenij-vodolazkin-ya-xotel-rasskazat-o-cheloveke-sposobnom-na-zher-tvu/ (дата обращения: 29.08.2020).

Вежбицкая А. Метатекст в тексте / пер. с англ. А. Д. Шмелева // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 8. Лингвистика текста. М.: Прогресс. 1978. С. 402–421.

Глаголев В. С. Межкультурная коммуникация в условиях глобализации. М.: Проспект, 2015. 231 с.

Гуревич П. С., Спирова Э. М. Идентичность как социальный и антропологический феномен. М.: Канон+РООИ «Реабилитация», 2015. 368 с.

Даниленко Ю. Ю., Крендель А. Б. Массовая литература в современной России: вызовы цифровой эпохи // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2019. Т. 11, вып. 2. С. 86–93. doi 10.17072/2073-6681-2019-2-86-93

Данилкин Л. Родная речь: «Я не имитатор, я был бы неплохим древнерусским писателем» // Афиша. Daily. 2013. 26 нояб. URL: <https://daily.afisha.ru/archive/vozduh/books/ya-ne-imitator-ya-byl-by-neplohim-drevnerusskim-pisatelem/> (дата обращения 29.08.2020).

Женнет Ж. Повествовательный дискурс / пер. с фр. Е. Васильевой и др. // Фигуры: в 2 т. М.: Изд-во Сабашниковых, 1998. Т. 2. С. 60–280.

Иванова И. В. Жанр интервью: формы бытования и языковые особенности: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Астрахань, 2009. 24 с.

Издательство АСТ представляет: Евгений Водолазкин // Встреча с Евгением Водолазкиным на 27 Московской междунар. книжной выставке-ярмарке. 2014. 24 сент. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=fejMvjxqjaE> (дата обращения 29.08.2020).

Кучерская М. Евгений Водолазкин: С точки зрения вечности // Ведомости. 2012. 7 дек. URL: https://www.vedomosti.ru/lifestyle/articles/2012/12/07/pisatel_nemnozhko_ne_zdes (дата обращения 29.08.2020).

Панова Л. Мнимое сиротство: Хлебников и Хармс в контексте русского и европейского модернизма. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2017. 608 с.

Савкина И. Л. Быть знаменитым красиво: эготексты как феномен // Культ-товары: массовая литература современной России между буквой и цифрой: сб. науч. ст. / под ред. М. А. Черняк. СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2018. С. 110–123.

Савкина И. Л. «А старость вот она, рядом»: репрезентации старости и старения в дневниках советского времени // Шаги / Steps. 2019. Т. 5. № 2. С. 188–210.

Селютин Е. А., Селютин А. А. Культура чтения в современных коммуникативных практиках: сетевые медиа и картина мира современного читателя // Вестник Челябинского государственного университета. 2016. № 13(395). С. 106–112.

Симакова С. Евгений Водолазкин: «Человек создан для вечности» // 74.ru: информационный портал. 2013. 23 окт. URL: <https://74.ru/text/education/59437461/> (дата обращения 29.08.2020).

Смирнова А., Толстая Т. Евгений Водолазкин // Школа злословия. 2013. 29 июня. URL: <https://www.ntv.ru/peredacha/shkola/m543/o174762/video/> (дата обращения 29.08.2020).

Тивьяева И. В. Структурная организация мнемического нарратива // Сибирский филологический журнал. 2020. № 1. С. 303–314.

Токарева М. Евгений Водолазкин: «История человека важнее истории человечества» // Новая газета. 2013. 30 сент. № 109. URL: <https://novaya-gazeta.ru/articles/2013/09/27/56548-evgeniy-vodolazkin-171-istoriya-cheloveka-vazhnee-istorii-chelovechestva-187> (дата обращения: 29.08.2020).

Труфанова Е. О. Я-нарратив и его автор // Философия науки. Вып. 15: Эпистемология: актуальные проблемы / отв. ред. В. А. Лекторский. М.: ИФ РАН, 2010. С. 183–194.

Bamberg M. Biographic-Narrative Research, Quo Vadis. A Critical Review of «Big Stories» from the

Perspective of «Small Stories» // Narrative, Memory & Knowledge: Representations, Aesthetics, Contexts. University of Huddersfield, 2006. P. 63–79. URL: <http://eprints.hud.ac.uk/id/eprint/4902/> (дата обращения: 29.08.2020).

Labov W., Waletzky J. Narrative analysis: Oral versions of personal experience // Helm J. (Ed.) Essays on the Verbal and Visual Arts: Proceedings of the American Ethnological Society. Seattle: University of Washington Press, 1966. P. 12–44.

Postclassical narratology: Approaches and analyses / ed. by M. Fludernik, J. Alber. Columbus: Ohio State University, 2010. 323 p.

References

Abashev V. V., Abasheva M. P. Poverkh bar'rov: transfiktsional'nost', intermedial'nost', transmedial'nost' kak strategii sovremennoy kul'tury [Over the barriers: Transfictionality, intermediality, transmediality as a strategy of modern culture]. *Kul't-tovary: massovaya literatura sovremennoy Rossii mezhdu bukvoy i tsifroy: sbornik nauchnykh statey* [Cultgoods: Mass literature of modern Russia between the letter and the digit: Collection of scientific articles]. St. Petersburg, Herzen State Pedagogical University of Russia Press, 2018, pp. 19–37. (In Russ.)

Balabin V. V. Metatekstual'nost' i intertekstual'nost' v issledovaniyakh diskursa [Metatextuality and intertextuality in discourse studies]. *Vestnik MGIMO-Universiteta* [MGIMO Review of International Relations], 2008, issue 2. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/metatekstualnost-i-intertekstualnost-v-issledovanii-diskursa/viewer> (accessed 29.08.2020). (In Russ.)

Bakhtin M. M. Avtor i geroy v esteticheskoy deyatelnosti [Author and hero in aesthetic activity]. Bakhtin M. M. *Estetika slovesnogo tvorchestva* [The aesthetics of verbal creativity]. Moscow, Iskusstvo Publ., 1979, pp. 7–181. (In Russ.)

Bauman Z. *Tekuchaya sovremennost'* [Fluid modernity]. Transl. from English by S. A. Komorov. St. Petersburg, Piter Publ., 2008. 240 p. (In Russ.)

Baudrillard J. *Obshchestvo potrebleniya. Ego mi-fy i struktury* [The consumer society: Its myths and structures]. Transl. from French by E. A. Samarskaya. Moscow, Kul'turnaya revolyutsiya. Respublika Publ., 2006. 269 p. (In Russ.)

Brokmejer J., Harre R. Narrativ: problemy i obeshchaniya odnoy al'ternativnoy paradigmy [Narrative: Problems and promises of an alternative paradigm]. Transl. from English by E. A. Mamchur. *Voprosy filosofii* [Issues of Philosophy], 2000, issue 3, pp. 29–42. (In Russ.)

Bruner J. *Zhizn' kak narrativ* [Life as a narrative]. Transl. from English by M. V. Sokolova, ed. by A. M. Korbut. *Postneklassicheskaya psikhologiya*

[Postnonclassical Psychology], 2005, issue 1(2), pp. 9–29. (In Russ.)

Varlamov A. *Lavr neprosto otkryvalsya: interv'y'u* [Lavr was not easy to open: interview]. *Rossiyskaya gazeta* [Russian Gazette], January 11, 2013, issue 3(5979). Available at: https://evgenyvodolazkin.ru/614_evgenij-vodolazkin-ya-xotel-rasskazat-o-cheloveke-sposobnom-na-zhertvu/ (accessed 29.08.2020). (In Russ.)

Vezhbitskaya A. Metatekst v tekste [Metatext in a text]. *Novoe v zarubezhnoy lingvistike* [The New in Foreign Linguistics]. Moscow, Progress Publ., 1978, issue 8. *Lingvistika teksta* [Text linguistics], pp. 402–421. (In Russ.)

Glagolev V. S. *Mezhkul'turnaya kommunikatsiya v usloviyakh globalizatsii* [Intercultural communication in the context of globalization]. Moscow, Prospekt Publ., 2015. 231 p. (In Russ.)

Gurevich P. S., Spirova E. M. *Identichnost' kak sotsial'nyy i antropologicheskii fenomen* [Identity as a social and anthropological phenomenon]. Moscow, Kanon+ROOI 'Reabilitatsiya' Publ., 2015. 368 p. (In Russ.)

Danilenko Yu. Yu., Krendel' A. B. Massovaya literatura v sovremennoy Rossii: vyzovy digital'noy epokhi [Mass literature in modern Russia: Challenges of the digital age]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2019, vol. 11, issue 2, pp. 86–93. (In Russ.)

Danilkin L. Rodnaya rech': 'Ya ne imitator, ya byl by neplokhim drevnerusskim pisatelem' [Native speech: 'I am not an imitator, I would be a good old Russian writer']. *Afisha. Daily*, November 26, 2013. Available at: <https://daily.afisha.ru/archive/vozduh-books/ya-ne-imitator-ya-byl-by-neplohim-drevnerusskim-pisatelem/> (accessed 29.08.2020). (In Russ.)

Jeannette J. *Povestvovatel'nyy diskurs* [Narrative discourse]. Jeannette J. *Figury: v 2 t.* [Figures: In 2 vols.]. Transl. from French by E. Vasil'eva et al. Moscow, Sabashnikov's Publishing House, 1998, vol. 2, pp. 60–280. (In Russ.)

Ivanova I. V. *Zhanr interv'y'u: formy bytovaniya i yazykovye osobennosti: Avtoreferat diss. k-ta filol. nauk* [Interview as a genre: Forms of existence and language features. Abstract of Dr. philol. sci. diss.]. Astrakhan, 2009. 24 p. (In Russ.)

Izdatel'stvo AST predstavlyaet: Evgeniy Vodolazkin [AST Publishing House presents: Evgeniy Vodolazkin]. *Vstrecha s Evgeniem Vodolazkinym na 27 Moskovskoy mezhdunarodnoy knizhnoy vystavke-yarmarke* [Meeting with Evgeniy Vodolazkin at the 27th Moscow International Book Fair]. September 22, 2014. Available at: <https://www.youtube.com/watch?v=fejMvjxqjaE> (accessed 29.08.2020). (In Russ.)

Kucherskaya M. Evgeniy Vodolazkin: S tochki zreniya vechnosti [Evgeniy Vodolazkin: From the point of view of eternity]. *Vedomosti*, December 7, 2012. Available at: https://www.vedomosti.ru/lifestyle/articles/2012/12/07/pisatel_nemnozhko_ne_zdes (accessed 29.08.2020). (In Russ.)

Panova L. *Mnimoe sirotstvo: Khlebnikov i Kharms v kontekste russkogo i evropeyskogo modernizma* [Imaginary orphanhood: Khlebnikov and Kharms in the context of Russian and European modernism]. Moscow, Higher School of Economics Press, 2017. 608 p. (In Russ.)

Savkina I. L. Byt' znamenitym krasivo: egoteksty kak fenomen [Being famous is beautiful: egotexts as a phenomenon]. *Kul't-tovary: massovaya literatura sovremennoy Rossii mezhdu bukvoy i tsifroy: sbornik nauchnykh statey* [Cult-goods: mass literature of modern Russia between the letter and the digit: Collection of scientific articles]. Ed. by M. A. Chernyak. St. Petersburg, Herzen State Pedagogical University of Russia Press, 2018, pp. 110–123. (In Russ.)

Savkina I. L. 'A starost' vot ona, ryadom': reprezentatsii starosti i stareniya v dnevnikakh sovet'skogo vremeni ['And old age is here, nearby': Representations of old age and aging in diaries of the Soviet era]. *Shagi* [Steps], 2019, vol. 5, issue 2, pp. 188–210. (In Russ.)

Selyutina E. A., Selyutin A. A. Kul'tura chteniya v sovremennykh kommunikativnykh praktikakh: setevye media i kartina mira sovremennogo chitatelya [Reading culture in modern communication practices: Network media and the modern reader's picture of the world]. *Vestnik Cheljabinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Chelyabinsk State University], 2016, issue 13(395), pp. 106–112. (In Russ.)

Simakova S. Evgeniy Vodolazkin: 'Chelovek sozdan dlya vechnosti' [Evgeniy Vodolazkin: 'Man is created for eternity']. *74.ru: Informatsionnyy portal* [74.ru: Information portal]. October 23, 2013.

Available at: <https://74.ru/text/education/59437461/> (accessed 29.08.2020). (In Russ.)

Smirnova A., Tolstaya T. Evgeniy Vodolazkin [Evgeniy Vodolazkin]. *Shkola zlosloviya* [School of slander]. June 29, 2013. Available at: <https://www.ntv.ru/peredacha/shkola/m543/o174762/video/> (accessed 29.08.2020). (In Russ.)

Tiv'yaeva I. V. Strukturnaya organizatsiya mnemicheskogo narrativa [Structural organization of the memory narrative]. *Sibirskiy filologicheskii zhurnal* [Siberian Journal of Philology], 2020, issue 1, pp. 303–314. (In Russ.)

Tokareva M. Evgeniy Vodolazkin: 'Istoriya cheloveka vazhnee istorii chelovechestva' [Evgeniy Vodolazkin: 'A person's history is more important than human history']. *Novaya gazeta* [New Newspaper]. Sept. 30, 2013, issue 109. Available at: <https://novayagazeta.ru/articles/2013/09/27/56548-evgeniy-vodolazkin-171-istoriya-cheloveka-vazhnee-istorii-chelovechestva-187> (accessed 29.08.2020). (In Russ.)

Trufanova E. O. *Ya-narrativ i ego avtor* [Self-narrative and its author]. *Filosofiya nauki* [Philosophy of Sciences.]. Ed. by V. A. Lektorskiy. Moscow, RAS Institute of Philosophy Publ., 2010, issue 15. *Epistemologiya: aktual'nye problemy* [Epistemology: Current issues], pp. 183–194. (In Russ.)

Bamberg M. Biographic-narrative research, Quo Vadis. A critical review of 'big stories' from the perspective of 'small stories'. *Narrative, Memory & Knowledge: Representations, Aesthetics, Contexts*. University of Huddersfield, 2006, pp. 63–79. Available at: <http://eprints.hud.ac.uk/id/eprint/4902/> (accessed 29.08.2020). (In Eng.)

Labov W., Waletzky J. Narrative analysis: Oral versions of personal experience. Ed. by J. Helm. *Essays on the Verbal and Visual Arts: Proceedings of the American Ethnological Society*. Seattle, University of Washington Press, 1966, pp. 12–44. (In Eng.)

Postclassical Narratology: Approaches and Analyses. Ed. by M. Fludernik, J. Alber. Columbus, Ohio State University, 2010. 323 p. (In Eng.)

**‘NARRATIVE ABOUT THE AUTHOR’
AND THE PROBLEM OF WRITERS’ SELF-IDENTIFICATION
IN MODERN LITERARY PROCESS**

Elena A. Selyutina

**Leading Researcher, Associate Professor in the Department of Russian Literature and Language
Chelyabinsk State Institute of Culture**

36a, Ordzhonikidze st., Chelyabinsk, 454091, Russian Federation. L22502@yandex.ru

SPIN-code: 2873-9060

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-5982-6208>

ResearcherID: T-2113-2017

Submitted 22.09.2020

The research is devoted to the analysis of the ‘narrative about the author’ in interviews with contemporary writers. Modern literary process is characterized by reconfiguration and reevaluation of the writer-reader-text system. The author’s persona, their direct speech intended for different types of readership are coming to the fore. In interviews, a special ‘narrative about the author’ (self-identification as a writer) is formed. The author of the article comes to a conclusion that writers are faced with the necessity of public self-reflection, self-commenting, i. e. creation of a metatext – a second-order text about one’s own creative work; they become self-interpreters, gaining the ability to influence the reader’s perception vectors, while shifting from the sphere of the sacred to the sphere of consumption. Text as a communication act ceases to be alienated from the author (the author-text-reader relationship becomes horizontal), the reader perceives the work through the model of personality that the writer has presented to the public. It is necessary to study the author’s narrative of self-representation as a system of voluntary or repressive conventions adopted by the author (narrative framework), restrictions imposed by the author on themselves, and ways of their representation, taking into account the problem of verification of this self-representation. The way the ‘narrative about the author’ is arranged is determined by many factors; the description of those can serve as an illustration of the dynamics of modern writers’ views on the essence of literary creativity and the mission of the writer in the time of literary centrality coming to collapse. The study of the ‘narrative about the author’ is relevant in the context of understanding the complexity of determining the main artistic trends of the present time. The research is based on the material of interviews with the writer E. Vodolazkin devoted to his novel *Lavr*.

Key words: author; narrator; ‘narrative about the author’; narrative frame; interview; modern literary process; E. Vodolazkin; *Lavr*.

УДК 82.09+821.161.1

doi 10.17072/2073-6681-2021-1-119-125

ЭССЕИСТИКА В. С. ПОДШИВАЛОВА В ЖУРНАЛЕ «ПРИЯТНОЕ И ПОЛЕЗНОЕ ПРЕПРОВОЖДЕНИЕ ВРЕМЕНИ»

Мария Валерьевна Сеницына

аспирант кафедры истории русской литературы

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

119991, Россия, г. Москва, Ленинские горы, 1. sinmasha0913@yandex.ru

SPIN-код: 2935-1741

ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-2274-9103>

Статья поступила в редакцию 02.11.2020

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Сеницына М. В. Эссеистика В. С. Подшивалова в журнале «Приятное и полезное препровождение времени» // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2021. Т. 13, вып. 1. С. 119–125. doi 10.17072/2073-6681-2021-1-119-125

Please cite this article in English as:

Sinitsyna M. V. Esseistika V. S. Podshivalova v zhurnale «Priyatnoe i poleznoe preprovozhdenie vremeni» [V. S. Podshivalov's Essays in the Magazine 'Pleasant and Useful Pastime']. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2021, vol. 13, issue 1, pp. 119–125. doi 10.17072/2073-6681-2021-1-119-125 (In Russ.)

В статье рассматривается эссеистика В. С. Подшивалова, редактора журнала Московского университета «Приятное и полезное препровождение времени» и сторонника Н. М. Карамзина. Цель работы – определить своеобразие поэтики эссе и их значение в контексте журнала. На материале эссе Подшивалова рассматривается проблема становления сентиментальной эстетики на просветительской основе. Структура и методология работы определяются задачей комплексного анализа текста в аспектах композиции, риторических приемов, тематики и литературных связей.

Эссе носят программный характер: в них разъясняется суть актуального в то время направления – сентиментализма, разрабатывается концепция личности, принятая в нем. В них реализована единая композиционная модель – кумулятивная, основанная на постепенном присоединении однородных мотивных структур (которые оформляются, как правило, в виде триад с повторением ключевых слов), сопоставленных по принципу антитезы. Тематика эссе соотносится с дидактической литературой эпохи Просвещения: речь идет о традиционных темах, таких как доброта, милосердие или, наоборот, скупость, жестокость. Сатирические типажи скупого, лицемера или несправедливого критика разоблачаются путем противопоставления им сентиментальных ценностей (чувствительное сердце, уединение, близкий круг друзей). Подшивалов совмещает две традиции – просветительского дидактизма и сентиментализма, перенося дидактическую проблематику в сентименталистскую концептуальную сферу. В эссе есть ряд реминисценций из произведений Карамзина, выходящих примерно в одно время вместе с первыми частями журнала. Ссылки на Карамзина в университетском издании укрепляли его моральный и литературный авторитет. Эстетический эффект от эссе достигается путем соединения контрастных элементов – простоты содержания и сложности формы.

Ключевые слова: эссе; В. С. Подшивалов; Н. М. Карамзин; журнал «Приятное и полезное препровождение времени»; просветительский дидактизм; сентиментализм.

Журнал «Приятное и полезное препровождение времени» выходил при Московском университете на протяжении пяти лет – с 1794 по 1798 г. – в качестве приложения к «Московским ведомостям». У издания было два редактора – В. С. Подшивалов (1794–1795 гг.) и П. А. Сохац-

кий (1796–1798 гг.). Первые восемь частей под редакцией Подшивалова открываются его собственными сочинениями небольшого объема с нравоучительным содержанием: «К сердцу» (часть 1), «К жизни» (часть 2), «К уму» (часть 3), «К смерти» (часть 4), «Желания» (часть 5), «Сует-

ты» (часть 6), «Предприимчивость» (часть 7), «Покой» (часть 8). Помещение этих текстов в начале каждой части неслучайно: вступительные эссе носят программный характер, это своеобразные манифесты эстетической системы Подшивалова.

Журнал в целом проводит актуальную в то время сентиментальную эстетику [Комаров 1950: 149–151; Берков 1952: 530]. Подшивалов, сторонник Н. М. Карамзина [Модзалевский 1905: 216–220; Кочеткова 1999: 450–455], в своих эссе разъясняет суть нового направления – сентиментализма, разрабатывает концепцию личности, принятую в нем. В целях популяризации (а журнал был адресован широкой аудитории) он намеренно упрощает слог повествования и избегает сложных философских размышлений.

По форме и содержанию эти произведения можно отнести к жанру эссе (см. подробнее [Эпштейн 1988; Иванов 2004; Encyclopedia of the Essay 1997]). Тексты отличаются относительно свободной внутренней структурой [Хализев 2004: 331]: между блоками-триадами (о них речь пойдет ниже) нет временной связи, сцепленность этих фрагментов слаба, они могут быть переставлены в другом порядке без изменения смысла. Эссе не насыщены событиями: автору важнее передать свои размышления над обобщенными понятиями и эстетическими категориями, направленные на раскрытие типа сентиментального человека, от лица которого выступает сам автор. Исключениями в жанровом отношении являются тексты пятой и шестой частей: «Желания» тяготеют к нравоучительной повести с аллегорическим сюжетом, а «Суеты» – к исповеди с элементами аллегоризма. Однако начальное расположение и тематическая соотнесенность с другими вступительными произведениями позволяют рассматривать их в одном ряду. Эти выпадающие из общего ряда по форме тексты имеют общие содержательные черты с другими сочинениями. Например, в разных произведениях упоминается один и тот же герой (Каллиста как идеальный образ сентиментальной героини в «Желаниях» и «Покое»), а тема суетности и тленности человеческой жизни, заявленная в «Суетах», продолжается в «Предприимчивости». Сатирические маски, указанные в первых четырех эссе, получают развернутые характеристики в «Желаниях» и «Суетах».

Эссе обладают логическим композиционным построением как внутри каждого текста, так и на уровне названий. Основные концепты, вынесенные в заглавие, попарно соотносятся между собой по антитетическому принципу: сердце – ум, жизнь – смерть, предприимчивость – покой, желания – суеты, а также объединяются в группы:

жизнь – смерть – покой, сердце – ум – предприимчивость, желания – суеты – предприимчивость, порождая цепочку смысловых ассоциаций. С одной стороны, эти оппозиции описывают противоположные состояния человеческой жизни. С другой стороны, обобщенные понятия настолько тесно сплетены между собой, что это обстоятельство позволяет рассматривать все эссе как фрагменты единого текста, состоящего из восьми частей.

Эссе, как правило, включают три традиционных раздела: вступление, основную часть, заключение, которые имеют свою определенную структуру. Композиция двух последних эссе – «Предприимчивость» и «Покой» – усложняется: в начале сочинения добавляется абзац или несколько абзацев, уводящие в сторону от основного предмета изложения. Однако это кажущееся отступление вовсе таковым не является. Оно плавно вводит в повествование, дополняя и разъясняя суть понятия, которому посвящено эссе. В «Предприимчивости» на отступления приходится три абзаца, в которых дается отрицательный пример поведения человека с притупленным чувством бытия («с любимой мыслью о смерти делается мертв в цепи созданий» (Приятное и полезное препровождение времени, 1795, VII, 4)¹). Такое отступление необходимо, чтобы показать значимость предприимчивости, представленной в виде некой преобразующей силы, признаками которой являются всеохватность, созидательное начало и нацеленность на прогресс. В «Покое» автор снимает многозначность понятия «покой», оговорив вначале значение покоя как вечной жизни, а затем сосредоточив свое внимание на его значении как чистой совести. Однако и здесь обнаруживается глубинная связь: вечную жизнь обретает только тот человек, который «соблюдал покой совести и сердца» (1795, VIII, 4). Таким образом, построение этих эссе не нарушается, а отступления необходимы для большей убедительности и логичности рассказа.

Вступление эссеистического произведения (чаще всего это первый абзац) содержит обращение к предмету размышлений, который персонафицируется, что подчеркивается предложно-падежной формой в названиях – «К сердцу», «К жизни», «К уму», «К смерти», а также субъективное определение к каждому концепту, выраженное с помощью эпитетов, метафор или перифраз. Из эссе читатель не получит полного представления о значении того или иного понятия, но он получит его образ. Так, смерть перифрастически названа «повелительницей всего дышащего» (1794, IV, 3), являющейся в образе «прекрасного, вечноцветущего юноши» (1794, IV, 4), а ум – «лучом света, озаряющим долину

жизни» (1794, III, 3), призванным «согреть, но не жечь» людей (1794, III, 6).

Основная часть эссе строится по кумулятивному принципу и состоит из отдельных блоковых триад, начинающихся сходными синтаксическими оборотами (графически они выделяются курсивом). Например, в эссе «К уму» первая триада открывается словами «я удивляюсь тебе [то есть уму]» (1794, III, 3), и далее следуют описания ума, направленного на добрые дела (поиск правды, развитие наук, смирение страстей). Вторая триада содержит негативные характеристики ума; здесь повторяются слова «ты низок и мал, ум...» (1794, III, 4–6) с прибавлением эпитетов (коварный, злобный, пагубный). По такой же схеме составлены эссе «К жизни» с двумя триадами, «К сердцу» и «К смерти» с одной триадой (перечисляются преимущественно положительные характеристики). Однако в эссе «К сердцу» можно выделить вторую, отрицательную, триаду внутри фрагмента-описания мягкого сердца. Она не связана с абзачным членением текста, но имеет ту же организацию (тройное повторение слов «разве лучше» (1794, I, 6–7) в начале фраз). «Предприимчивость» и «Покой» отходят от общего плана первых четырех эссе: нет триад, но принцип противопоставления сохраняется. В «Предприимчивости» в одном абзаце сталкиваются положительные и отрицательные черты с повторением начальной фразы: «Горе тебе [то есть предприимчивости], когда ...» (1795, VII, 6) – «Но благо тебе, когда ...» (1795, VII, 6). В «Покое» описывается типичное поведение высокомерного человека, скупого, лицемера и несправедливого критика (один сатирический типаж – один абзац); используется анафора: «пусть высокомерный...», «пусть скупец...» (1795, VIII, 4–5) и т. д. Таким образом, прослеживается единый способ построения эссеистического произведения (с небольшими модификациями внутри текста) – кумулятивная модель, выражающаяся в постепенном присоединении однородных мотивных структур (которые оформляются, как правило, в виде триад с повторением ключевых слов), сопоставленных между собой по принципу антитезы.

Заключительный абзац, как правило, отсылает к началу, с небольшими изменениями повторяет мысль, высказанную во вступлении. Например, эссе «К сердцу» открывается обращением: «Тихие колебания сердца! электризуйте перо мое, да прославит оно чистый, неиссякаемый источник ваш» (1794, I, 3). В конце текста автор благодарит «тихие колебания сердца» за возможность рассказать о чувствительном и добродетельном сердце. А в эссе «Предприимчивость» слова о благословении автором предприимчивости начи-

нают и заканчивают сочинение. Кольцевая композиция характерна и для других эссе. Кольцевая модель реализована и на уровне связи между эссе: первое из них открывается описанием сердца, а последнее заканчивается описанием достоинств чувствительного человека (кроме доброго сердца, отмечается честность и склонность к уединению).

Слова, выделенные курсивом (это могут быть отдельные слова, словосочетания или целые фразы), служат стержнем рассуждения. Из этих слов-сигналов составляется внутренний текст, в котором подчеркивается сказанное в основном тексте или расширяются границы рассуждения. Так, в эссе «К жизни» курсивом четко выделяется оппозиция «живет – не живет», т. е. противопоставление жизни подлинной и жизни мнимой, неправильной (с точки зрения нравственности), а в «Суетах» обозначается главный объект рассмотрения – суеты. В таких текстах, как «К сердцу», «К смерти», «Желания», курсивом отмечаются главные мысли, которые можно соотнести с более широким контекстом. Например, эпитеты к сердцу (чувствительное, мягкое, доброе) и эпитафия в конце эссе «К смерти»: «Он жил в безызвестности, и не боялся смерти» (1794, IV, 6) – отражают этико-эстетический идеал сентиментализма. Сложнее представлены ценности сентиментализма в «Желаниях». По мнению мудреца Калофана, главного героя повести, человеку нужно иметь «доброе сердце, просвещенный разум и лучший вкус» (1795, V, 9, выделено курсивом), и в этом Подшивалов с ним полностью согласен. Интересно, что такой серьезный ответ он дает щеголям и щеголихам, которые смеются над ним: «Ха, ха, ха! раздалось со всех сторон; мы этого и ожидали от обезьянской рожицы, воскликнули щеголи и щеголихи, и исчезли, как исчезает легкий пар при наступлении красного утра» (1795, V, 9). Таким образом, ценности сентиментальной эстетики – «доброе сердце, просвещенный разум и лучший вкус» – преподносятся в ироническом контексте, возможно, непреднамеренно со стороны автора. Однако данный эпизод можно рассматривать по-другому: подчеркивается контраст между двумя точками зрения – авторской и обывательской. Дополнительная скрепа внутри текста в виде курсивных слов помогает в организации повествования, а также создает другой способ прочтения текста – составление параллельного текста из выделенных слов.

Подшивалов использует многочисленные риторические приемы (риторические обращения к предмету повествования, вопросы, повторы), усиливая эмоциональное воздействие на читателя [Зацепин 2010: 199–200]. Вопросы, по сути,

являются утверждениями. Над ними не следует размышлять, в них не нужно сомневаться. Например, после ряда описаний пороков в эссе «К сердцу» автор заключает: «Разве лучше обманывать, нежели быть обманутой?» (1794, I, 7). Он задает вопрос и сам на него отвечает. Читатель в этой модели коммуникации пассивен и эксплицитно не введен в повествование, но его фигура необходима для дидактических задач автора.

Тематика образующих триады частей соотносится с дидактической литературой эпохи Просвещения (как, например, в эссеистике сатирических журналов [Королева 2007: 274–277; Трахтенберг 2020: 124–131; Ellis 2020: 97–113]): речь идет о традиционных темах, таких как доброта, милосердие, любовь, сочувствие или, наоборот, скупость, жестокость, корыстолюбие, равнодушные и др. Эти темы повторяются во всех произведениях с разной степенью интенсивности и эмоциональности. Например, в эссе «К сердцу» автор предельно эмоционален, когда говорит о людях, равнодушных к чужому горю или угнетающих ближних. А в эссе «Покой» тон повествования более спокойный, автор старается рационалистически осмыслить пороки и недостатки. В текстах воспроизводятся типичные сатирические образы корыстолюбивого судьи («К сердцу»), «К жизни»), скупого («К уму», «К смерти», «Суеты», «Покой»), купца («Желания»), кокетки («Суеты»), щеголя и щеголихи («К жизни», «Желания»), несправедливого критика («Покой») и др. Они могут быть названы прямо или быть обнаружены с помощью описания характерных черт (см. подробнее [Трахтенберг 2016: 253–327]). Узнаваемость сатирических масок, вероятно, входила в замысел Подшивалова, на известном материале он объяснял новые эстетические категории. Главная дидактическая цель состояла не в том, чтобы высмеять тот или иной сатирический образ (хотя ироническая интонация присутствует), а в том, чтобы показать, насколько он отличается от «чувствительного человека» рубежа XVIII–XIX вв.

Эссе формируют сетку категорий, где ряд дидактических тем, перечисленных внутри каждого текста, скрещивается с рядом ключевых концептов, вынесенных в заглавие. Эти ряды соотносятся с двумя традициями – просветительского дидактизма и сентиментализма. Так, в эссе «Покой» автор последовательно разоблачает сатирические типажи скупого, лицемера и несправедливого критика, противопоставляя им сентиментальные ценности («нужное для простых забав», «тихий круг друзей», «сердечные радости» – 1795, VIII, 5–6). Таким образом, Подшивалов совмещает обе традиции, перенося дидактиче-

скую проблематику в сентименталистскую концептуальную сферу.

В эссе «К сердцу» заявлена концепция человеческой личности, отличная от рационалистического взгляда на человека: не все люди могут избавиться от пороков (а в просветительской концепции предполагается оптимистический взгляд, способность любого человека исправиться, если он будет следовать за добродетелью): «...о ты [сердце], вещь неизвестная и непонятная для людей обыкновенных, доброе и благодетельное сердце! Не пробуждайся в них [в лжеумниках], щадя мнимое их благополучие, не наказывай их упорства и незнания, бейся только для своих любимцев!» (1794, I, 3–4); «...ты [сердце] можешь беспрепятственно изливать свои щедроты не на многих, чувствующих цену твою» (1794, I, 4). В данном контексте люди обыкновенные – это люди «нечувствительные» («Горе нечувствительным! Горе управляемым силою одного механизма!» – 1794, I, 6). Хотя в сентиментализме действуют обыкновенные люди с точки зрения их социального положения, однако они выделяются своей способностью чувствовать и сострадать (фраза «чувствительным сердцам любить сродно» (1794, I, 5) становится своеобразным афоризмом), поэтому в этом смысле они необыкновенные.

В эссе можно найти точки соприкосновения с мыслями двух главных фигур западноевропейского и русского сентиментализма – Ж.-Ж. Руссо и Н. М. Карамзина. Именно они эксплицитно указаны в тексте: Руссо назван прямо (эссе «К уму»; 1794, III, 5), а фамилия Карамзина зашифрована первой буквой, однако по контексту можно догадаться, о ком идет речь (эссе «К сердцу»; 1794, I, 8). Если произведения Руссо к середине 1790-х гг. уже были известны широкому читателю, то идеи Карамзина находились в развитии, на то время приходится пик его творческой активности. Подшивалов, ссылаясь на Карамзина, укрепляет его моральный и литературный авторитет, а также в прямых и скрытых цитатах напоминает читателю о недавних произведениях Карамзина, напечатанных в «Московском журнале» (1791–1792) и альманахе «Аглая» (1794–1795).

Подшивалов внимательно следил за выходящими сочинениями Карамзина, что отражалось в содержании журнала «Приятное и полезное препровождение времени». Так, идеи Руссо воспринимаются сквозь призму рассуждений Карамзина в статье «Нечто о науках, искусствах и просвещении», напечатанной в первой книге альманаха «Аглая» (вышла практически одновременно со второй частью журнала²). Карамзин, высоко оценивая заслуги Руссо, не может согла-

ситься с ним в критике наук и искусств [Лотман 1987: 63]. В полемике Карамзина с Руссо [Лотман 2002: 438–439] Подшивалов явно выступает на стороне Карамзина. Он, как и Карамзин, приветствует образованность и просвещение. Подшивалов подчеркивает важность «благотельного» ума, который собирает «окрест себя <...> прекрасных Наук» и повелевает «им иметь попечение о счастье смертных» (1794, III, 3–4).

В «Московском журнале» были напечатаны «Разные отрывки (Из записок одного молодого россиянина)» Карамзина (1792), по форме напоминающие эссе и представляющие собой «вернейший духовный автопортрет Карамзина того времени» [Муравьев 2014: 177]. Возможно, при написании своих сочинений Подшивалов также учитывал опыт Карамзина, на это указывают тематика и структура отрывков. Как и Карамзин, Подшивалов размышляет об отвлеченных категориях – о человеческом счастье, жизни, смерти и т. д., а композиция восьмого отрывка с трехкратным присоединением сходных синтаксических конструкций схожа с подшиваловскими триадами. Кроме того, в эссе «К сердцу» Подшивалов, говоря о «единодушной любви», которая бы «одушевляла всех смертных» (1794, I, 8), вероятно, имеет в виду утопические рассуждения в одиннадцатом отрывке, начинающемся словами: «Если бы я был старшим братом всех братьев сочеловеков моих» (Московский журнал, 1792, VI, 72).

Другие произведения Карамзина из альманаха «Аглая» также не остались без внимания. Отрывок из эссе «К сердцу»: «Несчастлив я сам, сердце мое надымается против утеснителей: но я невинен, я отношу их притеснения на счет властолюбия <...> Надежда <...> манит возвратиться к внутренним радостям, которых никто у меня похитить не может» (1794, I, 5) – развивает мысль Карамзина, высказанную в «Послании к Дмитриеву» (1794): «Пусть громы небо потрясают, / Злодеи слабых угнетают, / Безумцы хвалят разум свой! / Мой друг! не мы тому виной. / Мы слабых здесь не угнетали / И всем ума, добра желали: / У нас не черные сердца!» [Карамзин 2005: 65]. А конец эссе «Покой» схож с сюжетной ситуацией очерка Карамзина «Цветок на гроб моего Агатона». Интересно, что жанр этого сочинения Карамзина можно определить как «лирическое эссе» [Кочеткова 1994: 232]. Если у Карамзина преобладают личные переживания и самоанализ, то Подшивалов заключает свои размышления в идеальную модель сентиментального героя.

Статьи Подшивалова имеют определяющее значение для понимания литературной позиции журнала «Приятное и полезное препровождение

времени». В форме эссе, опирающейся на давнюю традицию западной и русской журналистики, Подшивалов разрабатывает новую, сентименталистскую, концепцию личности человека. На место прежней, рационалистической, модели поведения приходит иная, где на первый план выдвигается эмоциональная сфера. Притом новое видение личности формируется на основе прежних моралистическо-просветительских представлений и традиционных сатирических типажей, что определяет двойственность художественной природы этих текстов.

Эссе Подшивалова отличается эмоциональный тон, типичный для эстетики сентиментализма. Излишняя эмоциональность и субъективность в суждениях сглаживается сложным, логически выверенным построением текста с соразмерными частями, в результате чего создается эффект прочности и убедительности сказанного. Тон повествования не препятствует упорядочению мысли внутри текста. Наоборот, эмоциональность придает эссе объемность и глубину осмысления характера человека в новых эстетических условиях.

В своих эссе-манифестах Подшивалов излагает общераспространенные идеи того времени, делая акцент на сентиментальной трактовке основных тем, при этом использует сложную многоуровневую композицию с многочисленными риторическими приемами. Таким образом, путем соединения двух контрастных элементов: простоты содержания и сложности формы – достигается эстетический эффект от эссе.

Примечания

¹ Далее ссылки на этот журнал даются в тексте с указанием года, части и страниц в круглых скобках.

² В журнале «Приятное и полезное препровождение времени» есть прямое указание на альманах «Аглая» в «Письме к издателям» анонимного автора (1794, II, 229–233).

Список литературы

Берков П. Н. История русской журналистики XVIII века. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952. 572 с.

Зацепин К. А. Эссе: от философии к литературе // Новое литературное обозрение. 2010. № 4(104). С. 191–201.

Иванов О. Б. Эссе в европейской философской и художественной культуре: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ростов н/Д, 2004. 22 с.

Карамзин Н. М. Полное собрание сочинений: в 18 т. М.: ТЕРРА – Книжный клуб. Т. 14. 2005. 432 с.

Комаров А. И. Журналы Н. М. Карамзина и его направления // Очерки по истории русской

журналистики и критики. Л.: Изд-во Ленингр. гос. ун-та им. А. А. Жданова, 1950. Т. 1. С. 132–152.

Королева О. А. Жанр эссе в творчестве Д. Аддисона и Р. Стиля // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2007. № 6. С. 274–277.

Кочеткова Н. Д. Литература русского сентиментализма. СПб.: Наука, 1994. 279 с.

Кочеткова Н. Д. Подшивалов // Словарь русских писателей XVIII века. СПб.: Наука, 1999. Вып. 2. С. 450–455.

Лотман Ю. М. История и типология русской культуры. СПб.: Искусство-СПб, 2002. 768 с.

Лотман Ю. М. Сотворение Карамзина. М.: Книга, 1987. 336 с.

Модзалевский Б. Л. Подшивалов // Русский биографический словарь / изд. под наблюдением пред. Имп. Рус. ист. о-ва А. А. Половцова. СПб.: Имп. Рус. ист. о-во. Т. 14. 1905. С. 216–220.

Московский журнал. 1792. Ч. 6.

Муравьев В. Б. Карамзин. М.: Молодая гвардия, 2014. 479 с.

Приятное и полезное препровождение времени. 1794–1795. Ч. 1–8.

Трахтенберг Л. А. Русские сатирические журналы XVIII века: очерки поэтики. М.: МАКС Пресс, 2016. 432 с.

Трахтенберг Л. А. Эссе в русских сатирических журналах XVIII века // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2020. Т. 12, вып. 3. С. 124–131. doi 10.17072/2073-6681-2020-3-124-131

Хализев В. Е. Теория литературы. 4-е изд., испр. и доп. М.: Высш. шк., 2004. 405 с.

Эпштейн М. Н. На перекрестке образа и понятия (эссеизм в культуре Нового времени) // Парадоксы новизны: о литературном развитии XIX–XX веков. М.: Сов. писатель, 1988. С. 334–380.

Ellis M. Time and the Essay: *The Spectator* and Diurnal Form // On Essays: Montaigne to the Present / ed. by T. Karshan, K. Murphy. Oxford: Oxford University Press, 2020. P. 97–113.

Encyclopedia of the Essay / ed. by T. Chevalier. London: Fitzroy Dearborn Publishers, 1997. 2156 p.

References

Berkov P. N. *Istoriya russkoy zhurnalistiki 18 veka* [The history of Russian journalism of the 18th century]. Moscow, Leningrad, Academy of Sciences of the Soviet Union Publ., 1952. 572 p. (In Russ.)

Zatsepin K. A. *Esse: ot filosofii k literature* [Essay: from philosophy to literature]. *Novoe literaturnoe obozrenie* [New Literary Observer], 2010, issue 4, pp. 191–201. (In Russ.)

Ivanov O. B. *Esse v evropeyskoy filosofskoy i khudozhestvennoy kul'ture*. Avtoref. ... dis. kand. filol. nauk [Essay in European philosophical and

artistic culture. Abstract of Cand. philol. sci. diss.]. Rostov-on-Don, 2004. 22 p. (In Russ.)

Karamzin N. M. *Polnoe sobranie sochineniy: v 18 t.* [Complete works: in 18 vols.]. Moscow, TERRA – Knizhnyy klub Publ., 2005, vol. 14. 432 p. (In Russ.)

Komarov A. I. Zhurnaly N. M. Karamzina i ego napravleniya [Magazines of N. M. Karamzin and its areas of specialization]. *Ocherki po istorii russkoy zhurnalistiki i kritiki* [Essays on the history of Russian journalism and criticism]. Leningrad, Leningrad State University named after A. A. Zhdanov Press, 1950, vol. 1, pp. 132–152. (In Russ.)

Koroleva O. A. Zhanr esse v tvorchestve D. Addisona i R. Steele's oeuvre]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo* [Vestnik of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod], 2007, issue 6, pp. 274–277. (In Russ.)

Kochetkova N. D. *Literatura russkogo sentimentalizma* [Literature of Russian sentimentalism]. St. Petersburg, Nauka Publ., 1994. 279 p. (In Russ.)

Kochetkova N. D. Podshivalov [Podshivalov]. *Slovar' russkikh pisateley 18 veka. Vyp. 2* [Dictionary of Russian writers of the 18th century. Issue 2]. St. Petersburg, Nauka Publ., 1999, pp. 450–455. (In Russ.)

Lotman Yu. M. *Istoriya i tipologiya russkoy kul'tury* [History and typology of Russian culture]. St. Petersburg, Iskusstvo-SPB Publ., 2002. 768 p. (In Russ.)

Lotman Yu. M. *Sotvorenie Karamzina* [Karamzin being created]. Moscow, Kniga Publ., 1987. 336 p. (In Russ.)

Modzalevskiy B. L. Podshivalov [Podshivalov]. *Russkiy biograficheskiy slovar'* [Russian biographical dictionary]. St. Petersburg, Imperial Russian Historical Society Publ., 1905, vol. 14, pp. 216–220. (In Russ.)

Moskovskiy zhurnal [Moscow Magazine], 1792, pt. 6. (In Russ.)

Murav'ev V. B. *Karamzin* [Karamzin]. Moscow, Molodaya gvardiya Publ., 2014. 479 p. (In Russ.)

Priyatnoe i poleznoe preprovozhdenie vremeni [Pleasant and useful pastime]. 1794–1795, pts. 1–8. (In Russ.)

Trakhtenberg L. A. *Russkie satiricheskie zhurnaly 18 veka: ocherki poetiki* [Russian satirical magazines of the 18th century: essays on poetics]. Moscow, MAKS Press, 2016. 432 p. (In Russ.)

Trakhtenberg L. A. *Esse v russkikh satiricheskikh zhurnalakh 18 veka* [The essay in Russian 18th-century satirical magazines]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2020, vol. 12, issue 3, pp. 124–131. doi 10.17072/2073-6681-2020-3-124-131. (In Russ.)

Khalizev V. E. *Teoriya literatury* [Theory of literature]. 4th ed., revised and enlarged. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 2004. 405 p. (In Russ.)

Epstein M. N. Na perekrestke obraza i ponyatiya (esseizm v kul'ture Novogo vremeni) [At the intersection of image and concept (essayism in the culture of the Modern age)]. Epstein M. N. *Paradoksy novizny: o literaturnom razviti 19–20 vekov* [The paradoxes of novelty: On the literary development of

the 19th–20th centuries]. Moscow, Sovetskiy pisatel' Publ., 1988, pp. 334–380. (In Russ.)

Ellis M. Time and the essay: The spectator and diurnal form. *On Essays: Montaigne to the Present*. Ed. by T. Karshan, K. Murphy. Oxford, Oxford University Press, 2020, pp. 97–113. (In Eng.)

Encyclopedia of the Essay. Ed. by T. Chevalier. London, Fitzroy Dearborn Publishers, 1997. 2156 p. (In Eng.)

V. S. PODSHIVALOV'S ESSAYS IN THE MAGAZINE 'PLEASANT AND USEFUL PASTIME'

Mariia V. Sinitsyna

Postgraduate Student in the Department of History of Russian Literature
Lomonosov Moscow State University

1, Leninskie Gory, Moscow, 119991, Russian Federation. sinmasha0913@yandex.ru

SPIN-code: 2935-1741

ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-2274-9103>

Submitted 02.11.2020

The article discusses the essays written by V. S. Podshivalov, the editor of the Moscow University magazine *Pleasant and Useful Pastime* and a supporter of N. M. Karamzin. The aim of this paper is to study the poetics of the essays and to show their significance in the context of the magazine. Podshivalov's essays serve as material for researching the problem of the formation of sentimental aesthetics on the Enlightenment basis. The structure and methodology of the article are determined by the task of complex analysis of the text in the aspects of composition, rhetorical devices, themes and literary connections.

The essays can be viewed as manifestos of sentimentalism. In his writings, Podshivalov develops a sentimental personality concept. All the essays are shown to be similar in terms of composition, developing a cumulative model where homogeneous structures of motives are gradually added. These structures are usually grouped into triads based on the repetition of key words. Series of such structures are, in turn, compared with each other on the principle of antithesis. The subject matter of the essays is related to the didactic literature of the Enlightenment: they concern traditional themes such as kindness, charity or, conversely, miserliness, cruelty. Satirical types of a miser, a hypocrite or an unfair critic are exposed by contrasting them with sentimental values (a sensitive heart, privacy and a close circle of friends). Podshivalov combines two traditions: Enlightenment didacticism and sentimentalism, transferring didactic issues to the sentimental conceptual sphere. The essays contain reminiscences from the works of N. M. Karamzin published around the same time as the first parts of the magazine. References to Karamzin in the university publication strengthened his moral and literary authority. The aesthetic effect of the essays is achieved by combining two contrasting elements – simplicity of content and complexity of form.

Key words: essay; V. S. Podshivalov; N. M. Karamzin; Pleasant and Useful Pastime magazine; Enlightenment didacticism; sentimentalism.

Научный периодический журнал «Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология» (ISSN: 2073-6681; eISSN: 2658-6711) зарегистрирован в 2009 г. как самостоятельное издание, объединяющее две серии журнала «Вестник Пермского университета», издаваемого с 1994 г. («Филология» и «Иностранные языки и литературы»).

Цель журнала «Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология» – освещение новых результатов научной деятельности российского и зарубежного научного сообщества в области современной филологической науки; содействие развитию теоретических и практических исследований в области социогуманитарного знания; установление и укрепление научных связей между учеными из различных регионов России и других стран. Журнал публикует проблемные статьи и аналитические обзоры по актуальным вопросам современной филологической науки; результаты теоретических, экспериментальных и практических исследований в области языкознания, литературоведения, журналистики, методики преподавания языков и литератур; рецензии на научные публикации; хронику научных событий, сообщения о достижениях ведущих научных школ. Одна из задач журнала – формирование тематических научных площадок для обмена мнениями, предложениями и опытом в данных научных областях. Научный журнал «Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология» публикует качественные, оригинальные авторские исследования, ранее нигде не публиковавшиеся.

С 19.02.2010 журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук (10.01.01 – Русская литература, 10.01.03 – Литература народов стран зарубежья (с указанием конкретной литературы), 10.01.08 – Теория литературы. Текстология, 10.01.09 – Фольклористика, 10.01.10 – Журналистика, 10.02.01 – Русский язык, 10.02.02 – Языки народов Российской Федерации (с указанием конкретного языка или языковой семьи), 10.02.03 – Славянские языки, 10.02.04 – Германские языки, 10.02.14 – Классическая филология, византийская и новогреческая филология, 10.02.19 – Теория языка, 10.02.20 – Сравнительно-историческое типологическое и сопоставительное языкознание, 10.02.21 – Прикладная и математическая лингвистика).

Полнотекстовая версия журнала выставляется на сайте <http://press.psu.ru/index.php/philology> и на сайте НЭБ Elibrary.ru.

ПОРЯДОК РЕЦЕНЗИРОВАНИЯ И ПУБЛИКАЦИИ СТАТЕЙ

Оформленная в соответствии с требованиями журнала рукопись статьи направляется автором в редакцию в виде файла, сопровождается паспортом статьи. Письмо с вложенными файлами должно быть отправлено с адреса, указанного в сведениях об авторе, и сопровождаться текстом: «Передавая статью в научный журнал “Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология”, я гарантирую, что статья создана мной лично и не была ранее опубликована. Согласен на размещение статьи на сайте “Вестника Пермского университета. Российская и зарубежная филология” <http://press.psu.ru/index.php/philology/index>. беру на себя полную ответственность за соблюдение авторских прав в отношении используемых мной материалов» (в случае частичной публикации представляемой статьи здесь должны быть указаны сведения об уже опубликованном фрагменте и месте его публикации).

К рецензированию направленных для публикации в журнал рукописей статей привлекаются рецензенты из состава редакционного совета или редакционной коллегии журнала, а также российские и зарубежные специалисты в соответствующей области знания, имеющие опыт практической работы или публикации в течение последних 3 лет по тематике рецензируемых статей. Рецензентом не может выступать научный руководитель автора статьи. Решение о принятии рукописи к публикации, возвращении ее автору на доработку или отклонении от публикации принимается редколлекцией на основании результатов рецензирования. Поступающие рецензии на рукопись статьи обрабатываются в редакции, отправляются автору в виде нескольких рецензий или одной итоговой рецензии без указания данных о рецензентах. Если необходима доработка статьи, то автор вносит исправления, выделяя измененные места цветом. Срок доработки статьи не ограничен. Члены редакционного совета или редколлекции даже при наличии положительной рецензии могут обратиться к главному редактору с предложением о дополнительном рецензировании статьи.

Рукописи рассматриваются в порядке их поступления в течение 1 дня – 6 месяцев. Окончательное решение о публикации статьи принимается редколлекцией и главным редактором. Редакция издания направляет авторам представленных материалов копии рецензий или мотивированный отказ. Редакция не вступает в полемику и переписку с автором по содержанию его статьи. Плата за редакционную обработку и публикацию присланных рукописей, в том числе аспирантов, одобренных рецензентами и рекомендованных к печати, не взимается.

ПРАВИЛА ПОДАЧИ И ОФОРМЛЕНИЯ РУКОПИСЕЙ

Рукопись объемом от 20 до 40 тыс. знаков, оформленная в соответствии с выложенной на сайте ФОРМОЙ, должна поступить вместе с ПАСПОРТОМ СТАТЬИ по электронному адресу langlit2009@mail.ru (попросите отправить подтверждение). Основной текст может быть написан на русском или английском языках. **Правила оформления рукописей помещены на сайте журнала в разделе «Руководство для авторов».**

Главный редактор – Ирина Александровна Новокрещенных. *Зам. гл. редактора* – Ирина Ивановна Русинова, Наталья Валерьевна Шутемова, администратор сайта – Алексей Васильевич Пустовалов, контент-редактор англоязычной версии сайта – Екатерина Владимировна Исаева.

Адрес редакции: 614990, г. Пермь, ул. Букирева, 15, ПГНИУ, корп. 5, ауд. 131, 133 (тел. (342)2396795), ауд. 172 (тел. (342)2396290).

Научное издание

**Вестник Пермского университета
Российская и зарубежная филология**

Том 13. Выпуск 1 / 2021

Редакторы *Е. И. Герман, О. И. Кирьянова*

Корректор *Е. Г. Иванова*

Компьютерная верстка: *Л. С. Нечаева*

Макет обложки: *Т. А. Басова*

Подписано в печать 24.03.2021. Дата выхода в свет 31.03.2021
Формат 60×84/8. Усл. печ. л. 14,76. Тираж 500 экз. Заказ 41

Издательский центр
Пермского государственного
национального исследовательского университета
614990, г. Пермь, ул. Букирева, 15

Типография
Пермского государственного
национального исследовательского университета
614990, г. Пермь, ул. Букирева, 15

Подписной индекс журнала
«Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология»
в общероссийском каталоге «Пресса России» – 41008

Распространяется бесплатно и по подписке